

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Факультет гуманитарного образования

Кафедра филологии

Филимонова Елизавета Владимировна

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ
КАТЕГОРИЯ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ В РУССКОМ
ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ

Специальность 10.02.19 – Теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
к. филол. н. С.И. Буркова

Новосибирск 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА I. КАТЕГОРИЯ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ В ЗВУКОВЫХ И ЖЕСТОВЫХ ЯЗЫКАХ	26
1. Категория аспектуальности в звуковых языках.....	26
1.1. Содержание семантической категории аспектуальности	28
1.1.1. Содержание и иерархическая организация «внешней» аспектуальности	28
1.1.1.1. Статус глагольной множественности.....	28
1.1.1.2. Бинарная vs. множественная трактовка «внешней» аспектуальности.....	30
1.1.2. Аспектуальность и акциональность	35
1.2. Подходы к описанию категории аспектуальности.....	39
1.3. Аспектуальность и другие семантические категории.....	41
2. Категория аспектуальности в жестовых языках	43
2.1. Лингвистические особенности жестовых языков	43
2.1.1. Фонология жестовых языков	44
2.1.1.1. Параметры жеста	44
2.1.1.2. Условие симметрии и условие доминантности.....	49
2.1.1.3. Понятие жестового слога.....	50
2.1.2. Морфология жестовых языков.....	51
2.1.2.1. Аффиксация	52
2.1.2.2. Словосложение	53
2.1.2.3. Редупликация	54
2.1.2.4. Модификации жеста.....	60
2.1.2.5. Инкорпорация	63
2.1.3. Классификаторные конструкции	64
2.2. Исследования категории аспектуальности в жестовых языках	66
3. Выводы	71
ГЛАВА II. АКЦИОНАЛЬНОСТЬ В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ	73
1. Акциональность как объект изучения лингвистики	73

1.1. Акциональные типы предикатов в звуковых языках и подходы к их классификации	73
1.2. Критерии разграничения акциональных типов предикатов в звуковых языках.....	78
1.3. Исследования акциональности в жестовых языках	82
1.3.1 Подходы к разграничению акциональных классов предикатов на основании их морфосинтаксических свойств.....	83
1.3.2. Репрезентация акциональной семантики предикатов в фонологической структуре жеста	85
2. Акциональная классификация предикатов в русском жестовом языке	89
2.1. Акциональная классификация предикатов в русском жестовом языке на морфосинтаксическом уровне	91
2.1.1. Различия в производном значении предикатов при их сочетании с одним и тем же аспектуальным показателем	92
2.1.1.1 Производное значение предикатов при редупликации	92
2.1.1.2. Производное значение предикатов при сочетании с показателем перфекта/комплетива жестом УЖЕ.....	95
2.1.2. Возможность/невозможность сочетания с некоторыми аспектуальными показателями.....	96
2.1.2.1. Возможность/невозможность сочетания с фазовыми глаголами.....	96
2.1.2.2. Возможность/невозможность сочетания с редупликацией и жестом УЖЕ.....	98
2.1.2.3. Возможность сочетания с жестом RES _{PART}	101
2.2. Акциональная классификация типов предикатов в русском жестовом языке на фонологическом уровне	105
2.2.1. Класс событий.....	105
2.2.2. Класс процессов.....	106
2.2.3. Класс состояний.....	108
2.2.4. Переходный акциональный класс: состояния/процессы.....	108
2.2.5. Морфология или фоносемантика?	111
2.2.6. Сопоставление фонологических характеристик акциональных классов предикатов в русском и американском жестовых языках	113

2.3. Средства смены акционального класса	115
2.3.1. Показатель итератива:	116
переход события в процесс	116
2.3.2. Показатель процессуальности:	117
переход события/состояния в процесс	117
2.3.3. Акционально связанные ситуации: переход процесса в событие ..	119
3. Выводы	121
ГЛАВА III. ЛИНЕЙНАЯ АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ.....	124
1. Подготовительная стадия ситуации	127
1.1. Обозначение подготовительной стадии ситуации в звуковых языках	127
1.2. Обозначение подготовительной стадии ситуации в жестовых языках	129
1.3. Обозначение подготовительной стадии ситуации в русском жестовом языке	129
2. Начинательность	130
2.1. Начинательность в звуковых языках	130
2.2. Показатели начинательности в жестовых языках	133
2.3. Показатели начинательности в русском жестовом языке	133
3. Срединная стадия ситуации и фаза продолжения ситуации	145
3.1. Срединная стадия ситуации, фаза продолжения ситуации и способы их обозначения в звуковых языках	145
3.2. Срединная стадия ситуации и фаза продолжения ситуации в существующих исследованиях жестовых языков	146
3.3. Показатели срединной стадии ситуации и фазы продолжения ситуации в русском жестовом языке	147
4. Конец ситуации	155
4.1. Показатели конца ситуации в звуковых языках	155
4.2. Показатели конца ситуации в существующих исследованиях жестовых языков.....	156
4.3. Показатели конца ситуации в русском жестовом языке	160
4.3.1. Жест УЖЕ.....	160

4.3.2. Жест ЗАКОНЧИТЬ.....	163
4.3.3. Жесты ПРЕКРАТИТЬ, НАВСЕГДА и ВЫПОЛНИТЬ.....	165
4.3.4. Модификации жеста.....	166
4.4. Выражение семантики перфектива.....	169
5. Указание на результирующую стадию ситуации и смежные значения.....	172
5.1. Результатив и смежные значения в звуковых языках.....	172
5.2. Результатив и смежные значения в существующих исследованиях жестовых языков.....	179
5.3. Результатив и смежные значения в русском жестовом языке.....	183
5.3.1. Результатив.....	183
5.3.2. Антирезультатив.....	187
5.3.3. Перфект.....	190
5.3.4. Экспериенциальное значение.....	194
6. Выводы.....	201
ГЛАВА IV. КОЛИЧЕСТВЕННАЯ АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ	205
1. Количественная аспектуальность в звуковых языках.....	205
1.1. Множественность ситуаций и средства ее выражения.....	206
1.1.1. Мультипликативная множественность ситуаций	208
1.1.2. Итеративная множественность ситуаций.....	211
1.1.3. Хабитуалис	212
1.1.4. Дистрибутивная множественность ситуаций	215
1.2. Длительность ситуации и средства ее выражения	217
2. Количественная аспектуальность в существующих исследованиях жестовых языков	218
3. Средства выражения количественной аспектуальности в русском жестовом языке	224
3.1. Средства выражения множественности ситуаций	224
3.1.1. Мультипликативная множественность ситуаций	224
3.1.2. Итеративная множественность ситуаций.....	229
3.1.3. Хабитуалис	233

3.1.3.1. Генерический хаби́туалис.....	233
3.1.3.2. Итеративный хаби́туалис.....	235
3.1.3.3. Капацитив.....	236
3.1.4. Дистрибутивная множественность ситуаций	238
3.1.4.1. Субъектный, объектный и адресатный дистрибутив	238
3.1.4.2. Цислоскатив и диверсатив.....	245
3.1.4.3. Сукцессивный и симультанный дистрибутив	249
3.1.4.4. Дискретный и собирательный дистрибутив	250
3.1.4.5. Квазидистрибутив	252
3.1.4.6. Фонологические ограничения на употребление показателей дистрибутивной множественности ситуаций.....	254
3.1.4.7. Дистрибутивная множественность ситуаций и именная дистрибутивная множественность.....	256
3.2. Средства выражения длительности ситуации	257
4. Выводы.....	262
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	268
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	276
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	303
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	305
ПРИЛОЖЕНИЕ 3	306
ПРИЛОЖЕНИЕ 4	309
ПРИЛОЖЕНИЕ 5	311
ПРИЛОЖЕНИЕ 6	312
ПРИЛОЖЕНИЕ 7	313

ВВЕДЕНИЕ

Объектом настоящего исследования является функционально-семантическая категория аспектуальности в русском жестовом языке, **предметом исследования** – разноуровневые средства выражения аспектуальной семантики в русском жестовом языке.

В настоящее время мировое сообщество проявляет все больший интерес к жестовым языкам и проблемам глухих. В немалой степени это связано с появлением в последние десятилетия новой точки зрения на нарушения слуха: отсутствие слуха рассматривается не как дефект, а как естественный атрибут человека: «Слепота или глухота есть нормальное, а не болезненное состояние для слепого или глухого ребенка, и указанный порок ощущается им лишь опосредованно, вторично, как отраженный на него самого результат его социального опыта» [Выготский 1983]. Многие люди, имеющие нарушения слуха, относят себя к представителям полноценного языкового и культурного сообщества и заявляют о своем праве общаться и получать образование на родном языке. Доминировавший в образовании глухих оралистский подход, отдающий приоритет обучению навыкам устной речи, постепенно уступает место билингвистическим методам обучения. Известны многочисленные случаи отказа родителей от кохлеарной имплантации своих детей [Зайцева 1999: 56; Йокинен 2006: 47]. Многие национальные жестовые языки активно изучаются, используются в образовании, в средствах массовой информации [Ladd 2007], а также при создании произведений искусства [Klima, Bellugi 1979; Sutton-Spence et al. 2005].

Активное обсуждение лингвистических проблем глухих вызвало интерес к жестовым языкам и у лингвистов. Прежде всего, он обусловлен использованием в жестовых языках другого канала передачи информации – носители этих языков осуществляют коммуникацию с помощью зрения, рук, движений лица и корпуса тела, тогда как звуковые языки пользуются звуковым каналом передачи информации. Интересно, что столь кардинальные различия

между языками, использующими разные органы чувств для восприятия информации, влияют на внутреннее устройство языка значительно меньше, чем может показаться на первый взгляд. Существующие исследования различных национальных жестовых языков свидетельствуют о том, что в своих фундаментальных чертах эти языки сходны со звуковыми языками: им свойственны конвенциональность языковых знаков, наличие знаковых и незнаковых единиц, возможность пополнения словаря путем деривации, словосложения и заимствований, наличие основных частей речи, наличие сложных предложений; процессы усвоения жестовых языков сходны с процессами усвоения звуковых языков [Meier 2002: 2].

И все же различия между двумя перцептивными механизмами – слухом и зрением – находят отражение в различном внутреннем устройстве звуковых и жестовых языков. Зрение лучше приспособлено для того, чтобы воспринимать и обрабатывать разную информацию, поступающую одновременно (например, пространственные отношения объектов), тогда как слух имеет преимущество в членении информации на последовательные темпоральные фрагменты (например, длительность ситуации) [Brentari 2002: 61]. Разные механизмы восприятия обуславливают разную степень линейности/нелинейности языковых структур в жестовых и звуковых языках. В жестовых языках нелинейных языковых структур значительно больше, чем в звуковых: фонологические компоненты жеста производятся преимущественно одновременно, а не последовательно; в жестовых языках наблюдается большее по сравнению со звуковыми языками количество морфологических средств, относящихся к сфере несегментной морфологии [Aronoff et al. 2003: 54].

Жестовые и звуковые языки используют разные артикуляторы для порождения речи. В звуковых языках речь производится с помощью языка, губ, челюсти и т.д. В жестовых языках артикуляторами служат две руки, мышцы лица, голова и корпус тела говорящего. Следовательно, в жестовых языках в отличие от звуковых языков артикуляторы видимы для адресата и являются

парными (в случае мануальных артикуляторов – рук) [Meier 2002: 7]. Возможность использования практически всего тела, а также широкие возможности использования пространства обуславливают более высокую по сравнению со звуковыми языками степень иконичности, проявляющуюся на всех уровнях языковой системы: фонологическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом.

Существенным отличием жестовых языков от звуковых является и их значительное типологическое сходство друг с другом. Для жестовых языков характерно наличие одних и тех же языковых явлений: согласующихся глаголов, в структуре которых кодируется субъект и/или объект, классификаторных конструкций, указывающих на форму и размер субъекта/объекта и действия, производимые с ними, модификаций жеста, служащих для выражения грамматических значений и образования новых слов, широкое использование редупликации. Для разных жестовых языков отмечается формальное и функциональное сходство ряда мануальных и немануальных показателей. Хотя, конечно, между жестовыми языками имеются и различия, проявляющиеся в разных наборах фонологически значимых компонентов жеста, способах выражения тех или иных грамматических и лексико-грамматических значений, лексике, базовом порядке слов.

Следует отметить, что указанные выше различия между звуковыми и жестовыми языками имеют статистический характер: в жестовых языках больше нелинейных языковых явлений и иконических языковых средств, а в звуковых языках больше линейных языковых явлений и меньше иконичности. Вопрос о наличии явлений, характерных только для звуковых или только для жестовых языков остается пока открытым. Как отмечается в [Meier 2002: 20], отсутствие в жестовых языках многих явлений, описанных для звуковых языков, может объясняться их молодостью. Кроме того, жестовые языки являются гораздо менее изученными и задокументированными по сравнению

со звуковыми языками. Поэтому однозначно судить о наличии или отсутствии в них тех или иных языковых явлений пока не представляется возможным.

Жестовые языки функционируют только в устной форме. Это, строго говоря, не является их отличием от звуковых языков, поскольку существуют и звуковые языки, не имеющие своей письменности. Отсутствие письменности у жестовых языков связано не с невозможностью передачи жестовой речи на бумаге, а скорее с отсутствием потребности в этом – большинство носителей жестовых языков являются билингвами, владеющими каким-либо национальным звуковым языком, сосуществующим с их родным жестовым языком, и для письменного общения, как правило, используют этот звуковой язык. При этом существует достаточно много систем записи (нотации) жестов, однако они практически не используются в естественном общении, основной областью их применения является образовательная сфера и лингвистические исследования. Данные системы являются фонографическими, то есть они основаны на иконическом и символьном изображении компонентов жеста [van der Hulst 2010: 156]. Первая система нотации была создана Уильямом Стоуки [Stokoe 1960], в 1970-х годах появилась одна из самых распространенных на данный момент систем – система Signwriting [Sutton 1999]. В 1989-м году появилась система нотации HamNoSys, ориентированная на применение в исследовательских целях и использование в компьютерном формате [Prillwitz et al. 1989]. Для русского жестового языка система записи жестов была разработана Л.С. Димскис [Димскис 2002].

Лингвистическое изучение жестовых языков началось в 1960-х годах XX-го века после выхода в свет книги Уильяма Стоуки «Sign language structure: An Outline of the Visual Communication Systems of the American Deaf» [Stokoe 1960], в которой впервые было показано, что жестовые языки являются естественными и полноценными системами коммуникации. Несмотря на то, что изучение жестовых языков является сравнительно молодым направлением в языкознании, в этой области уже сделано немало. Имеются достаточно

подробные описания ряда жестовых языков: британского (BSL) [Sutton-Spence, Woll 1999], индопакистанского (IPSL) [Zeshan 2000], американского (ASL) [Vally, Lucas 2000], турецкого (TID) [Zeshan 2003], итальянского (LIS) [Brunelli 2006], австралийского [Jonston T., Schembri 2007], жестового языка Адоморобе (используемого в республике Гана) [Nyst 2007], израильского (ISL) [Meir, Sandler 2008], иорданского (LIU) [Hendriks 2008]. В интернете размещены корпусы текстов австралийского жестового языка [Johnston, Schembri 2007], чешского жестового языка (CZJ) [Campr, Hruz, Trojanova 2008], греческого жестового языка (GSL) [Efthimiou, Fotinea 2008], германского жестового языка (DGS) [Blanck, Hofmann, Jeziorski, König, Langer, Rathmann 2010], нидерландского жестового языка (NGT) [Crasborn, van der Kooij, Broeder, Brugman 2004], русского жестового языка [Буркова 2015a]. Имеются разнообразные учебные пособия, большей частью по американскому жестовому языку [Bornstein, Saulnier, 1984; Humphries, Padden, O'Rourke 1994], ведется преподавание жестовых языков в школах и университетах в Соединенных Штатах Америки, Великобритании, Израиле и других странах.

Русский жестовый язык (РЖЯ¹) – естественный язык, использующийся для коммуникации глухими и слабослышащими на территории Российской Федерации и частично на территории стран – бывших республик Советского Союза [Беликов 1983; Bickford 2005]. Согласно официальной статистике², число носителей русского жестового языка на территории Российской Федерации составляет около 120.5 тыс. человек, однако по другим оценкам, это количество в несколько раз больше. Например, по данным А.Л. Воскресенского, в России русским жестовым языком пользуются не менее 2-х миллионов человек [Воскресенский 2002].

Среди носителей русского жестового языка выделяются такие группы как глухие, слабослышащие и CODA (Child of Deaf Adult – слышащие дети глухих

¹ Список условных обозначений жестовых и звуковых языков приводится в Приложении 1.

² Всероссийская перепись населения 2010 г.

родителей, первым родным языком для них является жестовый язык). В зависимости от возраста (позднооглохшие или глухие с рождения) и способа усвоения жестового языка (в семье или в учебном заведении) языковые компетенции представителей данных групп могут сильно отличаться [Базоев, Паленный 2002: 154–155; Боскис 2004: 274]. Практически все носители русского жестового языка являются билингвами – они владеют в той или иной степени русским звуковым языком, в его устной и письменной форме.

Помимо русского жестового языка в общении русских глухих используется калькирующая жестовая речь (КЖР), которая отражает грамматические и семантические особенности русского звукового языка. Жесты или их комбинации выступают в ней как эквиваленты слов русского звукового языка; порядок их следования соответствует порядку слов в русском звуковом языке; грамматическая информация, как правило, передается путем дактилирования (передачи слов/частей слов русского звукового языка при помощи дактилем – жестов, обозначающих буквы алфавита). Калькирование, как правило, сопровождается артикуляцией соответствующих русских слов.

Многие жестовые языки отличаются неоднородностью в территориальном отношении. Русский жестовый язык тоже не является исключением. Имеющиеся на данный момент исследования позволяют говорить о существовании диалектных различий между вариантами русского жестового языка в Москве, Санкт-Петербурге [Grenoble 1992: 324–325] и Сибири [Буркова, Варинова 2012].

Русский жестовый язык долгое время не имел правового статуса и определялся только как «средство межличностного общения»³. 30 декабря 2012 г. в Федеральный закон «О социальной защите инвалидов» были внесены поправки, согласно которым русский жестовый язык признается «языком общения при наличии нарушений слуха и (или) речи, в том числе в сферах

³ Федеральный закон о социальной защите инвалидов, в редакции от 22.08.2004 № 122-ФЗ.

устного использования государственного языка Российской Федерации»⁴. В новой редакции закон гарантирует возможность получения человеком с нарушениями слуха услуг по переводу в органах государственной власти и местного самоуправления, подготовку переводчиков и преподавателей русского жестового языка и обеспечение обучающихся этому языку учебниками и учебными пособиями. Несмотря на официальное признание, русский жестовый язык до сих пор уступает в престижности русскому звуковому языку. В российских учебных заведениях, предназначенных для лиц с нарушениями слуха, до сих пор доминирует оралистский подход, при котором приоритетным является усвоение звукового языка [Базоев, Паленный 2002: 160–161]. Между тем, еще в конце 1970-х годов Г.Л. Зайцевой было экспериментально доказано, что текст на жестовом языке понимается учащимися гораздо лучше, чем представленный в виде устной речи или с помощью дактильной азбуки [Зайцева 1978]. В сфере сурдоперевода используется в основном калькирующая жестовая речь, т.е. своеобразие морфологии и синтаксиса русского жестового языка не учитываются переводчиками [Зайцева 1983]. Многие носители русского жестового языка не осознают себя билингвами, так как не считают русский жестовый язык полноценным и самостоятельным языком [Семушина 2012]. Как отмечается в [Зайцева 1987b; LeMaster 2003], для глухих (и в России, и в других странах) до сих пор характерно восприятие калькирующей жестовой речи как более престижного средства общения.

Первый словарь русского жестового языка появился еще в первой половине XIX-го века в составе книги В.И. Флери «Глухонемые, рассматриваемые в отношении к способам образования, самым свойственным их природе» [Флери 1835]. С тех пор русский жестовый язык претерпел значительные изменения, и словарь В.И. Флери представляет интерес прежде всего для диахронических исследований русского жестового языка. Самым полным лексикографическим описанием русского жестового языка остается 4-х

⁴ Федеральный закон о социальной защите инвалидов, поправка от 30.12.2012 № 296-ФЗ.

томный словарь И.Ф. Гейльмана [Гейльман 1975–1979], хотя многие приводимые в нем жесты в настоящее время оцениваются носителями этого языка как устаревшие. В начале XXI-го века был создан ряд бумажных [Фрадкина 2001; Базоев и др. 2009] и видеословарей русского жестового языка [Spreadthesign; Сурдосервер].

Лингвистические исследования русского жестового языка начались в конце 1960-х годов, однако велись не так активно, как исследования других жестовых языков – изучению языка общения глухих мешали глубоко укоренившиеся заблуждения о неполноценности жестовых языков. Начало лингвистическим исследованиям русского жестового языка положила выдающийся дефектолог и сурдопедагог Галина Лазаревна Зайцева – ее исследовательские работы посвящены анализу пространственных отношений в русском жестовом языке [Зайцева 1969a; Зайцева 1969b], синтаксису русского жестового языка [Зайцева 1974], средствам выражения отрицания в русском жестовом языке [Зайцева, Давиденко 2006] средствам выражения множественности, темпоральности, субъектно-объектных отношений, аспектуальности, модальности, поссессивности [Зайцева, Фрумкина 1981], модификациям жеста [Зайцева 1987a]. Результаты многолетних исследований Г.Л. Зайцевой обобщены в книгах «Дактилология и жестовая речь» [Зайцева 2000] и «Жест и слово: научные и методические статьи» [Зайцева 2006]. Необходимо отметить, что, несмотря на свое основополагающее значение для развития лингвистических исследований русского жестового языка, работы Г.Л. Зайцевой рассчитаны на людей, не обладающих специальной лингвистической подготовкой. Преимущественное внимание в исследованиях автора уделяется социальным и психологическим аспектам функционирования русского жестового языка, а также разработке методов изучения этого языка и обучения ему. Собственно лингвистические сведения о русском жестовом языке в работах Г.Л. Зайцевой носят достаточно фрагментарный характер.

Полного системного описания русского жестового языка до сих пор не существует. Имеется лишь несколько кратких обзорных очерков: очерк Л. Гренобль [Grenoble 1992], очерк в книге [Зайцева 2000] и очерк Т. Давиденко и А. Комаровой [Давиденко, Комарова 2006].

С 2000-х годов исследования русского жестового языка ведутся на Отделении теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного университета, где был написан ряд студенческих работ, посвященных категориям аспектуальности и времени [Шамаро 2006; Львовская 2006], поссесивности [Ципенко 2008], вопросительности [Викторова 2007; Кебец 2011; Есипова 2012], отрицания [Киммельман 2007b], морфологии глагола [Прозорова 2004], числительным [Пономарева 2008], классификаторам [Акинина 2008], полисинтетизму в русском жестовом языке [Прозорова 2006], частям речи [Kimmelman 2009], базовому порядку слов [Киммельман 2010; Kimmelman 2011], историческим изменениям жестов [Киммельман 2007a], структуре дискурса [Кебец 2010], бимодальному билингвизму [Семушина 2012], жестовым именам [Есипова 2013]. В 2009 году под руководством А.А. Кибрика Е.В. Прозоровой была защищена первая диссертация по русскому жестовому языку. Исследования Е.В. Прозоровой посвящены структуре дискурса в русском жестовом языке [Кибрик, Прозорова 2006; Кибрик, Прозорова 2007; Прозорова 2008; Прозорова 2009].

С 2009 г. исследования русского жестового языка ведутся в Новосибирском государственном техническом университете: исследуются категории модальности [Бородулина 2012a; Бородулина 2012b], аспектуальности [Филимонова 2012; Филимонова 2013; Буркова, Филимонова 2013], обусловленности [Буркова 2012], именной множественности [Буркова 2015a], вопросы территориального варьирования русского жестового языка [Буркова, Варинова 2012].

Русский жестовый язык изучается также в университете Амстердама в рамках проекта «Sign Language Grammar and Typology». В 2014-м году В. Киммельманом там была защищена вторая диссертация по русскому жестовому языку, посвященная его информационной структуре [Kimmelman 2013; Kimmelman 2014].

Актуальность исследования определяется, во-первых, выбором в качестве исследуемого языка русского жестового языка, а во-вторых, необходимостью привлечения данных жестовых языков для более глубокого изучения категории аспектуальности в человеческих языках. Жестовые языки, в отличие от звуковых языков, являются объектом лингвистических исследований всего лишь нескольких последних десятилетий, и объем накопленных сведений о внутреннем устройстве и функционировании языков, использующих визуально-кинетический канал передачи информации, пока несравним с количеством данных о звуковых языках. При этом по сравнению со многими другими национальными жестовыми языками русский жестовый язык пока еще остается гораздо менее изученным и слабо задокументированным. Сведения о средствах выражения аспектуальности во всех известных жестовых языках фрагментарны. Между тем категория аспектуальности является одним из важнейших фрагментов языковой системы. Учет материала жестовых языков позволяет существенно дополнить наблюдения над закономерностями выражения аспектуальной семантики в языках и установить, какое влияние оказывает модальность, используемая языком, на устройство его аспектуальной системы.

Целью диссертационного исследования является описание функционально-семантической категории аспектуальности в русском жестовом языке и выявление специфики способов выражения в нем аспектуальной семантики как в одном из языков с визуально-жестовой модальностью. С учетом слабой изученности категории аспектуальности в жестовых языках в исследование включаются не только средства выражения собственно аспекта,

но и акциональные характеристики предикатов. Это позволяет глубже понять механизмы взаимодействия показателей «внешней» аспектуальности – указания то, как описываемая ситуация разворачивается во времени, с «внутренней» аспектуальностью – концептуализацией типа ситуации на уровне лексической семантики предиката. Достижение поставленной цели требовало решения следующих **задач**:

- собрать материал для исследования;
- выявить круг средств, используемых для выражения аспектуальных значений в русском жестовом языке;
- проанализировать акциональные свойства предикатов и построить акциональную классификацию предикатов в русском жестовом языке, изучить взаимодействие акциональных классов предикатов с аспектуальными показателями;
- описать межкатегориальные связи функционально-семантической категории аспектуальности в русском жестовом языке;
- выявить особенности устройства аспектуальной системы русского жестового языка, обусловленные его визуально-жестовой модальностью.

Материал исследования. Исследование проводилось в основном на материале аннотированного корпуса текстов, записанных от носителей русского жестового языка. В него вошли спонтанные тексты (монологи и диалоги), тексты, записанные на основе стимульных материалов (пересказы мультфильмов, рассказы по картинкам, см. Приложение 2), а также материалы, полученные путем анкетирования⁵ (пример лингвистической анкеты

⁵ Корпус текстов был создан в рамках проекта, участником которого являлся и автор данной работы, «Корпусное исследование морфосинтаксиса и лексики русского жестового языка» (грант РФФИ № 12-06-00231а). В ходе выполнения работ по проекту было записано 233 видеотекста от 43-х носителей русского жестового языка, 218 текстов (около 93 тыс. словоупотреблений) снабжены переводом и аннотациями в программной среде ELAN. Онлайн-версия созданного корпуса доступна по адресу: <http://rsl.nstu.ru>.

Информантами были мужчины и женщины в возрасте от 18-ти до 63-х лет с разной степенью глухоты: глухие, слабослышащие и CODA (Child of a Deaf Adult – слышащие дети глухих родителей, первым родным языком для них является жестовый язык). Большая часть информантов в настоящее время проживает в Новосибирске; в прошлом некоторые из них длительное время проживали в других регионах Сибири: Томской,

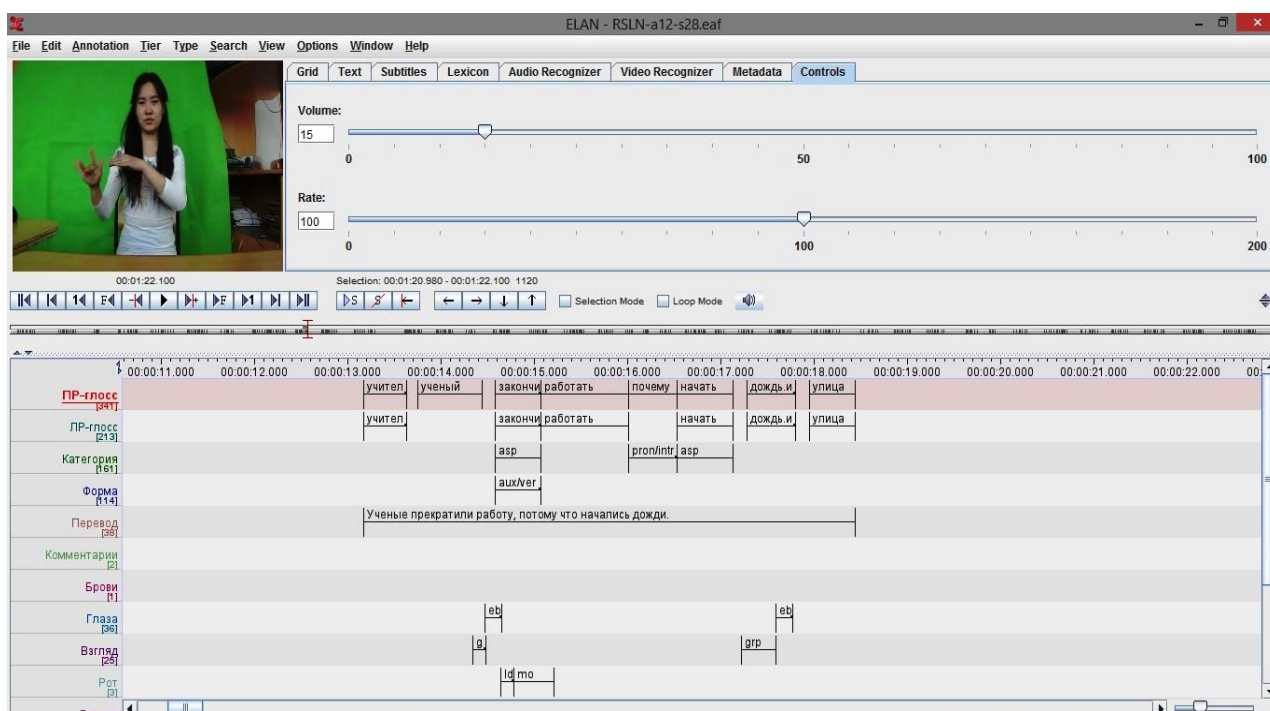
приводится в Приложении 3). К исследованию привлекались также данные словарей русского жестового языка [Фрадкина 2001; Базоев и др. 2009; Spreadthesign].

Для аннотации текстов использовалась свободно распространяемая Институтом психолингвистики Макса Планка компьютерная программа ELAN⁶, дающая возможность создания разнообразных слоев, синхронизированных с видеотекстом, для обозначения жестов и разметки лингвистической информации. Стандартная разметка текстов осуществлялась на шести слоях: «ПР-глосс», «ЛР-глосс», «Категория», «Форма», «Перевод» и «Комментарий». На слоях «ПР» и «ЛР» даются перевод на русский язык/условное обозначение жеста для правой и левой руки соответственно. В слое «Категория» содержится указание на отнесенность значения жеста к определенной семантической категории (отрицание, модальность, темпоральность, аспектуальность и т. д.), позволяющее осуществлять поиск жестов с однородными категориальными значениями. В слое «Форма» размечаются при помощи условных обозначений формальные средства выражения грамматических и лексико-грамматических значений (редупликация, модификация жеста, служебный жест и т. д.). Слой «Перевод» содержит перевод фразы на русский язык, слой «Комментарий» – дополнительные пометы. На Рисунке 1 показан пример стандартной разметки видеотекста в программе ELAN.

Рисунок 1. Стандартная разметка видеотекстов в программе ELAN

Кемеровской, Свердловской областях, Алтайском крае, Республике Алтай, Красноярском крае, Республике Саха (Якутия), Республике Бурятия, Республике Хакасия и северо-восточной части Казахстана. Другая часть информантов постоянно проживает в Москве. Данные об информантах приводятся в Приложении 4.

⁶ Программа доступна по адресу <http://tla.mpi.nl/tools/tla-tools/el>

Некоторые тексты имеют расширенную разметку – помимо указанных слоев в них имеются слои для разметки немануальных маркеров: «Брови», «Глаза», «Взгляд», «Рот», «Нос», «Щеки», «Голова», «Плечи», «Корпус».

Несмотря на существование систем транскрипции жестовых языков, основанных на отображении фонологических элементов жеста, в примерах, приводимых в диссертации, для облегчения понимания содержатся только глоссы, передающие значение жеста с помощью наиболее точного эквивалента на русском языке. В случае невозможности подобрать однословный аналог жест описывается несколькими словами через точку, например, СИЛЬНО.УДИВИТЬСЯ. Для указания на средства, передающие значения, относящиеся к различным семантическим категориям, используются условные обозначения: мануальные средства обозначаются в скобках после обозначения соответствующего жеста, немануальные средства – сверху над обозначением соответствующего жеста (список условных обозначений в глоссах приводится в Приложении 5).

Теоретическую и методологическую базу исследования составили работы А.В. Бондарко по теории функционально-семантических категорий,

работы К. Смит, Э. Даля, Б. Комри, В. Кляйна, Ю.С. Маслова, В.А. Плунгяна, В.С. Храковского, Е.В. Падучевой, С.Г. Татевосова и др., посвященные аспектуальности и акциональности в звуковых языках, и работы зарубежных и отечественных исследователей жестовых языков У. Стоуки, Д. Brentari, Р. Уилбур, В. Сэндлер, Д. Лилло-Мартин, Г.Л. Зайцевой, А.А. Комаровой, Т. Давиденко, Е.В. Прозоровой, В. Киммельмана, Е.Ю. Шамаро, С.И. Бурковой и др.

Методы исследования. Исследование осуществлялось с позиций функционально-семантического подхода, базирующегося на понятии функционально-семантического поля – системы разноуровневых единиц языка, объединенных общностью функций, связанных с определенной семантической категорией. В рамках этого подхода описание осуществляется в двух направлениях: от семантики к формам ее выражения и от форм к семантике. Функционально-семантический подход при исследовании малоизученного фрагмента русского жестового языка представляется наиболее оптимальным. Хотя в работах [Зайцева, Фрумкина 1981; Grenoble 1992; Прозорова 2004; Шамаро 2006] упоминаются некоторые средства, участвующие в выражении аспектуальных значений, их категориальный статус остается неясным: выражение каких именно семантических противопоставлений имеет обязательный характер; возможна ли, и в каких случаях, нейтрализация тех или иных противопоставлений; насколько те или иные формы, служащие для выражения однородных значений, являются взаимозаменяемыми; насколько значения тех или иных форм зависимы от контекста и т. д. Функционально-семантический подход позволяет, с одной стороны, наиболее полно выявить инвентарь средств, участвующих в выражении аспектуальности, а с другой стороны, определить диапазон функций каждого показателя, установить, какие значения для тех или иных форм являются исходными, а какие производными, более подробно исследовать морфосинтаксические характеристики,

категориальный статус и установить место того или иного показателя в иерархии средств, участвующих в выражении данной семантической категории.

В ходе исследования применялись также методы полевой работы с информантами (запись спонтанной речи, лингвистическое анкетирование, интервьюирование), описательные методы (наблюдение, обобщение, интерпретация, классификация), структурный метод, предполагающий изучение компонентов языковой системы и отношений между ними, а также корпусный метод, ориентированный на изучение реального функционирования языка, позволяющий обращаться к массиву текстов, осуществлять быстрый поиск и отбор однотипных явлений, изучать языковые явления в контексте их употребления, исследовать разные с точки зрения структурной сложности и семантики языковые данные, использовать квантитативные методы.

Научная новизна исследования заключается в том, что обобщающие исследования функционально-семантической категории аспектуальности в жестовых языках вообще и в русском жестовом языке в частности отсутствуют. Влияние модальности (визуально-жестовой или аудиально-речевой) на специфику выражения в языке аспектуальных значений ранее практически не изучалось. Данные о разноуровневых средствах выражения в русском жестовом языке ряда аспектуальных значений и особенностях отражения в нем акциональной семантики вводятся в научный оборот впервые.

Научная значимость исследования состоит в том, что полученные сведения об аспектуальности в русском жестовом языке позволяют более полно представить систему этого языка, а также могут быть использованы в типологических исследованиях жестовых языков и сопоставительных исследованиях жестовых и звуковых языках. Научная ценность данной работы заключается также в обогащении и расширении представлений о естественных человеческих языках: учет материала языков, использующих визуально-кинестический канал передачи информации, в будущем может указать на еще не изученные закономерности устройства языков и глубже изучить некоторые

языковые явления. Результаты, полученные в данной работе, могут быть полезны для углубления представлений об аспектуальности как одной из важнейших семантических категорий в человеческих языках.

Практическая значимость полученных результатов. В последние годы русский жестовый язык не только получил признание на государственном уровне, но и вошел в программу высшего образования и среднего специального образования. С 2012 г. русский жестовый язык преподается в Московском государственном лингвистическом университете (МГЛУ) в рамках обучения по специальности «переводчик жестового языка межкультурной коммуникации», а с 2013 г. – в Новосибирском государственном техническом университете (НГТУ) в рамках обучения по специальностям «переводчик английского языка и русского жестового языка» и «обучение английскому и русскому жестовому языку». В Институте социальной реабилитации НГТУ с 2011 г. русский жестовый язык преподается в рамках подготовки по программе среднего специального образования «организация сурдокоммуникации». В связи с этим имеется острая потребность в создании учебников и учебных пособий по русскому жестовому языку – в этих целях могут быть использованы и результаты данного диссертационного исследования.

Полученные в результате исследования сведения о средствах кодирования аспектуальности в русском жестовом языке могут быть использованы и при создании словарей русского жестового языка для более точной передачи семантики глагольной лексики в переводе ее на русский язык и выбора наиболее точной видовременной формы соответствующего русского глагола.

На защиту выносятся следующие **основные положения**:

1. Русский жестовый язык располагает богатым арсеналом средств, позволяющих дифференцировать тонкие оттенки аспектуальной семантики; при этом в нем имеются средства для выражения как «внешней»

аспектуальности – линейных и количественных аспектуальных значений, так и «внутренней» аспектуальности – акциональной семантики предиката.

2. Акциональность в русском жестовом языке находит отражение на разных уровнях языковой системы: на морфосинтаксическом уровне она проявляется в ограничениях на сочетаемость предиката с теми или иными показателями аспектуальности, а также различиях в значениях производных форм, получающихся при сочетании предикатов, обладающих разными акциональными характеристиками, с одним и тем же аспектуальным показателем; на фонологическом уровне она иконически отражается в фонологической структуре жеста.

3. Значения линейной аспектуальности выражаются в русском жестовом языке преимущественно аналитически, при помощи служебных и полуслужебных слов и лексических средств, и обнаруживают много сходств со способами выражения линейной аспектуальности в звуковых языках; при этом специальные показатели перфектива и имперфектива отсутствуют, перфективная/имперфективная интерпретация высказывания в значительной степени зависит от акционального класса предиката.

4. Значения количественной аспектуальности в русском жестовом языке тонко дифференцируются и выражаются регулярно и стандартно при помощи морфологических и, реже, фоносемантических средств; морфологические средства, представляющие собой различные типы редупликации и модификации жеста, характеризуются высокой степенью иконичности и отчетливой функциональной дистрибуцией.

5. Функционально-семантическая категория аспектуальности в русском жестовом языке обнаруживает тесные связи с функционально-семантическими категориями количественности, локативности, темпоральности, модальности и отрицания: для выражения ряда аспектуальных значений используются средства, служащие также для выражения значений одной из указанных категорий.

6. Специфика устройства аспектуальной системы русского жестового языка как одного из языков с визуально-жестовой модальностью проявляется в таких ее особенностях как отражение акциональной семантики в фонологической структуре предиката, четкое разграничение зон количественной и линейной аспектуальности, проявляющееся в характере преобладающих средств выражения, высокая степень иконичности морфологических показателей; отчетливая функциональная дистрибуция разных структурных типов редупликации.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования были представлены на региональной конференции «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» (Новосибирск, 2014), на первой лингвистической конференции «Русский жестовый язык» (Москва, 2012), на всероссийской научной конференции «Наука. Технологии. Инновации» (Новосибирск, 2012, 2013), на международной научно-практической конференции «Современные формы организации и эффективные технологии обучения и реабилитации лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов» (Новосибирск, 2012), на IV-й международной научно-методической конференции «Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты» (Новосибирск, 2013), на IV-й международной научно-практической конференции «Социальные коммуникации и эволюция обществ» (Новосибирск, 2013), на XXI-й международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, 2014), на II-й международной конференции «Лингвистические права глухих» (Москва, 2014), на 27-ой международной конференции по лингвистике, антропологии, этнографии и национальному образованию «Дульзоновские Чтения» (Томск, 2014). Результаты работы использовались также при проведении учебных курсов «Русский жестовый язык» и «Методы обучения русскому жестовому языку» на

кафедре филологии Новосибирского государственного технического университета (НГТУ) и в Институте социальной реабилитации НГТУ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, приложений и списка использованной литературы, включающего 273 названия.

Во введении обозначены объект, предмет и цель исследования, ставятся задачи исследования, обосновываются его актуальность, научная новизна, научная и практическая значимость, кратко характеризуются основные различия между звуковыми и жестовыми языками, приводятся социолингвистические сведения о русском жестовом языке, формулируются положения, выносимые на защиту. В первой главе характеризуется современное состояние исследований аспектуальности в звуковых и жестовых языках, а также приводятся сведения о фонологии и морфологии жестовых языков, необходимые для дальнейшего изложения. Вторая глава посвящена исследованию акциональности в русском жестовом языке. В третьей главе описываются средства выражения линейной аспектуальности в русском жестовом языке. В четвертой главе рассматриваются средства выражения количественной аспектуальности в русском жестовом языке. В заключении обобщаются результаты исследования. Приложения включают в себя дактильный алфавит русского жестового языка, список языков и используемых сокращений, условные обозначения информантов и текстовых источников, условные обозначения в глоссах, список стимульных материалов, пример лингвистической анкеты, список предикатных жестов.

ГЛАВА I. КАТЕГОРИЯ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ В ЗВУКОВЫХ И ЖЕСТОВЫХ ЯЗЫКАХ

1. Категория аспектуальности в звуковых языках

Аспектуальность в лингвистической литературе трактуется как «различные способы репрезентации внутреннего времени ситуации» [Comrie 1976: 3], «характер протекания ситуации во времени» [Бондарко 1987а: 40], «результат грамматикализации внутренней темпоральной структуры ситуаций» [Лайонз 2003: 338], «внутренняя темпоральная структура ситуации» [Маслов 2004: 24]. Из этих определений следует, что категория аспектуальности традиционно противопоставляется категории темпоральности как «внутреннее» время «внешнему»: темпоральные характеристики ситуации указывают на место ситуации относительно момента речи, а ее аспектуальные характеристики описывают внутреннее устройство ситуации безотносительно внешней точки отсчета [Comrie 1976: 3; Бондарко 1987а: 41; Klein 1994; Лайонз 2003: 339; Маслов 2004: 24; Плунгян 2011: 377].

История изучения категории аспектуальности берет свое начало в изучении славянского вида: термин «вид» в его современном значении употребляется русскими лингвистами уже в XVII веке. Термин «аспект» появляется в западной лингвистике лишь в XIX веке в переводе «Пространной русской грамматики» Н.И. Греча [Плунгян 2003: 292]. Первоначально он использовался как эквивалент русского термина «вид», позднее же в русской лингвистике эти два термина дифференцируются: термин «вид» используется для обозначения видовых оппозиций в славянских языках, а термин «аспект» используется для любых противопоставлений, связанных с характером протекания ситуации во времени [Ук. соч.].

Первоначально внимание лингвистов было сосредоточено на изучении морфологических показателей аспекта (преимущественно перфектива и имперфектива). Однако не во всех языках существует словоизменительная оппозиция перфектива и имперфектива – было установлено, что аспектуальная

семантика может передаваться лексико-грамматическими способами: для обозначения аспектуальных значений, выходящих за рамки перфективно-имперфективной оппозиции, немецкими лингвистами был введен термин «Aktionzart» (рус. *совершаемость, способ действия*). Под глагольными способами действия понималось выражение тех значений, которые, например, в русском языке передаются глагольной префиксацией и не относятся напрямую к видовому противопоставлению. Способам действия в русском языке посвящена достаточно обширная литература [Исаченко 1960; Шелякин 1972; Шелякин 1983; Зализняк, Шмелев 2000] и др.

В середине XX века внимание аспектологов привлекают лексический и синтаксический уровень языка. Первыми исследователями, осознавшими тесную связь категории аспектуальности с семантикой рассматриваемых лексем, были русский лингвист Ю.С. Маслов [Маслов 1948] и американский философ З. Вендлер [Vendler 1957]. В их работах показано, что семантические характеристики предиката оказывают влияние на его способность сочетаться с морфологическими показателями аспекта и на его синтаксическую сочетаемость. В дальнейшем, совокупность аспектуально релевантных семантических характеристик предиката получила название «акциональность» (*actionality*). Сейчас в большинстве аспектологических исследований конкретных языков аспектуальная система рассматривается с точки зрения взаимодействия акциональности и собственно аспектуальности. Вслед за [Аркадьев 2009: 203–204] мы разграничиваем эти две области исследования как «внутреннюю» аспектуальность (акциональность) и «внешнюю» аспектуальность (собственно аспектуальность).

Такое расширение категории аспектуальности и размывание ее границ привело к попыткам очертить круг значений, соответствующих базовому семантическому признаку категории, исключив из рассмотрения значения, в которых аспектуальный компонент является периферийным и факультативным. Например, в работах И.А. Мельчука и А. Мустайоки в содержание

семантической категории аспектуальности не включаются значения, тесно связанные с временными характеристиками ситуации, и способы действия [Мельчук 1998: 113; Мустайоки 1999].

1.1. Содержание семантической категории аспектуальности⁷

За всю историю изучения аспектуальности лингвистами было предложено множество моделей, описывающих внутреннюю структуру этой семантической категории. Расхождение мнений авторов о том, что следует понимать под аспектуальностью, обуславливает разные подходы к содержанию категории аспектуальности. В данном разделе мы рассмотрим два, с нашей точки зрения, наиболее значимых и спорных вопроса, определяющих принципиальные расхождения в определении содержания семантической категории аспектуальности: 1) содержание и иерархическая организация «внешней» аспектуальности; 2) соотношение «внутренней» и «внешней» аспектуальности.

1.1.1. Содержание и иерархическая организация «внешней» аспектуальности

Основные расхождения в точках зрения на содержание «внешней» аспектуальности и иерархическую организацию соответствующих аспектуальных значений связаны со следующими проблемами: 1) статус глагольной множественности; 2) бинарная vs. множественная трактовка «внешней» аспектуальности.

1.1.1.1. Статус глагольной множественности

В ряде исследований категория аспектуальности делится на две основные семантические зоны: линейную аспектуальность и количественную аспектуальность, см., например, [Маслов 2004; Мельчук 1998; Плунгян 2003].

⁷ В данном разделе описываются и сравниваются основные подходы к содержанию категории аспектуальности; подробнее каждое из аспектуальных и акциональных значений рассматривается в следующих главах.

Под линейной аспектуальностью понимаются значения, связанные с делением ситуации на стадии или этапы – как внутренние (начало, середину, конец), так и внешние (подготовительная стадия ситуации и результирующее состояние) [Маслов 2004: 397; Плунгян 2003: 294]. В течение продолжительного времени в фокусе внимания аспектологов находились именно линейные аспектуальные значения.

Зону количественной аспектуальности составляют значения, описывающие внутреннюю временную структуру ситуации с точки зрения ее количества [Маслов 2004: 397; Плунгян 2003: 294]. В лингвистической литературе, посвященной классификации значений количественной аспектуальности, к количественным аспектуальным значениям прежде всего относят значения, описывающие разные типы множественности ситуаций.

Мультипликативный тип множественности ситуаций объединяет ситуации, которые состоят из повторяющихся, полностью идентичных фрагментов, т.е. микроситуаций (рус. *стучать*, англ. *flutter* ‘махать крыльями’) [Cusic 1981; Храковский 1989; Долинина 1996]. В зарубежной литературе такой тип множественности называется внутрисобытийной (*event-internal plurality*) [Cusic 1981]. Итеративный тип множественности ситуаций описывает ситуации, повторяющиеся через определенные промежутки времени (*Я хожу в театр два раза в месяц*) [Cusic 1981; Храковский 1989; Долинина 1996]. В исследовании [Cusic 1981] в качестве отдельного и одного из основных типов множественности выделяется мультипликативно-итеративная множественность, представляющая собой сочетание двух вышеописанных типов (англ. *The mouse was always nibbling at the cheese* ‘Мышь всегда грызла сыр’). Дистрибутивный тип множественности ситуаций описывает ситуации, состоящие из микроситуаций и отличающиеся наличием множественного актанта (субъекта, объекта, адресата). Актанты данных микроситуаций однородны, но не тождественны друг другу (рус. *перестрелять врагов*, англ. *He worked in bank after bank* ‘Он работал в одном банке за другим’) [Cusic 1981;

Храковский 1989; Долинина 1996]. В исследовании [Долинина 1996: 244–245] в качестве одного из типов множественности рассматривается неоднородная множественность ситуаций: к такому типу множественности относятся ситуации, состоящие из «множества разнотипных конкретных действий» (*руководить, манипулировать, совещаться*).

При другом подходе значения глагольной множественности выносятся за рамки категории аспектualityности, хоть и рассматриваются в тесной связи с аспектualityными значениями. Значения глагольной множественности, особенно в работах зарубежных аспектологов, изучаются как множественность ситуаций (*event plurality*) [Dressler 1968; Cusic 1981; Mithun 1988]. Так, например, в [Comrie 1976], учитываются только значения линейной аспектualityности и их взаимодействие с акциональной семантикой предикатов. В некоторых отечественных работах значения глагольной множественности тоже выносятся за рамки категории аспектualityности, и рассматриваются как глагольное число [Плунгян 2011]. В Теории функциональной грамматики значения глагольной множественности рассматриваются как принадлежащие и семантической категории аспектualityности, и семантической категории количественности [ТФГ 1987; ТФГ 1996].

1.1.1.2. Бинарная vs. множественная трактовка «внешней» аспектualityности

Бинарная модель категории аспектualityности представляет собой четкое выделение двух семантических зон – перфективной и имперфективной – и сведение всех аспектualityных значений к данному противопоставлению. Оппозиция перфектива и имперфектива рассматривается как центральная для семантической категории аспектualityности. Доминирование этой модели в аспектологических работах объясняется влиянием славянской модели вида, которая принималась за эталон, будучи основным средством выражения

аспектуальных значений, носящим ярко выраженный грамматический характер [Плунгян 2012: 9].

К зоне перфективных значений в аспектологических работах относят: **пунктив**, представляющий собой точечное обозначение ситуации (*упал, крикнул, нашел*), **инхоатив**, обозначающий начало ситуации (*закричал, побежал, заснул*), **комплетив**, фокусирующий внимание на достижении ситуацией предела (*суп сварился, дом сгорел*), **терминатив**, указывающий на завершение ситуации в широком смысле (*я перестал бежать*), **лимитатив**, представляющий ограниченную во времени длительную ситуацию (*погулял два часа, проболел три недели*), **результатив**, описывающий результат ситуации (*дверь открыта, суп сварен*), **перфект**, указывающий на ситуацию в прошлом, релевантную для настоящего (англ. *I've lost my keys* – '*Я потерял ключи [и они все еще потеряны]*'), см., например, [Плунгян 1998; Плунгян 2011: 384-385; Аркадьев 2007: 17].

К зоне имперфективных значений относят: **дуратив**, представляющий собой обозначение срединной стадии ситуации без учета ее границ (*идет, спит*), **прогрессив**, в отличие от дуратива, обозначающего срединную стадию любой ситуации, кодирующий срединную стадию динамической ситуации (англ. *he is running* 'он бежит'), **хабитуалис**, представляющий собой обозначение обычного, привычного действия (*ходить на работу пешком*), см., например, [Comrie 1976: 24–40; Плунгян 2011: 382–385, 398–400].

Разграничение и определение значений перфектива и имперфектива представляет собой сложную теоретическую проблему: попыткам сформулировать определение перфектива и имперфектива посвящена обширная литература. Как отмечает Б. Комри, противопоставление перфектива и имперфектива прежде всего отображает не объективные характеристики ситуации, а субъективный взгляд говорящего на ситуацию: одна и та же ситуация может быть представлена как перфективная и как имперфективная;

этим и обусловлено отнесение аспекта к субъективно-объективным семантическим категориям [Comrie 1976: 17].

В [Comrie 1976] и [Klein 1994] критикуются следующие попытки разграничить значения перфектива и имперфектива и выявить сущность данной аспектуальной оппозиции: перфектив представляет собой взгляд на ситуацию снаружи, тогда как имперфектив – взгляд на ситуацию изнутри; перфектив описывает завершенную ситуацию, имперфектив – незавершенную; перфектив рассматривается как ситуация с учетом ее границ, имперфектив – ситуация без учета ее границ, перфектив трактуется как мгновенная ситуация, имперфектив – как длительная. По мнению В. Кляйна, эти объяснения не являются удовлетворительными, поскольку представляют собой попытки объяснить разницу между перфективом и имперфективом метафорически [Klein 1994: 27]. Б. Комри обращает внимание на то, что признак длительности/мгновенности не может дифференцировать перфективные и имперфективные значения (об этом свидетельствует существование лимитативного значения – перфективного значения ограниченной длительности). Кроме того, автор возражает против описания перфективной ситуации как завершенной (completed), поскольку данное определение акцентирует внимание на конечной фазе ситуации, в то время как формы перфектива не обязательно кодируют конечную фазу ситуации, скорее все фазы ситуации представлены ими как единое целое. Результативность, по мнению Б. Комри, также нельзя считать признаком перфективности, так как некоторые перфективные значения (инхоатив, лимитатив) не подразумевают наличия результата. Перфективная ситуация также не является простой, не имеющей внутренней структуры в противоположность ситуации имперфективной, имеющей внутреннюю структуру. Перфективная ситуация может быть представлена как внутренне сложная и состоящая из микроситуаций: например, в русском языке форма глагола *позанирал* является перфективной (совершенного вида) и при этом

описывает сложную ситуацию с разновременными действиями и несколькими актантами [Comrie 1976: 16–20].

В современной лингвистике предлагается несколько подходов к определению перфективного и имперфективного значений. В обзоре [Binnick 2006] они делятся на две группы: теории ограничения (boundedness theories) и относительные теории аспекта (relational aspect theories). К первой группе относятся подходы Б. Комри, К. Смит, в которых перфектив и имперфектив определяются через понятие границ ситуации – ее начальной и конечной точек. Перфектив представляет ситуацию целиком, включая начальные и конечные точки, имперфектив кодирует только срединную часть ситуации [Comrie 1976: 16–40; Smith 1997: 61]. Ко второй группе относятся подходы М. Джонсона [Johnson 1981], В. Кляйна [Klein 1994], Г. Райхенбаха [Reichenbach 1947], определяющих аспектуальные значения через призму соотношения момента речи (speech time), точки отсчета (reference time) и времени ситуации (event time). Под точкой отсчета понимается тот отрезок ситуации, к которому отсылает говорящий. В случае перфектива отрезок ситуации, который имеет в виду говорящий, длиннее, чем время ситуации, в случае же имперфектива время ситуации превышает отрезок ситуации, к которому отсылает говорящий [Klein 1994].

Перфектив и имперфектив представляют собой во многих языках грамматическую оппозицию. Обычно один из членов грамматической категории является немаркированным, в то время как остальные считаются маркированными (например, в категории числа немаркированным членом оппозиции обычно является единственное число, а множественное число маркируется). В оппозиции перфектива и имперфектива определить немаркированный член трудно. По данным Б. Комри, существуют языки, где имперфектив является немаркированным членом оппозиции, и языки, где немаркирован перфектив [Comrie 1976: 114–115]. Э. Даль утверждает, что даже в рамках одного языка трудно определить, какой член грамматической

оппозиции является маркированным – перфектив или имперфектив, тем более невозможно делать какие-либо типологические обобщения. Поэтому Э. Даль рассматривает перфектив и имперфектив как эквиолентную грамматическую оппозицию. Трудность определения маркированного члена связана с тем, что аспектуальные значения часто выражаются не аффиксацией и не перифрастическими конструкциями, а более сложным путем [Dahl 1985: 73].

Бинарной трактовке категории аспектуальности противопоставляется множественная трактовка. Изучение лингвистами средств выражения аспектуальной семантики на материале разных языков показало, что противопоставление перфективных и имперфективных значений актуально не для всех языков. В ряде аспектологических исследований обращается внимание на то, что в некоторых языках глагольная лексема может иметь как перфективное, так и имперфективное прочтение – данный феномен получил название нейтрального вида (*neutral viewpoint*) [Smith 1997; Dahl 2010: 88]. По К. Смит, глаголы нейтрального вида содержат информацию только о начальной стадии ситуации и не сообщают ничего о том, была ли она завершена [Smith 1997: 62].

В XX веке появляется ряд работ, в которых семантическая категория аспектуальности описывается как система противопоставлений по нескольким признакам, ни один из которых не является главенствующим. Например, в исследовании [Dik 1994: 32] говорится о том, что в категорию аспектуальности входят три в целом независимые семантические зоны: перфективно-имперфективная оппозиция, значения линейной аспектуальности, значения количественной аспектуальности. Э. Косериу утверждает, что категория аспектуальности включает несколько измерений, он перечисляет самые распространенные из них: длительность, повторяемость, законченность, результативность и др. [Coseriu 1980, 1996]. В работах И.А. Мельчука выделяется пять аспектов на основании следующих признаков: количество описываемых ситуаций (нейтральность, семельфактив, мультипликатив),

сосредоточенность ситуации в одной точке/распределенность во времени и пространстве (концентратив, дистрибутив), временная протяженность ситуации (точечность, дуратив, хабитуалис), процесс развертывания ситуации (прогрессив, непрогрессив), достижение внутреннего предела (перфектив, имперфектив) [Мельчук 1998: 92–106].

В [Плунгян 2011; Плунгян 2012] говорится о необходимости разработки нового подхода к описанию и классификации аспектуальных значений. По мнению автора, перфектив и имперфектив являются не центральными аспектуальными значениями, а лишь некоторыми из возможных аспектуальных кластеров. Аспектуальный кластер представляет собой совокупность аспектуальных значений, выражаемую одним и тем же аспектуальным показателем. Помимо хорошо знакомых лингвистам перфективного (совмещает значения комплетива, инцептива, пунктива) и имперфективного (совмещает значения хабитуалиса и дуратива) кластеров, встречаются и такие кластеры как инкомплетив (совмещает значения результата и прогрессива), фактатив (совмещает значения комплетива, пунктива и дуратива) [Плунгян 2011: 402–406; Плунгян 2012: 13]. Таким образом, аспектуальные системы языков рассматриваются как наборы аспектуальных кластеров. Количество возможных аспектуальных кластеров в языках ограничено, поэтому их изучение перспективно с точки зрения нового типологического взгляда на семантическую организацию универсальной категории аспектуальности.

1.1.2. Аспектуальность и акциональность

Первоначально под аспектуальностью понимали набор значений, описанных в предыдущем разделе: это объясняется тем, что предметом первых аспектологических исследований были грамматические показатели аспектуальных значений. Этот термин до сих пор используется преимущественно для обозначения «внешней» аспектуальности, т.е. значений, указывающих, на какой стадии находится описываемая ситуация, передающих

субъективную точку зрения говорящего на ситуацию и выражающихся грамматическими, лексико-грамматическими и лексическими показателями. Однако позднее в аспектологических работах появляется еще одна область исследования, связанная с изучением той информации о внутренней временной структуре ситуации, которая содержится в семантике предикатов. В русской лингвистической традиции за данной областью закрепился термин «акциональность» (или «внутренняя» аспектуальность). Статус акциональности по-разному трактуется в разных подходах к категории аспектуальности.

В обзоре [Sasse 2001], посвященном анализу существующих моделей аспектуальности, говорится о существовании двух параллельных лингвистических традиций в изучении аспектуальности: аспектуально-ориентированных теорий и акционально-ориентированных теорий. Аспектуально-ориентированные теории (к которым относятся работы Э. Кошмидера [Koschmieder 1929], Б. Комри [Comrie 1976], Э. Даля [Dahl 1985] и др.) были предложены лингвистами, работавшими с материалом флективных языков, акционально-ориентированные же теории (работы О. Есперсена [Jespersen 1924], З. Вендлера [Vendler 1957], Д. Даути [Dowty 1979] и др.) возникли в результате обращения британских и американских лингвистов к синтаксическому уровню языка. Более поздние исследования показывают, что разграничение акциональности и аспектуальности как «лексического аспекта» и «грамматического аспекта» оказывается не совсем верным: акциональные значения задаются не только семантикой глагольной лексики, а аспектуальные значения не ограничены грамматическим способом выражения: и те, и другие реализуются на уровне предложения [Sasse 2001]. В работе [Аркадьев 2009: 203–204] предлагается разграничивать «внутреннюю аспектуальность», т.е. семантические характеристики ситуации, обусловленные лексическими свойствами глагола и его аргументов, и «внешнюю аспектуальность» – аспектуальные значения, задающие определенной точкой зрения говорящего на ситуацию.

Существует ряд работ, в которых акциональность и собственно аспектуальность рассматриваются как два равноправных и относительно независимых компонента категории аспектуальности. Аспектуальность, таким образом, представляет собой взаимодействие аспектуальных характеристик исходной лексики и грамматических показателей, кодирующих значения линейной аспектуальности [Bertinetto et al. 1995; Klein 1994; Smith 1997]. Наиболее последовательно данный подход изложен в работе К. Смит, предложившей двухкомпонентную теорию вида [Smith 1997], разграничивающую точку зрения (viewpoint aspect) и тип ситуации (situation aspect). Точка зрения («внешняя» аспектуальность) проявляется в системе грамматических форм, существующих в языке; данные грамматические формы (перфект, инхоатив, дуратив, комплетив и др.) представляют собой «точку зрения» [Smith 1997] или «окно наблюдения» [Klein 1994], в которое попадает описываемая ситуация. Тип ситуации (или «внутренняя» аспектуальность) подразумевает наличие в лексическом значении слова аспектуальных характеристик, задающих тип описываемой ситуации. Таким образом, аспектуальные характеристики ситуации выражаются в два этапа: сначала при выборе типа предиката (типа ситуации), потом при выборе конкретной видовременной формы («точки зрения» на ранее выбранный тип ситуации). Показатели, с помощью которых устанавливается «окно наблюдения», выражаются грамматическими морфемами (словоизменительными или словообразовательными). Типы ситуации, напротив, не маркированы явно, их семантика передается с помощью глагола и его аргументов [Smith 1997: 4].

Другое решение вопроса о соотношении акциональности и аспектуальности предлагается в ряде аспектологических работ, объединенных в обзоре [Binnick 2006] под названием «фазовые теории аспектуальности». В исследованиях [De Swart, Verkuyl 1999; De Swart 1998] отсутствует разграничение акциональности и аспектуальности. По мнению авторов, функция показателей линейной аспектуальности заключается в смене

акционального класса лексемы – для обозначения этого процесса в данных работах используется термин «type coercion» [Binnick 2006].

Отчасти похожий подход излагается в [Плунгян 2011]. Вынося акциональность за рамки категории аспектуальности, В.А. Плунгян, тем не менее, делит аспектуальные показатели на «первичные» и «вторичные». Показатели «первичного» аспекта связаны с вложенностью ситуации в «окно наблюдения» (т.е. по сути, представляют собой показатели линейной аспектуальности), тогда как показатели «вторичного» аспекта отвечают за изменение акционального класса предиката. Все показатели «первичного» аспекта применимы только к предикатам, обозначающим предельный процесс, так как у них наличествуют все возможные стадии ситуации. С предикатами других типов сочетаются не все показатели «первичного аспекта»: так, например, показатель дуратива не может взаимодействовать с предикатами, обозначающими события, так как они не обладают признаком длительности, а показатель прогрессива не может сочетаться с предикатами со значением состояния, так как у них отсутствует признак динамичности. Несмотря на это, показатели «первичного» аспекта все же применяются к другим типам ситуации, но при этом аспектуальные показатели не выражают значения линейного аспекта, а приобретают вторичную функцию, связанную с обеспечением перехода лексемы в другой акциональный класс. Например, показатель хабитуалиса обеспечивает статическую интерпретацию динамических ситуаций, а показатель мультипликатива – процессную интерпретацию мгновенных событий. Показатели вторичного аспекта, с помощью которых осуществляется переход неопредельной ситуации в предельную, называются трансформативами или ограничителями [Плунгян 2011: 395–402]. Между первичным и вторичным аспектом не всегда можно провести четкую границу. В английском языке значения вторичного аспекта выражает, например, показатель прогрессива в сочетании с предикатами, обозначающими события и состояния. Предикаты со значением

состояния в сочетании с показателем прогрессива приобретают значение инхоатива (англ. *Now I am understanding you* 'Теперь я начинаю тебя понимать') [Zucchi 1998: 351]. Предикаты со значением события, сочетающиеся с показателем прогрессива, переходят в класс предельных процессов (англ. *The plane is landing* 'Самолет снижается', *The old man is dying* 'Старик умирает') [Rothstein 2004]. Кроме того, предикаты, обозначающие события, могут сочетаться с показателем прогрессива в контексте «замедленной съемки» [Zucchi 1998]: например, при комментировании событий фильма допустимо высказывание *He is reaching the top of the mountain* 'Он достигает вершины горы'.

1.2. Подходы к описанию категории аспектуальности

В существующих исследованиях категории аспектуальности наиболее распространенными являются два подхода: структурно-семантический и функциональный.

Возникновение структурных методов изучения и описания языка было обусловлено потребностью в формализации и систематизации накопленных сведений о языке, построении лингвистических моделей. При структурном описании акцент делается на описании формальной стороны языка, основное внимание уделяется исследованию отношений между языковыми элементами, выявлению оппозиций, описанию функций элементов в системе [Апресян 1966: 37]. Для структурно-семантического подхода к описанию свойственен подход «от формы к семантике»: основное внимание фокусируется на грамматических средствах языка, которые могут быть представлены как оппозиции и парадигмы, подчиняющиеся определенным правилам. Структурализму как подходу к исследованию языка свойственно стремление к формализации, построению моделей, непротиворечивому описанию, изучение языка как формальной структуры без учета контекста.

Преимущества структурного подхода к исследованию аспектуальности заключаются в возможности четком выделении грамматических средств, функционирующих в данном языке, выделении аналитических и синтетических форм, выявления парадигм грамматических форм и др. В качестве недостатка же структурного подхода можно указать на то, что вне внимания исследователя остается целый спектр неграмматических средств выражения аспектуальных значений. Примерами исследования аспектуальных систем и отдельных аспектуальных показателей в структурном аспекте являются работы [Панов 2012], [Гусев 2012].

Функциональный подход в лингвистике предполагает, что устройство во многом определяется его функционированием и обусловлено общими свойствами человеческого мышления. Идеи, предшествующие формированию функционализма как подхода к изучению языка, развивались в работах А. Мартине, Э. Сепира, представителей Пражского лингвистического кружка. В настоящее время функциональный подход в лингвистике складывается из разных течений, различающихся в основном степенью значимости функционального анализа языка и соотношением используемых функционального и структурно-семантического методов. «Радикальные» функционалисты объясняют устройство грамматической системы языка в основном дискурсивными факторами [Givon 1995; Hopper 1988], «умеренные» функционалисты используют функциональный и структурно-семантический метод, признавая, что грамматика языка лишь отчасти мотивирована функционированием языка [van Valin 1993; Dik 1997], некоторые лингвисты используют функциональный анализ как дополнение к структурно-семантическим методам изучения языка [Кибрик, Плунгян 2002: 278–279].

Одним из функциональных направлений в отечественной лингвистике является теория функциональной грамматики, разрабатываемая А.В. Бондарко. В задачи функциональной грамматики, в рамках подхода А.В. Бондарко, входит «изучение и описание функций единиц строя языка и закономерностей

функционирования этих единиц во взаимодействии с разноуровневыми элементами окружающей среды» [ТФГ 1987: 6]. В отличие от традиционной грамматики, в рамках которой предмет описания членится на подсистемы (например, подсистемы частей речи), функциональная грамматика представляет собой интегрирующий подход, в основании которого находятся семантические категории, объединяющие разноуровневые языковые средства [ТФГ 1987: 7]. Свойственный структурному описанию подход «от формы к семантике» в рамках функциональной грамматики обогащается подходом «от семантике к форме», позволяющем выявить не только явные и хорошо изученные средства выражения определенных значений, но и более сложные языковые средства, связанные с взаимодействием разных уровней языка [ТФГ 1987: 15].

Преимуществом функционального подхода к исследованию аспектуальности является возможность изучения разноуровневых средств выражения аспектуальных значений, что является эффективным при работе с малоизученным языком, так как сведения о том, какие способы выражения значений существуют в данном языке, практически отсутствуют. Среди исследований категории аспектуальности, выполненных в рамках этого подхода, можно назвать [ТФГ 1987], [Миколайчик 2002], [Виноградов 2013].

Основной единицей описания в функциональной грамматике является функционально-семантическое поле. Функционально-семантическое поле представляет собой совокупность разноуровневых языковых элементов, обладающих общими семантическими признаками.

1.3. Аспектуальность и другие семантические категории

Во многих аспектологических работах отмечается тесная связь аспектуальности с такими семантическими категориями как время, модальность, залог, качественность, количественность: некоторые грамматические показатели могут нерасчлененно выражать значения

нескольких семантических категорий, а также для выражения значений разных категорий могут использоваться одинаковые средства.

Теснее всего аспект связан с категорией **темпоральности**, так как в обоих случаях речь идет о времени действия: в случае темпоральных значений – о «внешнем» времени действия, определяющемся по отношению к моменту речи или другой точке отсчета в случае аспектуальных значений – о «внутреннем» времени действия, представляющим собой внутреннюю темпоральную структуру ситуации. Во-первых, нередко диахронические связи – темпоральные значения у показателя развиваются из аспектуальных: например, показатели прогрессива со временем могут развиваться в показатели настоящего времени [Bybee et al. 1994: 141]. Во-вторых, использование аспектуальных показателей может быть ограничено пределами одного времени: настоящего, прошедшего или будущего. По данным Б. Комри, наиболее разнообразный арсенал аспектуальных значений характерен для прошедшего времени (например, в грузинском языке противопоставление перфектива и имперфектива существует только в прошедшем времени) [Comrie 1976: 71]. Это связано с тем, что настоящее время обычно не для рассказа о событиях, а для описания, поэтому настоящее время обычно совмещается со значениями дуратива и хабитуалиса [Ук. соч.: 71]. Однако, в некоторых языках все же встречается перфективное настоящее – это языки, различающие прошедшее и не-прошедшее. В таких языках существует перфективное настоящее-будущее, использующееся для выражения перфектива в будущем времени (*я напишу книгу*) [Ук. соч.: 66–71].

Модально-аспектуальные связи реализуются при выражении проявлений модального отношения субъекта к предикату. Например, по данным М.А. Шелякина, форма инфинитива обозначает действие, по отношению к которому проявляется интенциональная установка или оценка (*я стремлюсь поступить в институт, курить – вредно*) [Шелякин 1990: 113]. Видовременные формы глагола в русском языке при определенных условиях могут выражать модальные значения возможности и умения субъекта

совершать действие. Например, формы глагола настоящего-будущего времени совершенного вида, употребленные по отношению к настоящему, выражают значение реальной возможности (*он решит любую задачу*) – совершенный вид глагола во временном плане настоящего имплицитно признает будущее в качестве возможности [Ук. соч.: 112]. Формы глагола настоящего и прошедшего времени несовершенного вида употребляются в абстрактно-потенциальном значении, указывающем на способность, умение субъекта совершать действие (*он играет на гитаре, он хорошо танцевал*) [Ук. соч.: 112].

Категория аспекта имеет тесную связь с категорией **количественности**, вплоть до того, что значения количественной аспектuality рассматриваются в рамках категории количественности – как отмечалось выше, А.В. Бондарко в теории функциональной грамматики относит значения глагольной множественности к функционально-семантическому полю количественности [ТФГ 1996].

По данным Б. Комри, в некоторых языках категория аспекта связана с категорией **залога**. Например, в русском языке категория залога накладывает ограничения на функционирование средств выражения перфекта – явное обозначение перфекта возможно только в пассивном залоге. Высказывание *Коньяк выпит* имеет значение перфекта, а высказывание *Коньяк был выпит* обозначает прошедшее время. Это противопоставление нейтрализуется в активном залоге – оба значения передаются высказыванием *Он выпил коньяк*. Связь между перфектом и пассивным залогом обусловлена тем, что старые формы пассива во многих языках стативны, а перфект указывает на связь между действием в прошедшем и состоянием в настоящем [Comrie 1976].

2. Категория аспектuality в жестовых языках

2.1. Лингвистические особенности жестовых языков

Изучение аспектuality в жестовых языках невозможно без учета специфики фонологии и морфологии этих языков. Поэтому обзор исследований

по аспектуальности в жестовых языках мы предваряем необходимым для дальнейшего изложения кратким описанием лингвистических особенностей жестовых языков. Как упоминалось выше, отличия жестовых языков от звуковых обусловлены другим, визуально-кинетическим каналом передачи информации, и, следовательно, большей степенью нелинейности языковых структур и иконичности, проявляющихся на всех уровнях языковой системы.

2.1.1. Фонология жестовых языков

2.1.1.1. Параметры жеста

Жест в жестовых языках является аналогом слова в звуковых языках, хотя эта аналогия достаточно условна⁸. Однако в большинстве случаев жест в целом удовлетворяет признакам слова: цельнооформленности, воспроизводимости, соотнесенности с определенным понятием, выделяемости в речи (подробнее об этом см. [Hohenberger 2008]).

В функции артикуляторов в жестовых языках выступают руки, лицо, голова и корпус. В зависимости от используемых говорящим⁹ артикуляторов выделяются три основных типа жестов: **мануальные, немануальные и комбинированные**. Мануальные жесты исполняются руками (например, ДОМ, ЖИТЬ, КОШКА¹⁰), это самый частотный тип жестов во всех известных жестовых языках. Немануальные жесты представляют собой движения корпуса, головы и мышц лица¹¹. Комбинированные жесты представляют собой сочетание мануальных и немануальных компонентов в жесте (например, СТРАХ¹²).

⁸ Некоторые жесты (так называемые *классификаторные жесты* или *классификаторные конструкции*) выражают скорее значение целой пропозиции, а не понятия. О таких жестах речь пойдет ниже, в разделе 2.1.3 настоящей главы.

⁹ Под термином «говорящий» понимается адресант жестовой речи. В англоязычной литературе используется специальный термин *signer*.

¹⁰ Здесь и далее жесты обозначаются малыми прописными буквами. Сразу следует подчеркнуть, что обозначения жестов при помощи эквивалентов звукового языка являются достаточно условными: объем значения жеста и соответствующего слова, как правило, не полностью тождественны.

¹¹ В качестве примеров немануальных жестов в РЖЯ можно привести откидывание головы назад в сочетании с приподнятыми бровями и пристальным взглядом на собеседника в значении 'Как дела?' или круговое движение языка по внутренней стороне губ в значении 'секс'. Немануальные жесты как самостоятельные лексические единицы в жестовых языках редки. Обычно немануальные движения выступают в комбинации с мануальными жестами или с последовательностями жестов, выполняя различные функции: фонологическую (являясь обязательной частью структуры комбинированного жеста); лексическую (выражая

Мануальные жесты, в зависимости от того, задействуются в их исполнении обе руки или только одна рука, могут быть **одноручными** (например, ЧЕЛОВЕК, УМЕРЕТЬ) или **двуручными** (ЧИТАТЬ, ДЕРЕВНЯ).

Как и слова в звуковых языках, жесты состоят из единиц незнакового уровня. Функциональными аналогами фонем в звуковых языках в жестовых языках выступают реализации параметров жеста¹³. В основе работ по фонологии жестовых языков лежит открытие американского исследователя У. Стоуки, выделившего в структуре мануального жеста три параметра: конфигурацию, локализацию и движение [Stokoe 1960]. Позднее исследователи обратили внимание и на другие важные параметры: ориентацию [Battison 1978] и немануальные маркеры [Sutton-Spence, Woll 2007; Valli, Lucas 2000].

Конфигурация представляет собой форму кисти руки при исполнении жеста. Она является одним из самых сложно устроенных параметров жеста. Форма руки включает два достаточно независимых друг от друга признака: выбор пальцев (finger selection) и позицию пальцев (finger position) [Sandler, Lillo-Martin 2006: 145]. Выбранными пальцами считаются те, которые составляют особую конфигурацию руки. Например, в жесте СМОТРЕТЬ¹⁴ в РЖЯ выбранными пальцами являются указательный и средний, а в жесте ДЕВОЧКА¹⁵ – все пять пальцев. Все выбранные пальцы должны находиться в одной позиции. Существуют четыре позиции пальцев: открытая – пальцы выпрямлены (жест ПЯТЬ¹⁶ в РЖЯ), закрытая – пальцы собраны в кулак (жест ХОЛОДНЫЙ¹⁷ в РЖЯ), согнутая – пальцы согнуты под углом 90 градусов (жест ФЕВРАЛЬ¹⁸ в РЖЯ),

различные адъективные и адverbиальные значения типа 'большой', 'маленький', 'с усилием', 'долго' и т. д.); синтаксическую (маркируя вопросы разных типов, отрицание, тему и т. д.); просодические (маркируя границы просодических единиц).

¹² Рука в конфигурации -Э (См. Приложение 6) движется вверх по груди; при этом у говорящего «испуганное» выражение лица: расширенные глаза, поднятые брови и др.

¹³ За исключением классификаторных жестов (классификаторных конструкций), о которых речь идет в разделе 2.1.3 настоящей главы.

¹⁴ Рука в конфигурации -Л (см. Приложение 6), ориентированная кончиками пальцев вверх и ладонью к говорящему, движется по направлению от глаз.

¹⁵ Рука в конфигурации -В (см. Приложение 6) касается лица в районе правого уголка губ.

¹⁶ Раскрытая ладонь с расставленными пальцами ориентирована ладонью к говорящему.

¹⁷ Руки сжаты в кулаки и слегка раскачиваются из стороны в сторону.

¹⁸ Рука в конфигурации -Ф (см. Приложение 6) несколько раз совершает круговое движение.

изогнутая – пальцы полусогнуты (жест СТО¹⁹ в РЖЯ). Пальцы, оставшиеся невыбранными, в зависимости от позиции выбранных пальцев могут быть закрыты (жест ОДИН²⁰ в РЖЯ) или открыты (жест ГОРОД²¹ в РЖЯ) [Sandler, Lillo-Martin 2006: 151–153].

Локализация жеста тоже имеет два признака: место исполнения жеста (place of articulation) и сеттинг (setting). Место исполнения жеста – несколько крупных областей жестового пространства, где может исполняться жест: например, голова, корпус, нейтральное жестовое пространство (пространство перед говорящим, где тот исполняет жесты, не содержащие контакта с корпусом тела). Сеттинг уточняет местоположение жеста внутри этой крупной области жестового пространства: например, в пределах места исполнения, обозначаемого как «голова», выделяют такие локализации как «лоб», «подбородок», «нос» [Sandler, Lillo-Martin 2006: 175].

Ориентация как фонологический параметр определяет положение кистей рук по отношению к корпусу тела говорящего (ладонью/тыльной стороной/ребром к говорящему) или по отношению друг к другу (зеркальная ориентация). Некоторые лингвисты признают ориентацию самостоятельным параметром жеста [Battinson 1978], другие считают, что это подкатегория конфигурации, так как при ассимиляции выбранных пальцев в сложном слове ориентация ассимилируется тоже [Sandler, Lillo-Martin 2006: 156]. Мы склонны рассматривать ориентацию как самостоятельный параметр жеста, так как в русском жестовом языке она выполняет смысловозначительную функцию: например, жесты ВЕС²² и ЕСЛИ²³ различаются только ориентацией ладони, совпадая во всех остальных параметрах жеста.

¹⁹ Указательный палец принимает форму крючка (конфигурация -X – см. Приложение 6); остальные пальцы собраны в кулак.

²⁰ Все пальцы кроме указательного собраны в кулак; рука ориентирована ладонью к говорящему.

²¹ Средний палец ведущей руки, расположенный по отношению к ладони под углом 45 градусов, рисует в воздухе над ладонью вспомогательной руки круг и касается ее центра; остальные пальцы ведущей руки расправлены.

²² Ладони со слегка расставленными пальцами, ориентированные вниз, поочередно движутся вверх-вниз.

²³ Ладони со слегка расставленными пальцами, ориентированные вверх, поочередно движутся вверх-вниз.

Движение отличается неоднородностью. Выделяются несколько его видов: первичные, вторичные и переходные. К первичным в свою очередь относятся траекторное (перемещение руки от одной локализации к другой) и внутреннее (изменение конфигурации или ориентации руки). К вторичным относятся внутренний повтор (повтор движения, входящий в исходную, словарную форму жеста) и колебание пальцев (тоже входящее в словарную форму жеста). Под переходным движением понимается перемещение от конечной конфигурации жеста к начальной конфигурации следующего жеста²⁴ [Sandler, Lillo-Martin 2006: 197–199].

Немануальные маркеры – это значимые для передачи информации движения корпуса, головы и лица говорящего. В жестовых языках они могут являться обязательным фонологическим компонентом жеста [Pfau, Quer 2010] (например, движение головы в жесте СПАТЬ) и выполнять смыслоразличительную функцию: так, при одинаковом исполнении мануальным артикулятором (рука в конфигурации -Э²⁵ движется вверх по груди) жесты СТРАХ и СТРАХОВКА различаются только немануальными маркерами – для жеста СТРАХ характерны поднятые брови и широко раскрытые глаза.

В звуковых языках набор фонем, из которых могут состоять значимые единицы, ограничен. В жестовых языках набор фонологически существенных параметров, из которых могут состоять жесты, тоже ограничен. Фонологическая значимость реализации параметра жеста определяется с помощью нахождения минимальных пар – жестов, у которых совпадают все параметры кроме одного (например, жесты РОДНОЙ и СТРОИТЬ различаются только конфигурацией руки). Типологические исследования жестовых языков

²⁴ Траекторное движение содержится, например, в структуре жеста ЛЮБИТЬ: рука движется от одной локализации к другой – от губ к сердцу; внутреннее движение содержится, например, в структуре жеста случиться и представляет собой смену ориентации ладоней: руки, ориентированные ладонями от говорящего резко разворачиваются ладонями к нему; внутренний повтор содержится, например, в структуре жеста УЧАСТВОВАТЬ: большой палец ведущей руки два раза касается центра ладони вспомогательной руки; колебание пальцев содержится, например, в структуре жеста ВРЕМЯ: большой палец касается подбородка и удерживается, пока остальные пальцы по очереди колеблются.

²⁵ См. Приложение 6.

показывают, что наибольшие фонологические различия в жестовых языках обнаруживаются в наборах фонологически существенных параметров, а фонологические процессы в разных жестовых языках сходны [Sandler, Lillo-Martin 2006: 148].

В настоящее время существует несколько моделей описания фонологии жестовых языков: модель У. Стоуки [Stokoe 1960], модель «Hold-Movement-Hold» [Liddell, Johnson 1989], модель «Hand Tier» [Sandler 1989], просодическая модель Д. Brentари [Brentari 1998]. Различие между фонологическими моделями заключается во взглядах на основные параметры жеста, соотношение линейных и нелинейных структур.

В модели У. Стоуки в структуре жеста имеются три основных параметра – конфигурация, локализация и движение. В модели «Hold-Movement-Hold» С. Лидделла и Р. Джонсона роль фонем выполняют статические и динамические элементы. Динамические элементы в данной модели (сегменты движения – периоды времени, в которые какие-либо параметры жеста изменяются) аналогичны гласным звукам, а статические элементы (сегменты удержания – периоды времени, в которые параметры жеста остаются неизменными) – согласным звукам [Liddell, Jonson 1989]. Модель В. Сэндлер «Hand Tier» следует концепции трех параметров У. Стоуки. По ее мнению, статические элементы не являются единицами фонологического уровня: они могут быть просодическими единицами или элементом морфологических процессов [Sandler, Lillo-Martin 2006: 132–138]. В просодической модели Д. Brentари фонологические признаки жеста организованы в иерархическую структуру, основанную на разграничении внутренних (inherent) и просодических (prosodic) признаков жеста. Внутренние признаки жеста, такие как, например, место артикуляции (голова, корпус, вспомогательная рука) не меняются никогда. Просодические же признаки могут меняться при модификации жеста: например, в пределах места артикуляции может меняться местоположение жеста [Brentari 1998: 22].

Взгляды на соотношение линейности и нелинейности в фонологической структуре жеста в рамках данных моделей тоже различны. У. Стоуки был первым, кто указал на нелинейность фонологии жестового языка: в его работе фонологическое устройство ASL рассматривается преимущественно с точки зрения одновременной реализации фонем в жестовой речи [Stokoe 1960]. Модель «Hold-Movement-Hold» представляет фонологическую структуру жеста как сочетание линейных и нелинейных элементов, а жест в целом рассматривается как линейная последовательность движений и статических элементов [Liddell, Johnson 1989]. В модели В. Сэндлер «Hand Tier» в линейную последовательность организованы локализация и движение, в то время как конфигурация является автосегментным параметром, обладающим собственной сложной структурой [Sandler, Lillo-Martin 2006: 132–133]. Согласно концепции Д. Brentари, внутренние признаки жеста реализуются нелинейно, а просодические признаки жеста – линейно [Brentari 1998: 22].

2.1.1.2. Условие симметрии и условие доминантности

В двуручных жестах активными могут быть обе руки или только одна рука. Вторая рука как фонологический феномен жестовых языков является предметом дискуссий у лингвистов: предлагается рассматривать ее как выполняющую две разные роли (теория двух ролей) [Stokoe 1960; Battison 1978] или как выполняющую одну роль (теория одной роли) [Brentari 1998]. Теория двух ролей, впервые предложенная У. Стоуки, заключается в том, что вторая рука может быть либо артикулятором, либо местом артикуляции в зависимости от отсутствия/наличия движения: если рука движется, она является артикулятором, если рука не движется, то она служит местом артикуляции [Stokoe 1960]. Позднее Р. Баттинсон вывел две закономерности, касающиеся исполнения двуручных жестов: **условие симметрии** и **условие доминантности**. Условие симметрии гласит: если обе руки являются независимыми артикуляторами, то конфигурация и движение у

обеих рук совпадают (например, в РЖЯ это жесты БЕЖАТЬ, ИГРАТЬ, ПЛАКАТЬ). Условие доминантности гласит: если конфигурации у рук разные, то одна из рук является вспомогательной, а ее конфигурация, как правило, принадлежит к числу немаркированных конфигураций²⁶ (например, в РЖЯ это жесты ВЕРИТЬ, ИСПОРТИТЬСЯ, ВЫИГРАТЬ) [Battison 1978]. Правило доминантности было пересмотрено В. Сэндлер и Д. Лилло-Мартин – исследователи обращают внимание на существование жестов, в которых у рук одинаковая конфигурация, и одна из рук все же является пассивной (в РЖЯ примером такого жеста может служить жест ЗАКОНЧИТЬ, которым обе руки имеют конфигурацию -К). Таким образом, если конфигурация вспомогательной неподвижной руки совпадает с конфигурацией ведущей руки, то она тоже считается немаркированной [Sandler, Lillo-Martin 2006: 162–165].

2.1.1.3. Понятие жестового слога

В жестовых языках выделяется и слоговый уровень. Деление на слоги становится возможным в результате выделения в структуре жеста фонологических единиц двух типов – статических элементов (локализаций жеста) и динамических элементов (движений). Статические элементы считаются аналогичными согласным в звуковых языках, динамические – гласным [Sandler, Lillo-Martin 2006: 217–218].

Исследователи жестовых языков опираются на сонорную теорию слога, определяя сонорность как «заметность, выделенность», т.е. такой элемент, который наиболее выделяется из ряда себе подобных. В звуковых языках такими элементами являются гласные, которые образуются без участия преграды на пути воздушной струи и поэтому являются наиболее звучными.

²⁶ Немаркированные конфигурации выделяются на основании следующих критериев: простая геометрическая форма, частотность, наибольшая простота исполнения, наибольшая доступность для восприятия, максимальная дистрибуция [Sandler, Lillo-Martin 2006: 160–161]. Как показывают исследования на материале разных жестовых языков, немаркированными в них является один и тот же набор конфигураций. В РЖЯ они могут быть описаны как дактильные конфигурации -А, -Е, -Ж и -С, конфигурация жеста ПЯТЬ (ладонь с выпрямленными и слегка расставленными пальцами), указательного жеста INDХ (выпрямленный указательный палец, остальные сжаты в кулак) и жеста ХОРОШИЙ (большой палец выпрямлен, а остальные сжаты в кулак).

Гласные и сонорные согласные как наиболее звучные элементы являются вершиной слога. В исследованиях жестового языка вводится термин «визуальная выделенность» (visual salience). Наиболее визуально выделенными, заметными считаются динамические единицы – движения, следовательно, вершиной жестового слога является движение²⁷. Д. Brentari так определяет слог: «Количество последовательных фонологических движений в ряду равно количеству слогов в этом ряду» [Brentari 1998: 205].

Большинство жестов в жестовых языках (в том числе и в русском жестовом языке) имеют в своей фонологической структуре одно движение и, следовательно, являются односложными [Sandler, Lillo-Martin 2006: 217].

2.1.2. Морфология жестовых языков

В звуковых языках существуют морфологические процессы двух типов: сегментные (конкатенативные), когда морфемы расположены линейно, планом выражения морфемы является цепочка фонем, и несегментные (неконкатенативные), когда морфологическое значение не может быть приписано определенному сегменту, хотя различие в значениях исходной и производной форм налицо. К явлениям сегментной морфологии относят аффиксацию (префиксы, постфиксы и инфиксы) и словосложение, к явлениям несегментной морфологии – различные модификации слова, такие как изменение основы и использование просодических средств (перемещение ударения, изменение тона) [Haspelmath, Sims 2010: 34–39]. Некоторые средства – такие как трансфиксы, циркумфисы, редупликация – имеют спорный статус²⁸.

²⁷ Несмотря на убедительность данной теории, до сих пор нет общепринятой теории сонорности в жестовых языках, объясняющей, почему именно движение обладает наибольшей «заметностью». Д. Brentari считает, что степень сонорности движения определяется местом его исполнения: чем ближе к центру, тем оно заметнее [Brentari 1998: 75–76]. По мнению Т. Янтуненна и Р. Таккинена, степень сонорности зависит от размера артикулятора [Jantunen, Takkinen 2010: 316–317].

²⁸ Например, в [Блумфилд 1968; Marantz 1982; Broselow, McCarthy 1984; Bybee et al. 1994] редупликация в общем случае рассматривается как добавление аффикса с неопределенными фонологическими признаками, представляющего собой повторяющуюся часть исходной формы, фонетически идентичную или частично отличающуюся от последней; ср. термины «chameleon morph» [Hockett 1995], «skeletal morpheme» [Marantz 1982], а также определение в [Bybee et al. 1994: 166]: «Reduplicative morphemes <...> do not have a constant phonological shape or even a small number of allomorphs, but rather a different allomorph for every stem with

В жестовых языках тоже сосуществуют два типа морфологии: сегментная и несегментная²⁹. К сегментной морфологии относится аффиксация – добавление к исходному жесту нового фонологического сегмента, обладающего значением, к исходному жесту [Aronoff et al. 2005: 302; Schuit 2007: 31–32]. Несегментная морфология включает в себя нелинейные морфологические способы выражения значений: различные модификации параметров жеста [Aronoff et al. 2005: 309–312] и инкорпорация [Schuit 2007: 36–38]. Редупликация и словосложение в жестовых языках имеют спорный статус с точки зрения сегментности [Schuit 2007: 32–35]. Далее мы подробнее рассмотрим указанные морфологические средства.

2.1.2.1. Аффиксация

Существование аффиксов отмечается во многих жестовых языках – американском [Sandler, Lillo-Martin 2006: 64–69; Schuit 2007: 31], израильском [Aronoff et al. 2005: 332; Meir, Sandler 2008: 49–50], русском и др. Следует, однако, сказать, что аффиксация в жестовых языках используется сравнительно редко и не входит в число продуктивных морфологических процессов, см., например, [Sandler, Lillo-Martin 2006: 64–72; Valli, Lucas 2000: 56; Johnston, Schembri 2007: 127–130].

Критерии выявления аффиксов были предложены исследователями американского жестового языка: 1) при слиянии двух жестов в один имеет место фузия; 2) немануальные маркеры одинаковы у обеих морфем; 3) значение получившегося жеста не всегда выводимо из его компонентов; 4) между аффиксом и основой не могут быть вставлены другие жесты [Aronoff et al. 2003: 9]. Аффиксы существуют в четко ограниченном количестве

which they occur». В [Moravcsik 1978; Касевич 1988; Мельчук 2000, 2001; Плунгян 2003] редупликация рассматривается не как особый тип аффиксации, а как операция, преобразование над цепочкой фонем.

²⁹ В зарубежной литературе, посвященной морфологии жестовых языков, по отношению к сегментной и несегментной морфологии обычно используются термины *simultaneous* (одновременная, симультанная) и *sequential* (последовательная) *morphology*, см., например, [Aronoff et al. 2005; Shuit 2007].

и могут появляться только в определенной позиции по отношению к базе [Schuit 2007: 32].

По положению относительно корня аффиксы в жестовых языках делятся на префиксы и суффиксы. Например, в американском жестовом языке имеется префикс со значением ‘возраст одушевленного существа’ – касание рукой подбородка перед жестом, обозначающим числительное [Vally, Lucas 2000: 74]. В израильском жестовом языке префиксами стали жесты со значением органа чувств. Например, жест EYE^SUSPECT ‘букв.: глаз^подозревать’ означает подозрение, рожденное увиденным, а NOSE^SUSPECT ‘букв.: нос^подозревать’ – подозрение, рожденное интуицией [Meir, Sandler 2008: 49–50]. В американском жестовом языке существует суффикс, аналогичный суффиксу *-er* в английском звуковом языке: к жесту, обозначающему некое действие, добавляется жест со значением ‘человек’. Данный жест является связанной морфемой, так как не употребляется в значении ‘человек’ как самостоятельный жест [Sandler, Lillo-Martin 2006: 64–65; Schuit 2007: 32]. В РЖЯ тенденцию к превращению в аффикс проявляет аналитический показатель отрицания НЕ, употребляющийся при глагольных жестах (рука с раскрытой ладонью отводится в сторону). При некоторых глаголах этот жест уже явно морфологизирован. Об этом свидетельствует отсутствие паузы между знаменательным и отрицательным жестами и ассимиляция отрицательного и знаменательного жестов по конфигурации³⁰.

2.1.2.2. Словосложение

Словосложение является очень продуктивным способом образования новых слов в жестовых языках. Отнесение его к сегментному или несегментному типу морфологии является спорным вопросом: Дж. Шуит указывает на существование в жестовых языках сложных слов, образованных с помощью средств симультанной морфологии [Schuit 2007: 31]

³⁰ Например, показатель отрицания НЕ морфологизирован при модальных жестах МОЖНО и НУЖНО.

Первое исследование словосложения, проведенное на материале американского жестового языка, показало, что этот процесс сходен с одноименным процессом в звуковых языках. У жестов, входящих в состав композита, наблюдаются формальные и семантические изменения, свидетельствующие о том, что получившаяся комбинация лексикализована и представляет собой единое слово, а не словосочетание: редукция; ассимиляция по какому-либо параметру; идиоматизация – невыводимость значения композита из суммы значений составляющих [Klima, Bellugi 1979: 198–224]. Однако словосложение в жестовых языках имеет и свои особенности. Обычно первым в композите располагается жест, исполняющийся выше, за ним следует жест, исполняющийся ниже в пределах жестового пространства. При словосложении оба жеста подвергаются фонологическим изменениям и редукции. Для жеста, располагающегося в составе композита первым, характерна утрата движения (например, если в структуре жеста содержится статичный элемент, то жест может быть сокращен до этого элемента). Для жеста, располагающегося вторым в составе композита, характерна утрата внутреннего повтора, если он есть, и ассимиляция по конфигурации первому жесту. Обе части жеста имеют одно направление движения; в случае, когда исходные жесты имеют разное направление движения, то, соответственно, движение одного из жестов ассимилируется. Исследования на материале американского жестового языка показывают, что жесты, образованные с помощью словосложения, имеют ту же длительность исполнения, что и одноморфемные жесты, и часто становятся односложными [Liddel 2003: 16–17].

2.1.2.3. Редупликация

Редупликация как продуктивное морфологическое средство отмечается в большинстве зафиксированных жестовых языков. Наиболее типичными ее функциями являются указание на множественность референтов или ситуаций и на интенсивность признака. В большинстве опубликованных работ,

посвященных данному явлению в жестовых языках, рассматривается только мотивированная редупликация: значимый, продуктивный и мотивированный повтор жеста и/или немануального показателя. К ней не относятся внутренние («корневые») повторы, входящие в структуру словарной формы жеста, а также случаи повторного вхождения одной лексемы, обусловленные дискурсивными факторами – служащие средством просодического утяжеления конца фразы, связанные с хезитацией или выдвижением информации на передний план в структуре дискурса и др. От других типов повтора редупликация отличается и на основании формальных признаков: количества совпадающих сегментов [Wilbur 2005: 597; Bergman, Dahl 1994: 403], различия в длительности исполнения жеста [Bergman, Dahl 1994: 403–405], различия в контурах движения [Ук. соч.: 403–405], наличия/отсутствия паузы между сегментами жеста [Pfau, Steinbach 2003].

Согласно имеющимся описаниям, редупликация в жестовых языках всегда является контактной, что, по-видимому, обусловлено преимущественным использованием нелинейных морфологических структур и слабым развитием аффиксации.

С точки зрения Р. Уилбур, вряд ли имеет смысл говорить о полноте редупликации применительно к жестовым языкам: большинство жестов в них односложные и при копировании они повторяются полностью. В случае двусложных жестов копированию тоже подвергаются оба слога [Wilbur 2009]. Однако данные РЖЯ показывают, что в жестовых языках редупликация может быть полной и неполной. При полной редупликации жест копируется полностью. Неполная же редупликация встречается у жестов, имеющих внутренний повтор, – количество повторяющихся сегментов в редуплицированном жесте может не быть кратно количеству повторов в исходном жесте (например, редуплицированный жест БЕЖАТЬ, имеющийся в исходной форме два повтора, может содержать три или пять повторов) [Буркова, Филимонова 2014: 223].

В качестве особого структурного типа редупликации, не имеющего аналога в звуковых языках, исследователи рассматривают удвоение артикулятора, т. е. исполнение исходно одноручного жеста двумя руками с симметричными конфигурацией, локализацией, ориентацией и движениями [Klima, Bellugi 1979; Bergman, Dahl 1994; Börstell 2011; Meir 2012]. Руки при этом могут двигаться синхронно или поочередно. При этом, как отмечается в [Meir 2012: 106], важно различать удвоение артикулятора с целью образования новой лексической единицы или кодирования грамматического значения и удвоение артикулятора как свободный вариант жеста.

В процессе редупликации в жестовых языках могут участвовать и немануальные средства. Во-первых, редуплицированный мануальный жест может сопровождаться редупликацией немануальных средств. Например, сопутствующей артикуляцией слов шведского звукового языка, повторяющихся то же количество раз, что и мануальный жест в шведском жестовом языке (SSL) [Bergman, Dahl 1994: 405]; повторением немануального компонента, присущего исходному жесту в израильском жестовом языке [Meir, Sandler 2008: 93]; покачиванием корпуса в американском жестовом языке [Fisher 1973]. Во-вторых, редуплицированный мануальный жест может сопровождаться нередуплицированным немануальным показателем. Последний в этом случае выступает в качестве дополнительного средства, уточняющего функцию мануальной редупликации. Так, в SSL выпячивание губ при быстрой редупликации мануального глагольного жеста ассоциируется с хабитуальным значением; другие немануальные средства кодируют адвербиальные значения 'с усилием', 'бесконтрольно', 'быстро' [Bergman, Dahl 1994: 405]. Наконец, в некоторых случаях редупликация может осуществляться исключительно за счет немануальных средств; мануальный жест при этом остается нередуплицированным. Возможность использования «чистой» немануальной редупликации отмечается для SSL и для австралийского жестового языка (Auslan). Например, в Auslan мануальные жесты WOMAN 'женщина' и APPLE

‘яблоко’ не редуплицируются, однако некоторые носители языка при выражении значения множественного числа исполняют их с повторяющимися легкими наклонами корпуса или поворотами головы вправо-влево [Johnston, Schembri 2007: 139]. Немануальная редупликация используется и в РЖЯ (см. раздел 3.2 Главы IV настоящего исследования).

В литературе, посвященной жестовым языкам, описываются случаи сочетания редупликации с изменением параметров жеста – например, смещением руки при повторах по горизонтали, инверсией направления движения, изменением ориентации руки [Zwitserlood, Nijhof 1999; Miljan 2003; Pfau, Steinbach 2005b; Steinbach 2012]. Некоторыми исследователями быстрая и медленная редупликация трактуются как разные структурно-функциональные типы редупликации и рассматриваются как аналог противопоставления точной/неточной редупликации в звуковых языках, см., например, [Fisher 1973; Bergman, Dahl 1994]³¹. Однако по мнению Р. Уилбур, тип неточной³² редупликации в жестовых языках отсутствует. Во-первых, параметры конфигурации, локализации или ориентации жеста часто являются фонологическими существенными. Во-вторых, модификация тех или иных параметров жеста, часто выступает в качестве морфологического средства. Соответственно, изменение того или иного параметра может коррелировать с различиями в семантике [Wilbur 2009]. На этом основании в исследованиях [Klima, Bellugi 1979; Wilbur 2005; Wilbur 2009; Börstell 2011] редупликация и изменения параметров жеста рассматриваются как независимые средства. Это подтверждается и данными РЖЯ: в исследовании [Буркова, Филимонова 2014] показано, что редупликация в этом жестовом языке может сочетаться с уменьшением или увеличением скорости исполнения жеста, изменением локализации, направления движения, ориентации жеста, при этом данные изменения параметров жеста могут выступать в качестве морфологических

³¹ В указанных работах редупликация, сопровождающаяся изменением параметра жеста, называется неполной (*partial reduplication*).

³² В терминологии Р. Уилбур – неполной редупликации (*partial reduplication*).

показателей и самостоятельно, без редупликации (о сочетании редупликации с другими морфологическими средствами см. также в главе IV настоящего исследования).

Существующие исследования показывают, что тип редупликации может зависеть от фонологических характеристик исходного жеста. Например, в работах [Pfaу, Steinbach 2003, 2005a,b, 2007, 2010; Steinbach 2012], выполненных на материале германского жестового языка, демонстрируется зависимость выбора типа редупликации от фонологической структуры исходного жеста. В качестве релевантных характеристик жеста при этом выделяются: контакт руки с корпусом тела говорящего (контактный / бесконтактный жест); количество артикуляторов (одноручный / двухручный жест); возможность согласования (согласующийся / несогласующийся жест); слоговая структура (моносиллабический / полисиллабический жест). Исследования, ведущиеся в течение нескольких последних десятилетий, демонстрируют большое структурное сходство жестовых языков, как родственных, так и неродственных. Интересно, что при этом для разных жестовых языков отмечаются разные наборы ограничений на использование редупликации. Например, в германском и австралийском жестовых языках не могут подвергаться редупликации контактные жесты [Johnston, Schembri 2007: 139; Steinbach 2012: 116], тогда как в американском жестовом языке редупликация контактного жеста возможна [Steinbach 2012: 118]. В германском и новозеландском жестовых языках не редуплицируются полисиллабические жесты [Steinbach 2012: 116; Wallingford 2008: 7], однако такая возможность отмечается для американского жестового языка [Sandler 1989: 178; Wilbur 2009: 325; Steinbach 2012: 118]. В австралийском жестовом языке на редупликацию накладывается ограничение наличие в структуре жеста внутреннего повтора [Johnston, Schembri 2007: 139], тогда как, например, в шведском жестовом языке допускается редупликация жестов, содержащих внутренний повтор [Börstell 2011].

В исследовании [Буркова, Филимонова 2014] было выделено три структурных типа мотивированной редупликации в РЖЯ: простая мануальная редупликация, двуручная редупликация и немануальная редупликация. **Простая мануальная редупликация** представляет собой значимый повтор жеста без изменения его параметров (конфигурации, ориентации, локализации, движения). При **двуручной редупликации** подключается дополнительный мануальный артикулятор: жест, в исходной, словарной форме исполняемый одной рукой, выполняется двумя руками. При этом редуплицироваться таким образом могут не только одноручные жесты, но и некоторые двуручные, способные редуцироваться до одноручного жеста. Это жесты, в которых одна рука является активной, а вторая служит базой, местом артикуляции, при этом допускается неучастие пассивной руки в исполнении жеста³³ (соответственно, при двуручной редупликации обе руки исполняют «активную» часть такого жеста). Выделяются два структурных подтипа двуручной редупликации: **симультанная редупликация**, при которой жест выполняется обеими руками синхронно, и **сукцессивная редупликация**, при которой жест выполняется правой и левой руками поочередно. **Немануальная редупликация** представляет собой повторяющиеся движения головы или корпуса. Выбор между структурными типами редупликации в РЖЯ отчасти обусловлен фонологическими характеристиками исходного жеста, однако структурные типы редупликации обнаруживают и достаточно отчетливую функциональную дистрибуцию³⁴.

В [Буркова, Филимонова 2014] рассматривается также немотивированная редупликация в РЖЯ. В литературе, посвященной исследованию редупликации в звуковых языках, примерами немотивированной редупликации являются «лексемы, существующие в редуплицированном виде и не имеющие

³³ Например, жесты ОБМАНЫВАТЬ, ПРЫГНУТЬ, в словарной форме двуручные, в речи часто исполняются только активной рукой; исполнение только одной рукой двуручных жестов ПИСАТЬ, БОЛЕТЬ не допускается: без участия пассивной руки жест не будет понятен.

³⁴ О функциональной дистрибуции разных структурных типов редупликации см. также в IV-й главе настоящего исследования.

однокоренных нередуплицированных лексем» [Рожанский 2011: 90]³⁵. В исследованиях редупликации в звуковых языках необходимость выделения немотивированной редупликации обосновывается либо на основании ее формального и семантического сходства с мотивированной редупликацией: значения мотивированных и немотивированных редуплицированных форм имеют общий компонент, например, множественность [Рожанский 2011], либо на основании продуктивности: немотивированная редупликация должна быть регулярно представлена в значительном количестве лексем, содержащих один и тот же семантический компонент [Минлос 2004: 17]. В [Буркова, Филимонова 2014] было показано, что в РЖЯ аналогом немотивированной редупликации является внутренний повтор. Наличие этого признака, по крайней мере, в структуре глагольных жестов не случайно (обсуждение семантики жестов, содержащих внутренний повтор, см. также разделы 2.2.2 Главы II, 3.1.1, 3.1.4.5 Главы IV).

2.1.2.4. Модификации жеста

Известные в жестовых языках модификации жеста представляют собой изменения движения, ориентации или локализации жеста. Они способны выражать широкий круг значений. Всестороннего описания данного морфологического явления в жестовых языках пока не существует, однако в нескольких исследованиях предпринимались попытки сопоставления модификация параметров жеста с некоторыми морфологическими процессами в звуковых языках.

Впервые вопрос квалификации рассматриваемых морфологических средств поднимается в работе Е. Клина и У. Беллуджи, посвященной аспектуальным модификациям адъективных предикатов в американском жестовом языке. Авторы используют термин «inflection», актуализируя сразу

³⁵ В [Golston, Thurgood 1999] применительно к мотивированной и немотивированной редупликации используются термины «polymorphic reduplication» и «monomorphemic reduplication» соответственно. Примерами немотивированной (мономорфемной) редупликации являются слова *korpor* 'жаба', *qewqew* 'земляная кукушка', *tixtix* 'толочь' в чумашском языке [Ук. соч.: 83].

два значения этого термина – ‘интонация’ и ‘словоизменение’. С их точки зрения, модификация параметров жеста в формальном отношении напоминает скорее интонацию в звуковых языках, однако значения, выражаемые с помощью модификаций жеста, относятся к значениям, которые часто выражаются в звуковых языках грамматическими средствами: аспект, лицо, число [Klima, Bellugi 1979: 246].

В нескольких работах выдвигаются аргументы против того, чтобы называть данный процесс словоизменительным. Признаками словоизменения являются обязательность и применимость ко всем лексемам определенного грамматического класса, тогда как примеры Е. Клим и У. Беллуджи ограничиваются лишь некоторыми синтаксическими контекстами. По мнению Б. Бергман и Э. Даля, исследование которых проводилось на материале шведского жестового языка, в некоторых случаях маркирование аспекта в этом языке не является обязательным и зависит от информационной структуры высказывания [Bergman, Dahl 1994: 408]. Кроме того, как отмечается в указанной работе, наличие грамматических показателей аспекта нетипично для языков, в которых отсутствует словоизменительная оппозиция перфектива и имперфектива [Ук. соч.: 409]. Лингвисты также обращают внимание на отличие модификаций жеста от аффиксов: аффиксы развиваются из первоначально самостоятельных лексем, и их развитие требует определенного времени, тогда как у рассматриваемых модификаций исходного жеста нет лексических источников [Bergman, Dahl 1994: 412].

Модификации жеста относят к явлениям несегментной морфологии. Несегментная морфология в жестовых языках представляет собой наложение морфологической структуры на исходный жест (например, при согласовании морфемы накладываются на первую и последнюю локализацию жеста); ее функционирование в жестовых языках обусловлено способностью жестовых языков выражать определенные пространственные и визуальные концепты. [Aronoff et al. 2005: 314]. В статье Б. Бергман и Э. Даля система редупликации и

модификации параметров жеста в шведском жестовом языке сопоставляется с видовременной системой языка камму (австроазиатская семья, Лаос). Видовременные отношения в камму выражаются с помощью идеофонов, образованных от односложного корня с помощью одного или нескольких словообразовательных операторов. В изолированном виде корень появляться не может. Девять словообразовательных операторов включают и редупликацию, и аффиксацию. Не все операторы могут сочетаться со всеми корнями. Сходства между системой редупликации в жестовых языках и системой идеофонов камму заключаются в автономности обеих систем в языке и схожем спектре кодируемых значений. Исследователи приходят к выводу, что система редупликации и модификации жеста в жестовых языках представляет собой некий третий тип морфологии.

Некоторые лингвисты рассматривают модификации жеста в рамках просодической теории несегментной морфологии, сравнивая данный морфологический процесс с процессами, происходящими в семитских языках [Sandler, Lillo-Martin 2006: 51–54]. Просодическая модель несегментной (неконкатенативной) морфологии первоначально была предложена Дж. МакКарти в работе [McCarthy 1981] на основании изучения морфологии языков, отличающейся от морфологии индоевропейских языков. Например, в арабском языке корень, обычно состоящий из трех согласных (арабский *ktb* ‘писать’), соединяется с аффиксом, состоящим из гласных, по определенному просодическому образцу (prosodic template), представляющему собой последовательность гласных и согласных: CVCVCV (*kataba* ‘он написал’), CVVCVCV (*kaataba* ‘он переписывался’), CVCCVCV (*kattaba* ‘он заставил написать’). Такой просодический образец имеет независимый морфологический статус и выражает грамматическое/словообразовательное значение. В [Sandler, Lillo-Martin 2006] делается попытка описать в рамках данной модели модификации жеста. Так, структура жеста анализируется как последовательность движений (M) и локализаций (L) жеста, являющихся

аналогами гласных и согласных. Большинство жестов в жестовых языках содержат один слог и одну морфему и имеют фонологическую структуру LML. Модификации жеста рассматриваются авторами как морфологические изменения, следующие определенному просодическому образцу. Например, значение интенсивности в американском жестовом языке выражается с помощью просодического образца LLMLL: по сравнению с исходной формой жеста, рука дольше удерживается в начальной и конечной локализации жеста [Sandler, Lillo-Martin 2006: 52–53].

Модификации жеста в РЖЯ практически не являлись объектом специального исследования. Единственной работой в этой области является статья Г.Л. Зайцевой [Зайцева 1987а], в которой для обозначения данного морфологического явления используется термин «инфлексия». На примере жеста НАХОДИТЬСЯ.В.КОНТАКТЕ автор описывает следующие модификации жестов и передаваемые ими значения: движение от говорящего/к говорящему для передачи субъектных отношений; движение вперед-назад, выражающее семантику взаимного действия; изменение конфигурации жеста, использующееся для передачи интенсивности состояния [Зайцева 1987а]. Некоторые модификации жеста, такие как движение по дуге, использующееся для выражения дистрибутивного значения, и движение по направлению к объекту, указывающее на согласование, упоминаются также в [Прозорова 2006].

2.1.2.5. Инкорпорация

Инкорпорация представляет «способ синтаксической связи компонентов словосочетания или всех членов предложения, при котором компоненты соединяются в единое целое без формальных показателей у каждого из них» [БЭС 1998: 193]. В жестовых языках широко представлена инкорпорация в некоторые именные жесты числительных [Liddel 2003: 17; Schuit 2007: 36–37]. В процессе инкорпорации конфигурация именного жеста меняется на

конфигурацию соответствующего числительного, а остальные параметры остаются прежними³⁶. Исследование инкорпорации числительных в РЖЯ [Пономарева 2008] показывает, что она возможна по отношению к ограниченному кругу существительных: в него входят жесты, обозначающие единицы измерения времени (МИНУТА, ЧАС, ДЕНЬ, МЕСЯЦ, НЕДЕЛЯ, ГОД), веса (КИЛОГРАММ) и расстояния (КИЛОМЕТР), денежные единицы (РУБЛЬ). Этот список частично совпадает со списком соответствующих существительных в других жестовых языках [Liddel 2003: 19; Meir, Sandler 2008: 103–104]. Количество числительных, которые могут инкорпорироваться, ограничено анатомическим строением руки. Обычно инкорпорировются числа от 1 до 5, но некоторые жесты позволяют инкорпорировать числительные до 10 или даже 15 (например, жесты РУБЛЬ, ЧАС, МЕСЯЦ)³⁷.

2.1.3. Классификаторные конструкции

Классификаторными конструкциями или классификаторными жестами в жестовых языках называют морфологически сложные жесты, обозначающие скорее не слова, а целые пропозиции. От остальных жестов классификаторные конструкции отличаются наличием у параметров жеста значения. Недоминантная рука при исполнении классификаторного жеста обретает независимый морфологический статус, пространственные отношения между двумя руками тоже становятся значимыми [Sandler, Lillo-Martin 2006: 79]. Движение также имеет значение: Т. Суппала разграничивает классификаторные конструкции, представляющие собой пропозиции существования, расположения и движения на основании типа корневого движения, которое может быть статическим, контактным и активным [Suppala 1986]. Направление и манера исполнения жестов тоже могут нести определенное значение

³⁶ По мнению С.К. Лиддела, существительное в таком жесте является связанной морфемой [Liddel 2003: 17–20].

³⁷ В [Schuit 2007: 46–47] отнесение этого морфологического процесса к инкорпорации ставится под сомнение: инкорпорация предполагает наличие грамматических показателей, которые в данных случаях отсутствуют.

[Sandler, Lillo-Martin 2006]. Например, в жесте с классификаторной конфигурацией CLF:МАШИНА в РЖЯ может изменяться направление движения: вверх (машина движется вверх), вниз (машина съезжает с горы), может контактировать с другой рукой (машина врезалась, произошла авария), может принимать статичную форму рядом с другой рукой, обозначающей определенное место (машина стоит возле дома).

Из-за высокой иконичности классификаторных конструкций и невозможности структурировать список реализаций в них параметров жеста лингвистический статус жестов этого типа является спорным. Некоторые лингвисты рассматривают классификаторные конструкции как отдельную своеобразную подсистему в жестовых языках [Sandler, Lillo-Martin 2006; Suppala 1986; Schick 1990], другие лингвисты трактуют классификаторные жесты как особый тип коммуникации, основанный на визуальном изображении ситуации [Cogill-Koez 2000].

В лингвистической литературе выделяется несколько типов классификаторных конструкций в жестовых языках (в работах разных исследователей они имеют разные названия): классификаторы формы и размера, семантические классификаторы, классификаторы инструмента³⁸.

У жестов, относящихся к классификаторам формы и размера объекта, части артикулятора (руки) представляют собой морфемы, обозначающие различные физические параметры объекта. Например, в РЖЯ жест, при исполнении которого кончики большого и указательного пальцев соединены и образуют круг, может использоваться для любого плоского круглого предмета, например, лужи, монеты или кольца. К этому типу относятся также жесты, обрисовывающие силуэт объекта. Например, в РЖЯ существует жест, при исполнении которого указательные пальцы рук чертят в воздухе

³⁸ Некоторые исследователи дополнительно выделяют следующие типы классификаторов: использование корпуса для изображения одушевленных объектов [Suppala 1986, Aronoff et al. 2003], изображение частей тела [Suppala 1986].

прямоугольный силуэт: так обозначается плоский прямоугольный предмет, например, картина или документ.

Для второго типа классификаторных конструкций существует несколько терминов – семантические классификаторы [Suppala 1986: 184], классификаторы объекта [Sandler, Lillo-Martin 2006: 78], классификаторы класса [Schick 1990]. Классификаторные конструкции этого типа обозначают одушевленных существ (людей, животных, растения) или виды транспорта. Например, в РЖЯ к семантическим классификаторам относятся жесты с конфигурациями CLF:ЧЕЛОВЕК.ДВИГАТЬСЯ (иконическое изображение прямоходящего существа), CLF:МАШИНА.

Третий тип классификаторных конструкций в работах разных исследователей тоже обозначается по-разному – классификатор руки [Schick 1990] или классификатор инструмента [Suppala 1986: 185]. Жесты, относящиеся к этому типу классификаторных конструкций, имеют конфигурацию руки, отображающую форму предмета, который человек держит в руке [Schick 1990: 28–31; Suppala 1986: 196–197]. Например, в русском жестовом языке, к таким жестам относятся конструкции ДЕРЖАТЬ.ЛОМ или ДЕРЖАТЬ.БУКЕТ.

2.2. Исследования категории аспектуальности в жестовых языках

Специальных работ, посвященных исследованию средств выражения аспектуальной семантики, немного. Отдельные аспектуальные показатели упоминаются в описаниях многих жестовых языков: израильского [Meir 1999; Meir, Sandler 2008], шведского [Bergman, Dahl 1994], греческого [Vletsi, Stravrakaki 2008], турецкого [Zeshan 2003], британского [Sutton-Spence, Woll 1999], австралийского [Jonston, Schembri 2007], гонконгского [Tang 2009], итальянского [Zucci 2003; Zucci et al. 2010], индопакистанского [Zeshan 2000], эстонского [Miljan 2003]. Практически все работы, специально посвященные проблеме аспектуальности, базируются на материале

американского жестового языка (ASL): [Anderson 1982; Brentari 1998; Klima, Bellugi 1979; Jones 1978; Maroney 2004; Reagan 2007; Rathmann 2005; Wilbur 1987; Wilbur, Wood 2000]; при этом большинство из них выполнено в рамках структурно-семантического подхода и носит точечный характер.

Б. Бергман и Э. Даль на материале шведского жестового языка разграничивают два распространенных способа выражения аспектуальных значений: перифрастические (аналитические) конструкции и системы редупликации и модификаций жеста, представляющие собой особые морфологические процессы, имеющие некоторые сходства с системами идеофонов в звуковых языках [Bergman, Dahl 1994]. В существующих исследованиях жестовых языков не содержится информации о лексических способах выражения аспектуальных значений или аффиксах, передающих аспектуальную семантику.

Среди аналитических аспектуальных показателей в существующих работах в основном рассматриваются грамматикализованные жесты, передающие семантику перфектива, перфекта, комплетива, терминатива, результатива. Многие из этих жестов, используемые в разных жестовых языках, имеют фонологическое сходство, и, возможно, являются родственными. Подробно данные жесты обсуждаются в разделе 4.2 Главы III настоящего исследования.

Многие исследования различных жестовых языков содержат наблюдения над отдельными морфологическими средствами выражения аспектуальной семантики: так, выделяется удержание начальной/конечной конфигурации жеста, движение по дуге, замедление движения в американском жестовом языке [Anderson 1982, цит. по Rathmann 2005], движение по дуге, длительное удержание жеста в британском жестовом языке [Sutton-Spence, Woll 1999]. С точки зрения Л. Андерсона, замедленное и вибрирующее исполнение жеста в американском жестовом языке характерно для описания процесса, удержание конечной конфигурации жеста указывает на статичность, изменение состояния

выражается удержание начальной и конечной конфигураций жеста. Удержание конечной конфигурации жеста в сочетании с напряжением руки выражает значение эмфатического результата [Anderson 1982, цит. по Rathmann 2005]. Во многих исследованиях отмечается роль редупликации в кодировании аспектуальных значений [Fisher 1973; Bergman, Dahl 1994; Wilbur 2009; Maroney 2004; Jonston, Schembri 2007; Sutton-Spence, Woll 2007; Meir, Sandler 2008; Börstell 2011].

Первая попытка систематизировать модификации жеста, передающие аспектуальные значения, была предпринята Е. Клима и У. Беллуджи на материале американского жестового языка. Авторами были описаны восемь модификаций адъективных жестов, используемых для выражения аспектуальной семантики. Каждая модификация при этом может быть описана как набор определенных признаков. Всего выделяется шесть признаков: наличие/отсутствие редупликации, ровный/неровный темп исполнения жеста, напряженное/ненапряженное движение, наличие/отсутствие удержания конечной конфигурации жеста, быстрый/медленный темп исполнения жеста, продолженное/укороченное движение.

Рассматриваемые как набор признаков, аспектуальные модификации группируются в пары, различающиеся по одному признаку. Один из парных модифицированных предикатов обозначает состояние, другой – изменение состояния (см. Таблицу 1). Например, модификации, выражающие значения итератива и длительности различаются только одним признаком – отсутствием/наличием удержания конечной конфигурации жеста [Klima, Bellugi 1979].

Таблица 1. Аспектуальные модификации и их признаки в американском жестовом языке (по материалам [Klima, Bellugi 1979: 269])

Пары модификаций	Реду- пликация	Ровный темп	Напря- женность	Удержан- ие руки	Быст- рый	Продлен- ный	
Значение склонности 'иметь склонность болеть'	+	+	—	—	+	+	Состояние

Значение склонности к приобретению признака 'легко заболеть'	+	+	—	+	+	+	Изменение состояния
Значение длительности 'болеть долго'	+	—	+	—	—	+	Состояние
Значение итератива 'заболеть снова и снова'	+	—	+	+	—	+	Изменение состояния
Значение продолжительности 'быть больным непрерывно'	—		+			—	Состояние
Значение непрерывности 'заболеть постоянно'	+	—	+	+	+	—	Изменение состояния
Значение интенсивности 'быть очень больным'	—	+	+	+	+	+	Состояние
Значение результата 'заболеть'	—	—	+	+	—	+	Изменение состояния

Результаты, полученные Е. Клима и У. Беллуджи, легли в основу дальнейших попыток очертить круг аспектуальных модификаций и аспектуальных значений, имеющих в ASL формальное выражение. Р. Уилбур выделяет семь аспектуальных значений, имеющих специализированные показатели в ASL: континуатив (объединяется с длительностью), хабитуалис (объединяется со значением постоянного, непрерывного проявления признака), итератив, инцептив, нереализованный инцептив³⁹, результатив и незаконченное действие [Wilbur 1987]. Т. Рейган рассматривает следующие аспектуальные значения и средства их выражения в ASL: итератив (редупликация с коротким прямым движением и движением по дуге на возвращении), нереализованный инцептив (движение по дуге, потом удержание начальной конфигурации жеста), значение постоянного, непрерывного проявления признака (изменение от удержания к движению с изменением локализации), хабитуалис (редупликация), длительность (медленная редупликация), интенсив (выражается по-разному, инверсивным движением или движением по кругу) [Reagan 2007].

Системным подходом к изучению категории аспектуальности в жестовых языках отличается только работа К. Ратманна, выполненная на материале американского жестового языка [Rathmann 2005]. В данном исследовании

³⁹ Под нереализованным инцептивом понимается ситуация, которая вот-вот должна была произойти, но не произошла [Liddel 2003].

категория аспектуальности рассматривается прежде всего как взаимодействие акциональной семантики предикатов и аспектуальных показателей. Согласно данной работе, в ASL выделяется от четырех до шести акциональных типов предикатов (подробнее о них см. раздел 1.3 Главы II) и шесть аспектуальных показателей: удлинение движения (выражает континуативное значение), редупликация (выражает значение итератива), короткая и быстрая редупликация (выражает хабитуальное значение), удержание конечной конфигурации жеста⁴⁰ (указывает на наличие у ситуации финала), удержание руки в начальной конфигурации (выражает значение конатива⁴¹) и аналитический показатель FINISH ‘закончить’ [Rathmann 2005].

Четыре из описанных выше аспектуальных показателей (удлинение движения, оба типа редупликации, удержание конечной конфигурации жеста) К. Ратманн относит к сфере акциональности, так как они меняют акциональный тип предиката [Rathmann 2005: 54].

Собственно аспектуальная семантика, таким образом, выражается с помощью двух аспектуальных показателей: жеста FINISH ‘закончить’ и модификации жеста, представляющей собой удержание начальной конфигурации жеста. Функция жеста FINISH ‘закончить’ меняется в зависимости от его позиции по отношению к глаголу. В препозиции данный показатель выражает значение перфекта (JOHN **FINISH** RUN 30 M-I-L-E / TRUE NOW IX EXHAUSTED ‘Джон пробежал 30 миль, и сейчас он истощен’), в постпозиции кодирует значение перфектива (JOHN RUN **FINISH** WALK **FINISH** REST ‘Джон пробежал, прошел [какое-то расстояние], потом отдохнул’). Удержание начальной конфигурации жеста К. Ратманн рассматривает как показатель имперфектива (JOHN **COOK(cm/inhh)** // WIFE INTERRUPT ‘Джон собирался

⁴⁰ В других исследованиях данная модификация жеста интерпретируется как «incomplete aspect» [Jones 1978], пунктивный маркер [Brentari 1998], показатель предельности [Wilbur, Wood 2000].

⁴¹ Под этим названием автор объединяет такие значения, как инцептив, результатив, отложенный комплетив [Brentari 1998], незаконченное действие [Jones 1978] и нереализованный инцептив [Liddel 2003]. Конкретное значение жеста с показателем конатива определяется с помощью последующего глагола: если это тот же глагол, то действие осуществилось, но было «задержано», если же за глаголом с показателем конатива следует другой глагол, то действие не осуществилось [Rathmann 2005: 161].

готовить, но его прервала жена’). Доказательством служит неспособность данной модификации жеста сочетаться с показателем перфектива жестом FINISH ‘закончить’ (*JOHN COOK(cm/inhh) FINISH // WIFE INTERRUPT ‘*Джон собирався приготовил, но его прервала жена’) [Rathmann 2005: 54, 144–145].

Глагольные жесты, употребленные без перфективного или имперфективного показателя, нейтральны по отношению к данной оппозиции. Перфективную или имперфективную интерпретацию они приобретают в зависимости от акционального класса предиката. Предикаты, обозначающие семейфактивы (JOHN COUGH ‘Джон кашлянул’), события (JOHN ARRIVE ‘Джон прибыл’) и предельные процессы (JOHN WRITE PAPER ‘Джон написал статью’), интерпретируются как перфективные, а предикаты со значением состояний (JOHN KNOW HISTORY ‘Джон знает историю’, JOHN BE.SICK ‘Джон болен’) и неопределенных процессов (JOHN WALK ‘Джон идет’) – как имперфективные [Rathmann 2005: 175–199].

3. Выводы

Как показывает анализ аспектологических исследований, подходов к содержанию, описанию и интерпретации категории аспектуальности существует много. Такое разнообразие моделей семантической категории аспектуальности во многом обусловлено ориентацией на материал конкретных языков. Универсальной модели описания категории аспектуальности пока не существует, для этого требуются более обширные и глубокие типологические исследования аспектуальных систем.

В данном исследовании мы не следуем четко одному подходу к пониманию и описанию категории аспектуальности: логика описания аспектуальной системы РЖЯ обусловлена сложностью и неоднородностью ее устройства. Акциональность и аспектуальность («внутренняя» и «внешняя» аспектуальность) исследуются нами как две достаточно независимых зоны

аспектуальности, взаимодействующих между собой⁴². Поэтому сначала в Главе II выявляются акциональные классы предикатов в РЖЯ, а в последующих главах описываются средства выражения значений «внешней» аспектуальности. Такой порядок описания мотивирован тем, что в языке сначала задается тип ситуации, а потом «точка зрения» на него. При этом выявление акциональных классов предикатов невозможно без описания взаимодействия предикатов с «внешними» аспектуальными показателями, поэтому в исследовании делаются отсылки к последующим главам.

Вслед за [Маслов 2004; Плунгян 2003] мы выделяем среди «внешних аспектуальных значений» две семантические зоны: линейную и количественную аспектуальность. Это обусловлено спецификой изучаемого языка, четко разграничивающего линейные и количественные значения с помощью формальных средств. Глава III посвящена средствам выражения линейной аспектуальности в РЖЯ, Глава IV – средствам выражения количественной аспектуальности в РЖЯ. Средства выражения «внешней» аспектуальности рассматриваются в их взаимодействии с акциональными классами предикатов.

Включение в категорию аспектуальности акциональных и количественных глагольных значений отчасти обусловлено отсутствием системных исследований категории аспектуальности в русском жестовом языке и выбором комплексного и интегрирующего функционального подхода. Для более точного понимания устройства аспектуальной системы РЖЯ необходим широкий подход к категории аспектуальности, позволяющий установить наиболее значимые механизмы функционирования аспектуальной системы в русском жестовом языке.

⁴² При этом Глава II включает раздел, где некоторые аспектуальные показатели интерпретируются как средства изменения акционального класса предиката.

ГЛАВА II. АКЦИОНАЛЬНОСТЬ В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ

Данная глава посвящена средствам выражения акциональной семантики в русском жестовом языке. Сначала мы рассмотрим существующие подходы к классификации акциональных классов предикатов и способы их разграничения в существующих исследованиях, посвященных акциональности в звуковых и жестовых языках, а затем представим результаты собственного исследования.

1. Акциональность как объект изучения лингвистики

1.1. Акциональные типы предикатов в звуковых языках и подходы к их классификации

Под акциональной семантикой предиката в лингвистике понимаются его семантические компоненты, содержащие информацию о внутренней темпоральной структуре ситуации. В лингвистической литературе для описания акциональных типов предикатов используются различные термины: семантический тип предиката [Булыгина 1982], тип ситуации [Smith 1997], аспектуальный класс глагола [Шлуинский 2003], таксономическая категория [Падучева 2004], акциональный тип предиката [Плунгян 2009, 2011].

Большая часть современных классификаций акциональных типов предиката основана на классификации З. Вендлера, выделившего четыре типа предиката в английском языке: состояния (states), непредельные процессы (activities), предельные процессы (accomplishments) и события (achievements), которые обычно приписываются глагольной лексеме в целом [Vendler 1957].

Состояния в отличие от других типов ситуаций статичны, для их поддержания не требуется постоянного притока энергии [Comrie 1976: 49; Smith 1997: 32]. Для изменения ситуации требуется вмешательство извне, при этом начало статичной ситуации и ее конец не являются частью ситуации

[Smith 1997: 32]. Состояния одинаковы в любой момент времени, даже мельчайший отрезок ситуации будет описан так же, как и целая ситуация (например, ситуация *Я знаю географию* будет действительна, если взять временной отрезок *сегодня, между 8-ю и 9-ю утра, в 8 утра*).

Основное отличие **процесса** от состояния заключается в следующем: если состояние действительно в одной временной точке, то для процесса нужно, по крайней мере, две временные точки, так как процесс существует только в движении (например, в отдельной временной точке процесс *краснеть* превращается в состояние *быть покрасневшим*). Кроме того, большинство процессов отличаются от состояний тем, что в них можно выделить квант⁴³ ситуации (например, в ситуации *Я шагаю* квантом ситуации будет шаг; отрезок времени, включающий меньше одного шага, уже не будет описан как ситуация *Я шагаю*). Однако, как отмечается в [Татевосов 2005], существуют и процессы, у которых квант ситуации не выделяется (*краснеть, двигаться*). Соответственно при разграничении процессов и состояний нельзя в полной мере опираться на степень членимости ситуации как акциональный признак.

Процессы делятся на **предельные** и **непредельные**: последние отличаются отсутствием естественного предела ситуации. Непредельные процессы могут продолжаться бесконечно и прекращаются только с помощью вмешательства извне или по воле агенса. Предельные процессы негомогенны, они подразумевают разную степень реализации ситуации на различных ее этапах и представляют собой движение к некому естественному результату [Comrie 1976: 44; Smith 1997: 25; Плунгян 2011: 62]. Например, ситуации *Я читаю книги* и *Свет горит* являются непредельными, а ситуации *Я читаю книгу* и *Свеча горит* являются предельными.

С точки зрения М. Крифки, непредельные процессы обладают свойством кумулятивности – любой отрезок ситуации может быть описан так же, как и вся ситуация целиком (например, в ситуации *Я шагаю* отрезок, равный шагу, тоже

⁴³ Под квантом ситуации понимается мельчайший отрезок ситуации, микроситуация.

может быть описан как *Я шагаю*). Предельные процессы, напротив, обладают таким свойством как квантованность: предикат является квантованным, если он обладает свойством неподразделимости (про некоторый отрезок ситуации *съесть яблоко* нельзя сказать *съесть яблоко*)⁴⁴ [Krifka 1998: 3]. Кумулятивность и квантованность предиката в основном зависят от соответствующих свойств аргументов глагола. Для понимания того, какие при каких условиях характеристики аргументов влияют на предельность/непредельность предиката М. Крифка вводит понятие инкрементальности – свойства, которым обладает отношение между ситуацией и ее участником: каждой части события соответствует единственная часть участника (например, развитие ситуации *есть яблоко* соответствует частям яблока, которые поглощаются) [Krifka 1998: 12–14].

События противопоставлены остальным типам ситуации как мгновенные – у них отсутствует срединная стадия (*достичь, упасть, выиграть*). Некоторые исследователи в качестве отдельного типа ситуации рассматривают **семельфактив** – единичный квант мультипликативного процесса; он обладает отличным от других ситуаций набором признаков: мгновенностью, динамичностью, непредельностью (в отличие от событийной ситуации семельфактивная ситуация не имеет никакого результата и не влечет за собой изменение состояния) [Smith 1997: 29]. К семельфактивным относят такие ситуации как *стукнуть, пнуть, царапнуть*; в реальности подобные ситуации чаще организованы в серии действий – мультипликативные процессы *стучать, пинать, царапать* [Ук. соч.: 29].

Позднее классификация З. Вендлера не только уточнялась и дорабатывалась разными исследователями, но пересматривалась с учетом введения новых акциональных признаков. Так, в двух независимых исследованиях [Carlson 1977] и [Булыгина 1982] говорится о необходимости

⁴⁴ Ср. однако точку зрения С.Г. Татевосова, согласно которой нельзя отождествлять кумулятивность и непредельность, квантованность и предельность, поскольку предикат может не быть ни кумулятивным, ни квантованным, но при этом он должен быть предельным или непредельным [Татевосов 2014: 686–687].

разделения ситуаций на **вневременные** и **эпизодические**⁴⁵. Вневременные ситуации независимы от течения времени и характеризуют сам предмет, лицо или явление⁴⁶ (*Мой сын ленив*), тогда как эпизодические ситуации описывают только некоторый момент или отрезок существования предмета, лица или явления (*Мой сын ленится*) [Булыгина 1982: 17]. Признак наличия/отсутствия временной связанности Т.В. Булыгина считает первичным в классификации предикатов: в ее работе сначала разграничиваются вневременные и эпизодические ситуации, затем эпизодические ситуации делятся на состояния, процессы и события [Булыгина 1982].

В нескольких исследованиях предлагается уточнение «вендлеровской» классификации акциональных типов предикатов с учетом признака агентивности⁴⁷ [Dowty 1979; Булыгина 1982; Падучева 2009]. Так, в [Падучева 2009] классы неопредельных процессов, предельных процессов и событий делятся на подклассы по признаку агентивности/неагентивности. Внутри класса неопредельных процессов выделяются деятельности (*гулять*, *беседовать*) и неагентивные неопредельные процессы (*кипеть*, *гореть*), внутри класса предельных процессов – действия (*покрасить крышу*) и неагентивные предельные процессы (*лед растаял*), внутри класса событий – моментальные действия (*выиграть*) и происшествия (*случиться*) [Ук. соч.: 8].

Дискуссионным вопросом является возможность деления класса состояний на агентивные и неагентивные. Некоторые исследователи считают, что предикаты со значением состояния не могут обладать признаком агентивности [Rothstein 2004; Падучева 2009]. По мнению Т.В. Булыгиной, агентивные

⁴⁵ В настоящей работе мы используем для обозначения данных классов предикатов термины «вневременные» и «эпизодические», упомянутые среди прочих в [Плунгян 2009]. В исследовании Т.В. Булыгиной употребляются термины «качества» и «явления», а Г. Карлсон использует термины «individual level predicates» (предикаты, характеризующие индивида) и «state level predicates» (предикаты, характеризующие состояния) соответственно.

⁴⁶ При этом Т.В. Булыгина замечает, что вневременные ситуации типа *любить*, *знать* не предполагают, что реальная связь субъекта с обозначаемыми состояниями является незыблемой: можно *знать* и *забыть*, *любить* и *разлюбить*. Предикаты, обозначающие ситуации этого типа, могут быть истинными или ложными в определенный период времени, но в языке они представлены как «естественным образом длящиеся, не склонные к изменению и не ограниченные определенным временным периодом» [Булыгина 1982: 44–47].

⁴⁷ В различных исследованиях применительно к данному признаку используются термины «агентивность», «активность», «контролируемость ситуации».

ситуации не следует отождествлять с динамическими, а неагентивные – со статичными. Ситуации могут совмещать признаки статичности и агентивности (предикаты *стоять, лежать, безмолвствовать, пребывать* в сочетании с агентивным субъектом), динамичности и неагентивности (*шумел дождь*) [Булыгина 1982: 68–69]. В [Татевосов 2010] говорится о том, что среди предикатов со значением состояния уместнее различать неагентивные и не специфицированные по агентивности, так как, например, глаголы позиции могут быть как агентивными, так и неагентивными (ситуация *Вася лежит* является контролируемой, но если Вася – лежащий больной, то ситуация перестает быть контролируемой) [Ук.соч.: 21].

С точки зрения С.Г. Татевосова, состояния, процессы и т.п. являются семантическими ярлыками и принадлежат не предикату, а его видовременной форме. Например, глагол *believe* ‘верить’ в настоящем времени по своим акциональным признакам соответствует предикату со значением состояния, тогда как тот же глагол в прошедшем времени допускает две интерпретации: состояние и вхождение в состояние [Татевосов 2005: 116–119]. Анализ акциональных значений, приписываемых разным видовременным формам глагола, позволяет расширить круг семантических ярлыков. Так, С.Г. Татевосовым выделяются такие семантические ярлыки как «вхождение в состояние», «вхождение в процесс», «мультипликативный процесс» [Татевосов 2005].

Другая точка зрения на выделение новых типов предикатов/семантических ярлыков представлена в работах В.А. Плунгяна [Плунгян 2009; Плунгян 2011]. По его мнению, выделенные З. Вендлером четыре класса предикатов являются универсальными для всех языков. Проблема классификации «новых» классов предикатов решается исследователем с помощью введения понятия акциональной связанности. Акционально связанная ситуация отличается от изолированной тем, что является фрагментом другой ситуации: например, ситуация *сгореть* является завершением предельного процесса *гореть*, тогда

как ситуация *очутиться* не связана ни с какой другой [Плунгян 2009: 69]. При этом обе ситуации относятся к акциональному классу событий. Среди акционально связанных ситуаций автор выделяет вхождение в состояние (*заболеть*), вхождение в процесс (*загореться*), завершение процесса (*сгореть*), мультипликативный процесс (*вспыхивать*), результирующие состояния (*быть открытым*), генерализованные состояния (*курить*) [Плунгян 2009: 70].

1.2. Критерии разграничения акциональных типов предикатов в звуковых языках

В статье 3. Вендлера [Vendler 1957] акциональные классы предикатов разграничиваются на основании их сочетаемости с аспектуальными показателями, поскольку акциональный класс предиката накладывает определенные ограничения на эту сочетаемость. В дальнейшем в работах [Dowty 1979; Verkuyl 1989; Smith 1997; Krifka 1998; Rothstein 2004] был предложен ряд способов разграничения акциональных классов предикатов в звуковых языках на основании этого критерия.

Предикаты со значением состояний обычно не могут сочетаться с показателями прогрессива (англ. **I am knowing*), так как не обладают признаком динамичности [Vendler 1957: 144; Rothstein 2004: 11]. Предикаты, обозначающие события, тоже не могут сочетаться с показателями прогрессива (англ. **Mary is losing her pen*), поскольку не обладают признаком длительности [Vendler 1957; Rothstein 2004: 11].

Предикаты со значением событий могут сочетаться только с точечными обстоятельствами времени (англ. *at midnight* ‘в полночь’, *в пять часов утра*). Высказывание *I reached the top of the mountain in three hours* ‘Я достиг вершины горы за три часа’ возможно, однако предикат в данном случае обозначает не событие, а предельный процесс, потому что ситуация, которая происходила в течение трех часов, описывает процесс восхождения на гору, а не момент ее достижения. Про каждый момент из этих трех часов нельзя сказать *I am*

reaching the top of the mountain ‘Я достигаю вершины горы’ [Vendler 1957: 147–148].

Предельные процессы, в отличие от неопредельных, сочетаются с лексемой ‘почти’ в значении близости к естественному пределу действия [Smith 1997: 28]. Ср. *Я почти сварил суп* и *Я почти бежал* – в последнем случае высказывание интерпретируется как близость к началу выполнения действия, а не как близость к его завершению. Предельные процессы сочетаются с обстоятельствами, указывающими на срок завершения действия (*Я нарисовал картину за три дня*); неопредельные процессы – с обстоятельствами длительности действия (*Я гулял два часа*) [Vendler 1957: 144]. В некоторых языках обстоятельства могут не только выявлять класс ситуации, но и менять его, т.е. быть частью акциональной композиции. Например, предикат в высказывании *John swam laps for an hour* ‘Джон плавал кругами в течение часа’ интерпретируется как неопредельный процесс, тогда как предикат в высказывании *John swam laps in an hour* ‘Джон проплыл круги за час’ интерпретируется как предельный процесс [Smith 1997: 28].

Разграничить предельные и неопредельные предикаты можно, поставив их в форму имперфектива. Ср. две ситуации: *John was pushing a cart* ‘Джон толкал тележку’ и *John was drawing a circle* ‘Джон рисовал круг’. Первую из них можно описать в прошедшем времени как *John pushed a cart* ‘Джон толкал тележку’: для того, чтобы ситуация имела место, не имеет значения, сколько времени она продолжалась и как закончилась. Вторую же ситуацию нельзя описать как *John drew a circle* ‘Джон нарисовал круг’, так как имперфективная форма не дает информации о том, был ли нарисован круг, т.е. был ли достигнут естественный предел ситуации. Соответственно, ситуация *push a cart* ‘толкать тележку’ относится к неопредельным процессам, так как информация о достижении предела не является важной, а ситуация *draw a circle* ‘рисовать круг’ является предельным процессом, поскольку требуется дополнительная информация о достижении ситуацией естественного предела [Dowty 1979: 133].

В исследованиях, выполненных в рамках теории акциональной композиции, было показано, что на предельность/непредельность предиката оказывают влияние аргументы глагола. Теория акциональной композиции предполагает, что предикат сам по себе не принадлежит какому-то одному типу ситуации – для определения акционального класса предиката имеет значение вся морфосинтаксическая структура высказывания [Krifka 1998; Verkuyl 1989; Татевосов 2005; Татевосов 2010]. В рамках этой теории разграничиваются два типа языков: актантно-ориентированные языки, в которых интерпретация предиката как предельного/непредельного зависит от свойств актанта, и глагольно-ориентированные языки, в которых предикат сам налагает ограничения на сочетаемость с актантами. Примером первого типа языков является английский – в предложениях *John ate an apple in a minute* ‘Джон съел яблоко за минуту’ и *John ate the apples for a minute* ‘Джон ел яблоки минуту’ интерпретация предиката *ate* ‘есть’ как предельного или непредельного зависит от свойств аргумента. Ко второму типу языков относится русский язык – в предложениях *Володя съел яблоки* и *Володя ел яблоки* предикат является ответственным за интерпретацию ситуации как предельной или непредельной. Специфика взаимодействия предикатов и актантов в языках типа русского объясняется тем, что на поздних стадиях предикации дополнительно подключается фактор перфективности: высказывание с перфективной семантикой налагает запрет на употребление предиката, обозначающего непредельный процесс. Данные отличия связаны с семантическим типом перфективности в языке: так, русская перфективность содержит требование о максимально возможной реализации действия в реальном мире, а такому требованию удовлетворяют только предельные предикаты [Татевосов 2014: 674–689].

Что касается разграничения вневременных и эпизодических ситуаций, то, по наблюдениям Т.В. Булыгиной, предикаты, обозначающие вневременные ситуации, более ограничены в своем употреблении. Предикаты, обозначающие

вневременные ситуации, не могут быть ответом на вопрос «Что ты сейчас делаешь?», так как не употребляются в актуальном значении (* – *Что ты сейчас делаешь? – Люблю*) [Булыгина 1982: 45]. Кроме того, как отмечается в [Carlson 1977; Manninen 2001: 1], предикаты, обозначающие вневременные ситуации, не могут сочетаться с глаголами восприятия (ср. *I saw John drunk* ‘Я видел Джона пьяным’ и **I saw John intelligent* ‘Я видел Джона умным’), с обстоятельствами времени (ср. *John was drunk in the evening* ‘Джон был пьян вечером’ и **John was intelligent in the evening* ‘Джон был умен вечером’), с обстоятельствами места (ср. *John was drunk in the office* ‘Джон был пьян в офисе’ и **John was intelligent in the office* ‘Джон был умен в офисе’), с обстоятельствами образа действия (ср. *John stood silently* ‘Джон стоял молча’ и **John knew French silently* ‘Джон молча знал французский’). При этом предикаты, обозначающие эпизодические ситуации, при хабитуальном прочтении превращаются в предикаты, обозначающие вневременные ситуации (*He was drunk every evening* ‘Он был пьян каждый день’) [Carlson 1977; Manninen 2001: 5]. Возможна и обратная ситуация – предикаты, обозначающие вневременные ситуации, могут быть интерпретированы как обозначающие кратковременные свойства. В таком случае они могут сочетаться с обстоятельствами времени (*John behaved in a really stupid way yesterday but today he was quite intelligent* ‘Джон вел себя глупо вчера, но сегодня он был довольно умен’) и с обстоятельствами места (*John is intelligent in his office and stupid on a football field* ‘Джон умен в своем офисе и глуп на футбольном поле’). Стоит заметить, что в таких высказываниях речь идет скорее о поведении индивида, чем о его свойствах [Manninen 2001: 6–8].

Согласно методике разграничения акциональных классов предикатов, предложенной С.Г. Татевосовым, для определения акционального класса предиката необходимо проанализировать совокупность акциональных ярлыков, присвоенных его видовременным формам. На этих основаниях, например, разграничиваются классы сильных и слабых предельных глаголов: к классу

сильных предельных глаголов принадлежат глаголы, в настоящем времени описывающие фрагмент ситуации, ведущей к состоянию, а в прошедшем времени – вхождение в состояние (марийский *jivan kolən* ‘Иван умер’, *jivan koleš* ‘Иван умирает’). К классу слабых предельных глаголов относятся глаголы, в настоящем времени описывающие фрагмент ситуации, ведущей к состоянию, а в прошедшем допускающие и предельную, и неопределенную интерпретацию (балкарский *kar erigendi* ‘снег растаял/таял’). На тех же основаниях выделяются такие акциональные классы как: инцептивно-стативные глаголы (марийский *jivan tide zadačam umələn* ‘Иван понял/понимал эту задачу’), неопределенные глаголы (марийский *karme əzga* ‘муха жужжит’, *karme əzgen* ‘муха пожужжала’), стативные глаголы (марийский *jivan kija* ‘Иван лежит’, *jivan kijən* ‘Иван полежал’), пунктивные глаголы (балкарский *alim kitapni tapxandi* ‘Алим нашел книгу’, *alim kitapni tabadi* ‘Алим регулярно находит книгу’), мультипликативные глаголы (балкарский *su šöndü avadi* ‘вода сейчас капает’, *su šöndü avkandi* ‘вода капнула/покапала’), ингрессивно-неопределенные глаголы (балкарский *su qajnajdi* ‘Вода кипит’, *su qajnavandi* ‘Вода покипела/вскипела за две минуты’), двупредельные глаголы (балкарский *üj zanadi* ‘Дом горит’, *üj zavkandi* ‘Дом загорелся/горел/сгорел’) [Татевосов 2005: 127–138].

1.3. Исследования акциональности в жестовых языках

Акциональная семантика предикатов исследовалась на материале американского жестового языка [Wilbur 2003, 2008, 2009, 2010; Rathmann 2005; Malaia, Wilbur 2010], австрийского жестового языка (ÖGS) [Schalber 2004; Schalber, Grose 2006] и хорватского жестового языка (HZJ) [Dukic, Milkovic, Wilbur 2010; Malaia, Wilbur 2010]. Изучение акциональности в жестовых языках ведется в двух направлениях: 1) разграничение акциональных классов предикатов путем анализа их морфосинтаксических свойств;

2) исследование отражения акциональной семантики в фонологической структуре жеста.

1.3.1 Подходы к разграничению акциональных классов предикатов на основании их морфосинтаксических свойств

В качестве способа разграничения акциональных классов предикатов в исследованиях [Rathmann 2005], [Malaia, Wilbur 2010], проведенных на материале американского жестового языка, предлагается анализ сочетаемости предикатов с аспектуальными показателями. В статье [Malaia, Wilbur 2010] выделяется четыре акциональных класса предиката: событие, предельный процесс, неопредельный процесс, состояние. В диссертационном исследовании К. Ратманна, посвященном структуре ситуации в американском жестовом языке, предикаты со значением состояний дополнительно разграничиваются на предикаты со значением вневременных состояний и предикаты со значением эпизодических состояний, а также в отдельный акциональный класс выделяются предикаты со семельфактивным значением [Rathmann 2005].

Для выявления предикатов, обладающих признаком наличия/отсутствия срединной стадии ситуации (в другой терминологии – мгновенности/длительности)⁴⁸, К. Ратманн предлагает проверку на сочетаемость с показателем длительности ситуации (медленной редупликацией в сочетании с движением по эллиптической траектории), наречиями образа действия и наречиями длительности – предикаты со значением события не имеют такой возможности [Rathmann 2005: 87].

Для выявления предикатов, обладающих признаком агентивности (а, следовательно, признаком динамичности), в указанной работе предлагается

⁴⁸ В [Бондарко 1987b] разграничиваются два типа длительности: внутренняя и внешняя. Внутренней длительностью обладают глаголы, содержащие в своем лексическом значении сему временной протяженности (*длиться, ждать, шагать*). Внешняя длительность выражается с помощью специальных показателей. В литературе по жестовым языкам для ряда языков отмечается наличие показателей внешней «положительной» длительности (подробнее см. о них раздел 2 IV-й главы), наше исследование показывает, что такие показатели имеются и в РЖЯ (см. о них раздел 3.2 IV-й главы). Поэтому, чтобы избежать смешения двух типов длительности, для обозначения акционального признака «мгновенность/длительность» (т.е. внутренней длительности) мы будем использовать термин «наличие/отсутствие срединной стадии ситуации».

проверка предиката на возможность употребления его в форме императива – предикаты со значением состояния не обладают такой способностью [Ук.соч.: 103]. Предикаты со значением состояния не способны также и выступать в сочетании с показателями императива (*GO-AHEAD KNOW HISTORY ‘*Знай историю’⁴⁹) [Ук. соч.: 66].

Разграничение предикатов по признаку предельности/непредельности осуществляется в статье Э. Малайя и Р. Уилбур [Malaia, Wilbur 2010] с помощью интерпретации высказывания *She did V on Sunday and on Monday* ‘Она делала/сделала это в воскресенье и в понедельник’: если глагол в высказывании интерпретируется как обозначающий два отдельных события, то он относится к предельным предикатам, если же глагол интерпретируется как обозначающий одно событие, то он принадлежит к непредельным типам предикатов [Ук. соч.: 166]. Предикаты со значением процессов могут дополнительно разграничиваться по признаку предельности/непредельности при помощи проверки на сочетаемость с жестом ALMOST ‘почти’ – данный жест свидетельствует о наличии естественного предела ситуации [Ук. соч.: 166]. Кроме того, о предельности предиката свидетельствует способность предиката сочетаться с жестом FINISH ‘завершить(ся)’. Этот жест является в американском жестовом языке показателем комплетива и, следовательно, может сочетаться только с предикатами, обозначающими ситуации, имеющие естественный предел. Жест STOP ‘перестать’, напротив, маркирует конец непредельной ситуации [Ук. соч.: 166–167]. К. Ратманн считает, что разграничить предельные и непредельные предикаты можно и с помощью проверки на сочетаемость предиката с жестом NEED ‘нужно’ в контексте ‘ему понадобилось столько-то времени, чтобы сделать это’. Жест NEED, по его мнению, является аналогом английского предиката *take* ‘занять’ в значении ‘it took time’ ‘это заняло столько-то времени...’. Следовательно, предикаты, сочетающиеся с жестом

⁴⁹ По данным К. Ратманна, императив не имеет в американском жестовом языке специальных морфологических средств выражения, однако императивная форма жеста исполняется с несколько большей интенсивностью, а императивная семантика высказывания наиболее отчетливо проявляется в контексте использования жеста GO-AHEAD [Rathmann 2005: 66].

NEED в вышеописанном контексте, обозначают предельные предикаты [Rathmann 2005: 78]. К. Ратманн предлагает также тест на сочетаемость с жестом STILL ‘все еще’ – по его мнению, предельные предикаты с ним не сочетаются (*STILL PUBLISH ‘Он все еще публикует [статью]’).

Для разграничения предикатов со значением вневременных и эпизодических состояний в диссертации К. Ратманна предлагается проверять предикаты состояния на сочетаемость с глаголами восприятия – предикаты, обозначающие вневременные состояния, в отличие от предикатов с семантикой эпизодических состояний, не могут с ними сочетаться, поскольку вневременные ситуации являются ненаблюдаемыми (*I SEE JOHN KNOW HISTORY ‘Я вижу, что Джон знает историю’) [Rathmann 2005: 67]. С другой стороны, предикаты, обозначающие эпизодические состояния, сочетаются со всеми показателями длительности в американском жестовом языке (медленной редупликацией в сочетании с движением по эллиптической траектории, изменением скорости исполнения жеста, наречиями образа действия, простыми временными наречиями), тогда как предикаты, обозначающие вневременные ситуации, могут сочетаться только с простыми временными наречиями [Ук. соч.: 66–73].

1.3.2. Репрезентация акциональной семантики предикатов в фонологической структуре жеста

Существенным отличием акциональности в жестовых языках от акциональности в звуковых языках является то, что акциональная семантика предиката в них передается формальными средствами – она отражается в фонологической структуре жеста. Американской исследовательницей Р. Уилбур на материале американского жестового языка была выдвинута гипотеза визуального отображения структуры ситуации в фонологической форме жеста (Event Visibility Hypothesis) [Wilbur 2003, 2008, 2009, 2010]. Впоследствии эта гипотеза получила подтверждение и на материале других

жестовых языков – австрийского [Schalber 2004; Schalber, Grose 2006] и хорватского [Malaia, Wilbur 2010]. При этом данная гипотеза не предполагает, что все результаты, полученные на материале одного жестового языка, будут справедливы для всех других жестовых языков. Она является предметно-ориентированной частью другой более общей гипотезы, заключающейся в том, что механизмы восприятия и нервная система, предназначенные для сегментации ситуаций реального мира, возможно, лежат также и в основе лингвистической обработки структуры ситуаций в жестовых языках [Malaia, Wilbur 2012: 134].

Исследование соотношения структуры ситуации и фонологических признаков жеста проводится Р. Уилбур в рамках просодической модели фонологии, предложенной Д. Brentari, см. [Brentari 1998]. Просодическая модель Д. Brentari организует фонологические признаки жеста в иерархическую структуру. В ней разграничиваются внутренние (*inherent*) и просодические (*prosodic*) признаки. Внутренние признаки жеста не меняются никогда, тогда как просодические признаки могут меняться при модификации жеста [Brentari 1998: 22].

Основное внимание в работах Р. Уилбур и ее коллег уделяется исследованию категории предельности в жестовых языках. Как было показано, предельные предикаты (предикаты с семантикой предельных процессов и событий) в американском жестовом языке содержат один из следующих признаков: 1) изменение конфигурации или ориентации; 2) контакт с корпусом или вспомогательной рукой в конечной фазе жеста; 3) быстрое «утихание» жеста до полной остановки [Wilbur 2003; Wilbur 2008].

Жесты, обозначающие события, отличаются от жестов со значением процесса тем, что не содержат траекторного движения. Траекторное движение, с точки зрения Р. Уилбур, указывает на временную или пространственную протяженность ситуации, соответственно, свойственно только жестам, обозначающим процессы [Wilbur 2008]. Так, жест со значением предельного

процесса совмещает траекторное движение и один из признаков предельности, указывающий на возникновение конечного состояния после достижения естественного предела. Жест, обозначающий неопредельный процесс, имеет в своей структуре либо траекторное движение, либо дрожащее движение (по сути, представляющее собой повтор жеста) [Wilbur 2008: 236].

Жесты со значением состояния не содержат в своей структуре просодических (т.е. изменяемых) признаков, поскольку у таких жестов отсутствует движение, а переходное движение (*transitional movement* – движения во время подготовки к исполнению жеста) не входит в структуру жеста [Wilbur 2008: 231].

Результаты, полученные Р. Уилбур, во многом совпадают с результатами, полученными на материале других жестовых языков. Так, в австрийском жестовом языке предельные предикаты тоже имеют фонологические признаки, отличающие их от неопредельных предикатов (неопредельных процессов и состояния) [Schalber 2004]. В хорватском жестовом языке ситуация несколько иная: в нем существуют минимальные пары жестов, образованные от одного корня и различающиеся только в кинематическом профиле. По предположению Э. Малайя и Р. Уилбур, это объясняется влиянием хорватского звукового языка, в котором существует видовое противопоставление [Malaia, Wilbur 2012: 133].

Существуют также исследования, устанавливающие корреляцию между акциональным классом предиката и функционированием немануальных маркеров. На материале австрийского, американского и хорватского жестовых языков были выявлены немануальные маркеры, использующиеся с предельными предикатами, и немануальные маркеры, использующиеся с неопредельными предикатами. Во всех трех языках данные немануальные маркеры располагаются на нижней части лица (положения и движения рта, губ, языка, щек, челюсти) и выполняют адвербиальную функцию [Schalber, Grose 2006: 552]. В американском и австрийском жестовых языках с неопредельными предикатами употребляются немануальные маркеры

положения – продолжительное удержание артикулятора в определенной позиции (сжатые губы) [Schalber, Grose 2006: 559]. С предельными предикатами используются немануальные маркеры изменения – резкое изменение положения артикулятора (открывание/закрывание рта) [Schalber, Grose 2006: 560]. В хорватском жестовом языке с неопределенными предикатами используются такие немануальные маркеры как надутые щеки и опускание челюсти, а с предельными – открывание/закрывание рта [Dukic, Milkovic, Wilbur 2010].

В Таблице 2 обобщены морфосинтаксические и фонологические признаки акциональных классов предикатов в американском жестовом языке, выявленные в работах [Wilbur 2003, 2008, 2009, 2010; Malaia, Wilbur 2010; Rathmann 2005].

Таблица 2. Разграничение акциональных классов предикатов в американском жестовом языке на морфосинтаксическом и фонологическом уровнях⁵⁰

		Событие	Семель фактив	Процесс		Состояние	
				Предель- ный	Непре- дельный	Эпизоди- ческое	Вневремен- ное
Отражение акциональной семантики предиката на морфосинтаксическом уровне							
сочетаемость с показателями длительности	удлинение движения жеста	—	—	+	+	+	—
	изменение скорости исполнения жеста	—	—	+	+	+	—
	наречия образа действия	—	—	+	+	+	—
	простые временные наречия	—	—	+	+	+	+
интерпретация высказывания <i>she did v on Sunday and on Monday</i> ‘она делала/сделала это в воскресенье и в понедельник’		две отдельных ситуации		две отдельных ситуации	одна ситуация	одна ситуация	одна ситуация
сочетаемость с показателями императива		+	+	+	+	—	—
сочетаемость с жестом FINISH ‘завершить(ся)’				+	—		
сочетаемость с жестом STOP ‘перестать’				—	+		

⁵⁰ Отсутствие в исследованиях точной информации по данному вопросу обозначается в таблице штриховкой.

сочетаемость с жестом ALMOST 'почти'	—	—	+	—	—	—
сочетаемость с жестом NEED 'нужно'	+	—	+	—	—	—
сочетаемость с жестом STILL 'все еще'	—	+	—	+	+	+
сочетаемость с глаголами восприятия	+	+	+	+	+	—
<i>Отражение акциональной семантики предиката на фонологическом уровне</i>						
траекторное движение	—		+	+	—	
внутреннее движение	+		+	—	—	
внутренний повтор				+		
отсутствие движения	—		—	—	+	
контакт с корпусом/вспомогательной рукой в конечной фазе исполнения жеста	+		+	—	—	
быстрое «утихание» жеста до полной остановки	+		+	—	—	
сжатые губы			—	+		
открывание/закрывание рта			+	—		

2. Акциональная классификация предикатов в русском жестовом языке

Применительно к РЖЯ вопросы акциональной семантики до сих пор не являлись предметом специального исследования. В курсовой работе Е.В. Прозоровой, посвященной морфологии глагола в РЖЯ [Прозорова 2004], и небольшой статье Е. Шамаро, посвященной видовременной системе РЖЯ [Шамаро 2006], лишь кратко обозначены некоторые закономерности репрезентации акционального класса предиката в фонологической структуре жеста.

Так, Е.В. Прозорова выделяет класс статичных жестов (например, ЖДАТЬ, СТОЯТЬ, СПАТЬ, ЛЕЖАТЬ), соотнося их с классом предикатов, обозначающих состояние. Статичный жест автор определяет как жест, у которого время исполнения («фиксация руки определенной формы в определенном месте») больше времени, требующегося для переходного движения (движения во время подготовки к исполнению жеста) [Прозорова 2004].

Е. Шамаро, опираясь на «вендлеровскую» классификацию акциональных классов предикатов, выделяет три формально различающихся класса предикатов в РЖЯ: предикаты со значением состояний, процессов и событий.

Предикаты со значением состояний, по ее мнению, делятся на два вида: указывающие на характерное свойство (такие жесты содержат плавное движение) и обозначающие инактивное состояние (жесты этого класса не содержат движения в своей структуре). Жесты, обозначающие процессы, характеризуются наличием внутреннего повтора (о каких-либо фонологических различиях предикатов, обозначающих предельные и непредельные процессы, в статье Е. Шамаро не упоминается). Жесты со значением события имеют в своей фонологической структуре однократное стремительное движение [Шамаро 2006].

Проведенное нами исследование⁵¹ показывает, что в РЖЯ акциональная семантика предикатов проявляется на двух языковых уровнях: во-первых, она отражается в фонологической структуре жеста (фонологические характеристики жеста не являются случайными, они регулярно иконически отображают тип ситуации); во-вторых, акциональная семантика проявляется на морфосинтаксическом уровне – в производном значении предикатов при их сочетании с аспектуальными показателями (синтетическими и аналитическими) и в возможности/невозможности предикатов сочетаться с теми или иными аспектуальными показателями.

Очевидно, что для самой системы РЖЯ первичным является разграничение акциональных классов предикатов на низшем, фонологическом уровне. Не случайно тип ситуации получает формальное выражение в структуре жеста. Однако для выделения (и последующего описания) акциональных классов предикатов в этом языке исследователю приходится идти обратным путем: от морфосинтаксических свойств к фонологическим. Можно выделить жесты с определенной фонологической структурой, но без предварительного изучения поведения жестов в определенных морфосинтаксических контекстах нет объективных оснований утверждать, что этой структуре соответствует определенная акциональная семантика. Поэтому в данной работе свойства

⁵¹ Материалом исследования послужили данные корпуса текстов русского жестового языка, словаря [Фрадкина 2001], электронных словарей Сурдосервер и Spreadthesign.

акциональных предикатов описываются в том порядке, в котором проводилось исследование. Сначала путем анализа сочетаемости глагольных жестов с предварительно выявленными аспектуальными показателями были выделены основные акциональные классы предикатов в РЖЯ. Далее полученные группы предикатов были проверены на наличие фонологических характеристик, потенциально релевантных для отражения акциональной семантики. Полученные результаты были также сопоставлены с выводами, изложенными в работах, посвященных исследованию акциональности в американском жестовом языке (поскольку в существующей литературе наиболее подробно акциональные свойства предикатов описаны только для этого жестового языка). Специальный раздел данной главы посвящен описанию средств, обеспечивающих смену акционального класса предиката. Специфика акциональности как предмета лингвистического исследования заключается в том, что она не может быть исследована и описана без упоминания о средствах выражения «внешней» аспектуальности. Этим объясняется необходимость перекрестных ссылок между главами в последующем описании.

2.1. Акциональная классификация предикатов в русском жестовом языке на морфосинтаксическом уровне

Разграничение акциональных классов предикатов в РЖЯ по методике, предложенной С.Г. Татевосовым, представляет собой некоторую трудность, так как для этого требуется анализ перфективных/имперфективных форм глагола и форм прошедшего/настоящего времени, а в РЖЯ отсутствует последовательное разграничение и обязательное маркирование временных и перфективных/имперфективных форм глагольных жестов⁵². Поэтому в данном исследовании акциональные классы предикатов разграничивались на основании двух критериев: 1) различия в производном значении предикатов при их сочетании с одним и тем же аспектуальным показателем;

⁵² Подробнее см. разделы 3.3 и 4.4 Главы III.

2) возможности/невозможности сочетания с определенными аспектуальными показателями. Указанные способы разграничения акциональных классов предикатов позволяют выявить предикаты со следующими акциональными признаками: наличие/отсутствие срединной стадии ситуации; способность/неспособность членения ситуации на фазы; предельность/непредельность; наличие/отсутствие временной связанности⁵³.

2.1.1. Различия в производном значении предикатов при их сочетании с одним и тем же аспектуальным показателем

Некоторые аспектуальные показатели в РЖЯ являются многозначными, способными выражать несколько значений. При этом актуализация того или иного значения зависит от того, к какому акциональному классу относится предикат, выступающий в сочетании с данным аспектуальным показателем. В частности, предикаты, относящиеся к разным акциональным классам, приобретают разные аспектуальные значения при простой редупликации и при сочетании с показателем перфекта/комплетива жестом УЖЕ.

2.1.1.1 Производное значение предикатов при редупликации

В РЖЯ для выражения аспектуальной семантики широко используется простая мануальная редупликация⁵⁴. При этом, как показывает сплошная выборка примеров из корпуса текстов на РЖЯ, редуплицированный глагольный жест может выражать значение «положительной» длительности (1–4) или итеративное значение (5–6).

⁵³ Всего нами было проанализировано на наличие данных признаков 250 предикатных жестов. Список проанализированных жестов приводится в Приложении 7.

⁵⁴ Подробнее об участии простой мануальной редупликации в выражении аспектуальной семантики см. разделы 3.1.2 и 3.2 Главы IV.

- (1) МАМА PRTCL СЕСТЬ ВМЕСТЕ СЫН СЕСТЬ /
ЧИТАТЬ/СОСЧИТАТЬ(?)⁵⁵**†(r/s)**
 ‘Мама [махнула рукой], ладно, сели вместе с сыном, сели, считают, считают’ («положительная» длительность) (b-s13).
- (2) ИГРАТЬ ПОПАСТЬ **РИСОВАТЬ/НАРИСОВАТЬ(?)****†(r/s)** АППАРАТ.СПОЛЗТИ
 // СЛУШАТЬ АППАРАТ ЗАБЫТЬ ВОЛОСЫ ОТ.МЕНЬШЕГО.К.БОЛЬШЕМУ
 БЫТЬ:PAST
 ‘[Мы с ребятами] играли, рисовали, рисовали, и вышла такая ситуация – у меня сполз слуховой аппарат, запутался в растрепавшихся волосах’
 («положительная» длительность) (n-s16).
- (3) Я СИДЕТЬ ДОМ **ЖДАТЬ+ (r/s)** ДО.СИХ.ПОР ПРИЙТИ
 ОТСУТСТВОВАТЬ
 ‘Я сижу дома, жду, жду [подруг], они все не приходят’ («положительная» длительность) (an-s12).
- (4) В-О-Т БОЛЬНИЦА **ЛЕЖАТЬ+(r/s)** МЕСЯЦ:ТРИ ТРИ БЫТЬ:PAST
 ‘Вот лежал (букв.: лежал, лежал) я как-то в больнице целых три месяца’
 («положительная» длительность) (n-s25).
- (5) СЕЙЧАС ВЫПИТЬ ДО.КОНЦА НЕТ / НЕМНОГО **ПИТЬ/ВЫПИТЬ(?)****†(r/s)**
 ВРЕМЯ ОТДОХНУТЬ / ОБЕД МОЧЬ ЛЮБОЙ ВРЕМЯ ЛЮБОЙ
 С.УТРА.ДО.ВЕЧЕРА КАК.ХОЧЕШЬ СТАКАН ВОДА.УМЕНЬШАТЬСЯ
 ‘Сейчас не пей [лекарство] до конца, пей понемногу, отдыхай, можно в обед, можно в любое время дня, как хочешь’ (итератив) (n-s25).

⁵⁵ Поскольку здесь речь идет об установлении акциональной семантики предиката, до рассмотрения соответствующего способа разграничения акциональных классов предикатов в глоссе приводятся несколько возможных вариантов обозначения рассматриваемого жеста, сопровождаемых знаком (?).

(6) СЕСТРА ХОРОШИЙ ТЕЛЕФОН ЧАСТО **НАЙТИ/НАХОДИТЬ(?)**+(r/s)

‘(Я говорю: «Я нашел телефон»). Сестра [отвечает]: «Хорошо. Часто ты находишь [потерянные] телефоны»’ (итератив) (n-s17).

В статье [Буркова, Филимонова 2014], в которой подробно рассматриваются структурные типы и функции редупликации в РЖЯ, показано, что основной функцией редупликации в этом языке является выражение количественной семантики. Можно предположить, что и при кодировании аспектуальности функция редупликация сводится к указанию на «количество» ситуации, обозначенной глагольным жестом. Различие же в значениях производных форм обусловлено принадлежностью исходных, нередуплицированных предикатов к разным акциональным классам. Логично предположить, что те предикаты, которые при их редупликации выражают значение «положительной» длительности, и в исходной форме обозначают ситуации, у которых наличествует срединная стадия. Это предикаты с семантикой процессов или состояний. Предикаты, приобретающие при редупликации итеративную семантику, в исходной форме обозначают ситуации, которые с точки зрения языка не имеют срединной стадии. Это предикаты с семантикой событий (5–6).

Таким образом, тест на значение, приобретаемое предикатом при его редупликации, позволяет разграничить предикаты, в семантике которых отсутствует указание на наличие срединной стадии ситуации (т.е. предикаты со значением события) и предикаты, в семантике которых присутствует указание на наличие срединной стадии ситуации (т.е. предикаты со значением процесса или состояния). Однако данный тест не позволяет разграничить процессы и состояния или предельные и непредельные процессы.

2.1.1.2. Производное значение предикатов при сочетании с показателем перфекта/комплетива жестом УЖЕ

В РЖЯ имеется жест УЖЕ, который, помимо использования его в предложении в качестве полнозначного слова со значением ‘уже’, ‘кончено’, ‘довольно’, ‘всё’, может выступать и в функции служебного показателя комплетива (7–8) или перфекта (9–10). В функции служебного жеста УЖЕ всегда находится в постпозиции к знаменательному глагольному жесту⁵⁶.

(7) INDX **ЧИТАТЬ/ПРОЧИТАТЬ** УЖЕ

‘Ты дочитал [книгу]?’ (комплетив) (an-s12).

(8) СЕЙЧАС ВИДЕТЬ УЛИЦА **СВЕТЛЕТЬ** УЖЕ / МОЧЬ
ПРИГЛАСИТЬ ГУЛЯТЬ ПРИГЛАСИТЬ

‘Вижу, что на улице рассвело, – можно гулять, пошли (букв. приглашаю)’ (комплетив) (an-s14).

(9) СЕЙЧАС СМОТРЕТЬ ДЕВУШКА ЛУЧШЕ / КОГДА INDX ОТДЫХАТЬ
УЙТИ INDX **ОТДЫХАТЬ** ПРИРОДА УЖЕ ДАЛЬШЕ ПРИЕХАТЬ /
СМОТРЕТЬ ЛУЧШЕ

‘Сейчас девушке явно лучше – она уехала отдыхать, отдохнула на природе, потом приехала, смотрю – [ей] лучше (перфект)’ (an-s14).

(10) я КОГДА я НОВЫЙ ДОМ я **ПЕРЕЕХАТЬ**⁵⁷ УЖЕ / я ЧУВСТВОВАТЬ
ПРИЯТНЫЙ ХОРОШИЙ БЕЗ ОПАСНЫЙ ХОРОШИЙ НРАВИТЬСЯ

‘Когда я переехала в новый дом, я стала чувствовать себя безопасно, мне там хорошо, приятно, нравится (перфект)’ (an-s14).

⁵⁶ Подробнее жест УЖЕ обсуждается в разделах 4.3.1 и 5.3.3 Главы III.

⁵⁷ Данный жест glossирован как ПЕРЕЕХАТЬ, а не ПЕРЕЕЗЖАТЬ, поскольку тест на редупликацию показывает, что он обозначает событие (производное значение при редупликации – итератив).

Комплетивное значение подразумевает наличие у ситуации естественного предела, соответственно, можно предположить, что жесты, которые при сочетании с жестом УЖЕ, имеют комплетивную семантику, относятся к классу предельных процессов (7–8). Можно предположить, что в тех случаях, когда при помощи жеста УЖЕ выражается значение перфекта, предикаты принадлежат к другим акциональным классам: например, в (10) предикат принадлежит к акциональному классу событий. Таким образом, тест на значение, приобретаемое предикатом при сочетании с жестом УЖЕ, позволяет выявить предикаты, обозначающие предельные процессы, но не позволяет разграничить предикаты со значением процессов и состояний в РЖЯ: так, предикат в (9) не относится ни к акциональному классу событий, ни к акциональному классу предельных процессов. Описанных тестов недостаточно для установления акционального класса предиката в данном примере.

2.1.2. Возможность/невозможность сочетания с некоторыми аспектуальными показателями

Наше исследование показывает, что глагольные предикаты, принадлежащие к разным акциональным классам, не только приобретают разное производное значение при сочетании с одним и тем же аспектуальным показателем, но и имеют разные ограничения на сочетаемость с некоторыми аспектуальными показателями: фазовыми глаголами, простой мануальной редупликацией, показателем перфекта/комплетива жестом УЖЕ и показателем партитивного результата жестом RES_{PART}.

2.1.2.1. Возможность/невозможность сочетания с фазовыми глаголами

В РЖЯ имеются аналоги фазовых глаголов в звуковых языках – жесты НАЧАТЬ, НАЧАТЬ₁, ЗАКОНЧИТЬ. Жест НАЧАТЬ является лабильным фазовым глаголом, выражающим значения ‘начать’ (11) и ‘начаться’ (12). Жест НАЧАТЬ₁ (13–14) имеет более специализированное значение: он содержит в своей

семантике не только указание на начальную фазу ситуации, но и на ее последующее положительное развитие. Информанты обычно переводят его как ‘начать и продолжать, делая все лучше и лучше’. Жест ЗАКОНЧИТЬ как и жест НАЧАТЬ, является лабильным фазовым глаголом, он указывает на фазу конца ситуации (15–16)⁵⁸.

(11) я **НАЧАТЬ** ДЕСЯТЬ КЛАСС я **УЧИТЬСЯ** АНГЛИЙСКИЙ

‘Я начала учить английский в десятом классе’ (n-s22).

(12) ДОЖДЬ.ИДТИ **НАЧАТЬ** КОРОЧЕ РАСКРЫТЬ.ЗОНТ ЗОНТ

‘Дождь начался – раскрывай скорее зонт’ (ap-s15).

(13) МОЙ БРАТ **НАЧАТЬ1** ПЛАВАТЬ ВРЕМЯ ГОД:ТРИ

‘Мой брат начал плавать в три года’ (ap-s15).

(14) я **ЧИТАТЬ** **НАЧАТЬ1** ЧЕТЫРЕ ГОД

‘Я начала читать с четырех лет’ (ap-s15).

(15) УЧИТЬСЯ УЧЕНЫЙ **ЗАКОНЧИТЬ** РАБОТАТЬ / ПРИЧИНА НАЧАТЬ
ДОЖДЬ.ИДТИ УЛИЦА

‘Ученые прекратили работу, потому что начались дожди’ (ap-s12).

(16) я РАСТИ УЖЕ_{CMPL} СЕЙЧАС **ЗАКОНЧИТЬ** **ЧИТАТЬ** СКАЗКА **ЗАКОНЧИТЬ**
PRTCL

‘Я выросла и перестала читать сказки’ (ap-s12).

Круг предикатов, которые могут сочетаться с фазовыми глаголами НАЧАТЬ, НАЧАТЬ1 и ЗАКОНЧИТЬ, ограничен. Как отмечается в [Падучева 2001], фазы

⁵⁸ Более подробно свойства фазовых глаголов в РЖЯ описываются в разделах 2.3, 3.3 и 4.3.2 третьей главы.

существуют только у процессов. Логично предположить, что предикаты, способные сочетаться с фазовыми глаголами, как в примерах (11–16), относятся к акциональному классу процессов. С фазовыми глаголами не могут сочетаться предикаты со значением события, поскольку у событий отсутствует срединная стадия ситуации, и предикаты со значением состояния, поскольку состояния гомогенны, статичны и у них нет фаз [Ук. соч.: 38]. Это справедливо и для РЖЯ: в нем нельзя сказать *НАЧАТЬ НАЙТИ, *ЗАКОНЧИТЬ КАПНУТЬ, *НАЧАТЬ ЛЮБИТЬ или *ЗАКОНЧИТЬ ЛЕЖАТЬ. Таким образом, проверка на сочетаемость с фазовыми глаголами позволяет выделить в РЖЯ класс предикатов с семантикой процессов⁵⁹.

2.1.2.2. Возможность/невозможность сочетания с редупликацией и жестом УЖЕ

Среди жестов, которые не сочетаются с фазовыми глаголами (т.е. не имеют семантики процессов), имеются такие, которые не сочетаются с жестом УЖЕ и не могут редуплицироваться. Список этих жестов совпадает: к ним, например, относятся жесты ЛЮБИТЬ, ВЕРИТЬ, НРАВИТЬСЯ, НЕНАВИДЕТЬ, ОБОЖАТЬ. Невозможность сочетания с редупликацией и с жестом УЖЕ указывает на то, что эти жесты не имеют и семантики событий. Соответственно, можно сделать вывод, что они относятся к акциональному классу состояний. Однако, как было показано выше, некоторые жесты с семантикой состояния могут редуплицироваться (ср. примеры 3, 4) и сочетаться с жестом УЖЕ (ср. пример 9). Таким образом, в РЖЯ предикаты со значением состояния делятся на две

⁵⁹ В указанной статье Е.В. Падучева также отмечает, что для обозначения наступления состояния используются наступительные глаголы (*наступило молчание*). В РЖЯ имеется глагол СТОЯТЬ, который может выражать семантику наступительности ‘стать’, например, СТОЯТЬ БОГАТЫЙ ‘стать богатым, разбогатеть’. Исходное значение этого жеста – ‘находиться в вертикальном положении (о человеке)’. Развитие у него начинательного значения, по-видимому, обусловлено влиянием русского языка. Однако, как показало наше исследование, с жестом СТОЯТЬ в наступительном значении сочетаются только определенная группа предикатов с семантикой состояния (СИЛЬНЫЙ, БОГАТЫЙ, ГОРДЫЙ). Другие предикаты со значением состояния (жесты ЛЮБИТЬ, НРАВИТЬСЯ, УВАЖАТЬ, СИДЕТЬ, ЛЕЖАТЬ) с этим жестом не сочетаются (*СТОЯТЬ УВАЖАТЬ, *СТОЯТЬ ЛЮБИТЬ).

группы: такие, которые могут или не могут редуплицироваться и сочетаться с жестом УЖЕ.

В примерах (3, 4, 17–18) предикаты со значением состояния, подвергаясь редупликации, передают значение «положительной» длительности. Однако у ситуаций, обозначенных предикатами ЛЮБИТЬ, ВЕРИТЬ, НРАВИТЬСЯ, НЕНАВИДЕТЬ, ОБОЖАТЬ, ЗНАТЬ, УВАЖАТЬ, на том основании, что это состояния, тоже наличествует срединная стадия. Возникает вопрос: почему данные жесты не могут подвергаться редупликации? Как нам кажется, невозможность сочетания с редупликацией связана с тем, что рассматриваемые предикаты обозначают вневременные состояния, а значит, интерпретируются как длительные, постоянные и неограниченные, поэтому для них указание на «положительную» длительность является излишним.

(17) Я **СТОЯТЬ+(r/s)** **ЖДАТЬ+(r/s)** INDX ПРИЙТИ ОТСУТСТВОВАТЬ /
PRTCL ТАКОЙ.ЖЕ Я ВЫЙТИ

‘Я стоял и стоял, ждал и ждал его, он не пришел. Я тоже ушел’ (an-s12).

(18) ДЕВОЧКА СИДЕТЬ **СЛУШАТЬ++(r/s)** ТЕЛЕВИЗОР ГОВОРИТЬ СЛУШАТЬ
ОДНО.И.ТО.ЖЕ СКУЧНЫЙ

‘Девочка сидела, слушала, слушала, что по телевизору говорят, слушала, а там одно и то же, скучно’ (an-s13).

В примере (9) предикат ОТДЫХАТЬ, обозначающий состояние, при сочетании с жестом УЖЕ приобретает производное значение перфекта. Объяснение, почему рассматриваемые предикаты типа ЛЮБИТЬ, ВЕРИТЬ, НРАВИТЬСЯ и др. неспособны сочетаться с жестом УЖЕ и выражать значение перфекта, на наш взгляд, заключается в том, что у обозначаемых ими ситуаций отсутствует признак временной связанности. Эти ситуации концептуализируются в языке как длительные и неограниченные во времени,

поэтому не совместимы с идеей предшествования одной ситуации другой и их причинно-следственной связи, важной для семантики перфекта. В этом проявляется типологическое сходство РЖЯ со звуковыми языками: в [Шлуинский 2005а: 90–91] отмечается, что предикаты, относящиеся к акциональному классу вневременных состояний (предикаты индивидного уровня, в терминологии автора), имеют «редуцированные морфологические возможности», поскольку ситуация, описываемая предикатом со значением вневременного состояния, происходит с ее участником только один раз и не претерпевает никаких изменений.

Таким образом, возможность/невозможность сочетания предикатов с фазовыми глаголами, редупликацией и жестом УЖЕ позволяет разграничить предикаты со значением вневременных состояний и предикаты со значением эпизодических состояний. К предикатам со значением вневременных состояний относятся жесты ЛЮБИТЬ, ВЕРИТЬ, НРАВИТЬСЯ, НЕНАВИДЕТЬ, ОБОЖАТЬ и др. К предикатам, обозначающим эпизодические состояния, относятся жесты СТОЯТЬ, ЛЕЖАТЬ, ЖДАТЬ, ОТДЫХАТЬ, СПАТЬ и т.п.

Следует также отметить, что, по нашим данным, редуплицироваться не могут и жесты СВЕЛЕТЬ, ТЕМНЕТЬ, СТАРЕТЬ. Эти жесты, обозначающие предельные процессы, образованы от адъективных жестов СВЕЛЫЙ, ТЕМНЫЙ, СТАРЫЙ с помощью замедления движения, функция которого, по нашим данным, связана с обеспечением перехода предиката с семантикой состояния или события в акциональный класс процессов (см. раздел 2.3.2 настоящей главы). «Положительная» длительность у таких жестов выражается немануальной редупликацией в сочетании с еще большим замедлением движения, а не с простой мануальной редупликацией (см. раздел 3.2 Главы IV). Кроме того, ограничения на редупликацию могут быть связаны с особой семантикой предиката: например, жест УМЕРЕТЬ, обозначающий событие, в силу семантики не предполагает возможности выражения итеративного значения.

2.1.2.3. Возможность сочетания с жестом RES_{PART}

Жест RES_{PART} используется в РЖЯ в функции служебного аналитического показателя партитивно-результативного значения (указания на частичное достижение результата: *не дописал письмо, не дослушал рассказ* [Плунгян 2001])⁶⁰. С жестом RES_{PART} сочетается ограниченный круг жестов, принадлежащих к акциональному классу процессов, выделенному нами выше на основании возможности сочетания с фазовыми глаголами (19–21).

(19) СТУДЕНТ БЫТЬ:PAST ЧИТАТЬ RES_{PART}

‘Студент так и не дочитал [книгу]’ (ap-s13).

(20) СВОЙ КНИГА ПИСАТЬ RES_{PART}

‘Я не дописал свою книгу’ (ap-s10).

(21) Я ЗВОНИТЬ:1PS // РАБОТАТЬ RES_{PART} НУЖНО Я БЫТЬ:PAST ПОТОМ
ДЕЛАТЬ

‘Мне позвонили, я не доделала работу, нужно было [сделать], потом сделаю’ (a-s4).

Можно было бы предположить, что рассматриваемые предикаты обозначают предельные процессы, поскольку частичное достижение результата подразумевает, что в ситуации «нормального хода событий» может быть достигнут полноценный результат (естественный предел ситуации). В таком случае естественным выглядит и то, что предикаты со значением неопределенных процессов (т.е. такие, которые сочетаются с фазовыми глаголами и получают при сочетании с жестом УЖЕ производное значение перфекта) не способны сочетаться с жестом RES_{PART}.

⁶⁰ Подробно жест RES_{PART} рассматривается в разделе 5.3.2 Главы III.

Однако не все предикаты со значением предельных процессов, выявленные с помощью теста на производное значение при сочетании с жестом УЖЕ, сочетаются с жестом RES_{PART}. Так, по нашим данным, не способны сочетаться с показателем партитивно-результативного значения жесты типа СТАРЕТЬ, ТЕМНЕТЬ, СВЕТЛЕТЬ.

Таким образом, жесты, обозначающие процессы, можно дополнительно разделить на три группы: 1) приобретающие производное значение комплетива при сочетании с жестом УЖЕ и неспособные сочетаться с жестом RES_{PART}; 2) приобретающие производное значение перфекта при сочетании с жестом УЖЕ и неспособные сочетаться с жестом RES_{PART}; 3) приобретающие производное значение комплетива при сочетании с жестом УЖЕ и способные сочетаться с жестом RES_{PART}.

К первой группе жестов относятся жесты СТАРЕТЬ, ТЕМНЕТЬ, СВЕТЛЕТЬ, обозначающие предельные процессы. Эти жесты не могут получать неопределенную интерпретацию в зависимости от контекста, поскольку обозначают природные явления, которые происходят независимо от чьей-то воли, не могут быть прерваны или исполнены частично.

Ко второй группе жестов относятся предикаты, обозначающие неопределенные процессы, которые не могут получать предельную интерпретацию (ИСКАТЬ, УЧАСТВОВАТЬ, СМЕЯТЬСЯ, РУГАТЬ, СТАРАТЬСЯ и др.). Например, наличие аргумента не влияет на предельность/неопределенность глагола ИСКАТЬ (22). Результат процесса ИСКАТЬ не может быть выражен конструкцией ИСКАТЬ УЖЕ_{CMPL}, он выражается жестом НАЙТИ, поскольку результат данного действия не вытекает непосредственно из естественного протекания процесса, а обусловлен скорее внешними обстоятельствами (23).

(22) СЕЙЧАС **ИСКАТЬ** НАВЕРНОЕ ВЕСТИ.МАШИНА МАШИНА INDX
КОПАТЬСЯ НОЛЬ

‘Ищу [ноутбук], наверное, я вел машину, [он остался] там, в машине, копаюсь, нет [ноутбука]’ (n-s17).

(23) **ХОХОТАТЬ** **СЛУХОВОЙ.АППАРАТ** **НАЙТИ** **РТСЛ** **РИСОВАТЬ** **КЛЕВЕТАТЬ**
НАПРАСНО

‘Хохочем, нашла слуховой аппарат, ладно, [продолжили] рисовать, напрасно оговорила ребят’ (n-s16).

И, наконец, к третьей группе предикатов со значением процесса относятся жесты, которые могут получать предельную или неопредельную интерпретацию в зависимости от контекста. Например, в (19–21) жесты **ЧИТАТЬ**, **ПИСАТЬ**, **ЕСТЬ** обозначают предельные процессы, а в (24–26) эти же предикаты интерпретируются как неопредельные процессы.

(24) **МНОГО** **ЧИТАТЬ** **ЛЮБИТЬ** **ПОСЛЕДНИЙ** **ВРЕМЯ**

‘В последнее время я много читаю’ (n-s4).

(25) **ПОПРОБОВАТЬ** **ГРАМОТНЫЙ** **ПИСАТЬ** **МОЧЬ** **ПОПРОБОВАТЬ**

‘Попробуй [работать с документами], ты же можешь грамотно писать, попробуй’ (n-s4).

(26) **ДОМ** **СПОКОЙНЫЙ** **Ч-А-Й** **ПИТЬ** **СЕМЬЯ** **ЕСТЬ** / **ПРИЯТНЫЙ**

‘Дома спокойно, [они] чай пьют, едят, [им] приятно’ (b-s13).

Возможность сочетания с жестом RES_{PART} , таким образом, позволяет выделить внутри акционального подкласса предельных процессов еще два подкласса: сильные предельные процессы и слабые предельные процессы. В [Татевосов 2005] предикаты со значением сильных и слабых процессов разграничиваются на основании значений, способных выражаться формой

претерита. Так, претерит сильных предельных глаголов обозначает вхождение в состояние, к которому ведет процесс, описываемый презенсом того же глагола. Претерит же слабых предельных глаголов может обозначать как вхождение в результирующее состояние, так и процесс, продолжавшийся в течение некоторого времени и завершившийся без достижения предела (см. раздел 1.2 настоящей главы). Несмотря на то, что в нашем исследовании сильные и слабые предельные глаголы разграничиваются на других формальных основаниях, суть различия между этими двумя акциональными классами остается той же: процессы, описываемые сильными предельными глаголами, всегда достигают своего предела, тогда как процессы, описываемые слабыми предельными глаголами, могут интерпретироваться и как неопредельные. В [Татевосов 2005] отмечается, что одним из факторов, влияющих на принадлежность глаголов к акциональному классу сильных предельных процессов, является неагентивность. Это наблюдение подтверждается и фактами РЖЯ: по нашим данным, в акциональный класс сильных предельных процессов в нем попадают неагентивные глаголы, обозначающие природные процессы (РАСТИ, СТАРЕТЬ, СВЕТЛЕТЬ, ТЕМНЕТЬ).

Таким образом, на основании анализа морфосинтаксических свойств предикатов можно выделить в РЖЯ шесть акциональных классов предикатов: события, сильные предельные процессы, слабые предельные процессы, неопредельные процессы, эпизодические состояния и вневременные состояния (см. Таблицу 3).

Таблица 3. Морфосинтаксические свойства акциональных классов предикатов в РЖЯ

	Собы- тие	Процесс			Состояние	
		Сильный предельный	Слабый предельный	Непре- дельный	Эпизоди- ческое	Вневре- менное
Производное значение при редупликации	итератив	«положительная» длительность				—
Производное значение при сочетании с аналитическим показателем перфекта/комплетива (жест УЖЕ)	перфект	комплетив		перфект		—

	Собы- тие	Процесс			Состояние	
		Сильный предельный	Слабый предельный	Непре- дельный	Эпизоди- ческое	Вневре- менное
Возможность сочетаемости с фазовыми глаголами	—	+	+	+	—	—
Сочетаемость с аналитическим показателем партитивного результатива (жестом RES _{PART})	—	—	+	—	—	—

2.2. Акциональная классификация типов предикатов в русском жестовом языке на фонологическом уровне

Наше исследование показывает, что акциональная семантика предикатов влияет не только на их морфосинтаксические свойства, но и отражается в фонологической форме жеста. Жесты, относящиеся к одному и тому же акциональному классу, выделенному на основании их сходного поведения в определенных морфосинтаксических контекстах, обнаруживают сходство и во внутренней структуре. Акциональная семантика предикатов проявляется в наличии/отсутствии в фонологической структуре жеста следующих признаков: внутреннего/траекторного движения; внутреннего повтора; контакта с корпусом/вспомогательной рукой в конечной фазе исполнения жеста; контакта рук между собой; контакта с корпусом.

Поскольку в данном разделе обсуждается корреляция между структурными компонентами жеста и его семантикой, может показаться, что рассматриваемые компоненты жеста имеют морфологическую природу. Мы считаем, что описываемое явление относится скорее к области фоносемантики, чем к области морфологии. Аргументы в пользу этой точки зрения приводятся ниже в разделе 2.2.5.

2.2.1. Класс событий

Жесты, которые на основании их морфосинтаксических характеристик можно отнести к классу событий, обязательно содержат траекторное и/или

внутреннее движение⁶¹. 67% жестов со значением событий содержит только траекторное движение (например, ПОБЕДИТЬ, РОДИТЬ, ПРИЙТИ.В.ГОСТИ), 23% жестов со значением событий содержат траекторное и внутреннее движение (например, жесты ЗАБЫТЬ, НАЙТИ, УЙТИ), 10% жестов со значением событий содержат только внутреннее движение (например, жесты ПРОСНУТЬСЯ, СЛУЧИТЬСЯ, ИЗМЕНИТЬ).

Среди жестов, обозначающих события, в нашем материале не встречаются жесты, в фонологической структуре которых содержится внутренний повтор⁶².

2.2.2. Класс процессов

Жесты со значением процессов всегда содержат в своей структуре траекторное движение или внутренний повтор, т.е. такие жесты не бывают статичными⁶³.

Внутренний повтор содержат 90% жестов со значением процессов. Например, это жесты ДЕЛАТЬ, БЕЖАТЬ, ШАГАТЬ, РАССКАЗЫВАТЬ, УЧИТЬ, ЧИТАТЬ, СМЕЯТЬСЯ, ВАРИТЬ, ИГРАТЬ. Можно предположить, что наличие внутреннего повтора у предикатов со значением процесса иконически отражает дискретность описываемой ситуации – ее внутреннюю членимость на некоторые повторяющиеся кванты: движения в процессе чтения (ЧИТАТЬ), движения рук при плавании (ПЛАВАТЬ) и т.п. При этом внутренний повтор может как точно отображать характеристики ситуации в реальной действительности (например, повторяющиеся движения рук в жесте ШАГАТЬ, имитирующие движения ступней при ходьбе), так и метафорически указывать

⁶¹ Напомним, что траекторное движение представляет собой изменение локализации жеста. Например, в жесте ОПОЗДАТЬ начальная локализация активной руки – над ребром левой ладони. Далее рука движется вперед-вниз. Конечная локализация – перед левой ладонью. Внутреннее движение представляет собой изменение конфигурации или ориентации жеста. Например, в жесте ПРОСНУТЬСЯ соприкасающиеся большой и указательный пальцы раскрываются в конфигурацию дактильного -Э. Локализация жеста (у внешнего угла глаза) при этом не меняется.

⁶² Напомним, что под внутренним повтором понимается «корневой» повтор, входящий в словарную форму жеста: в жесте повторяется сегмент, содержащий движение. Например, в жесте ЛАЯТЬ пальцы раскрытой ладони несколько раз соединяются в конфигурацию дактильного -Ж.

⁶³ Заметим, что в [Sandler, Lillo-Martin 2006: 197] внутренний повтор интерпретируется как разновидность движения.

на наличие у ситуации срединной стадии и внутренней структуры, заключающейся в наборе повторяющихся действий (ВАРИТЬ, ИГРАТЬ).

В структуре остальных жестов внутренний повтор отсутствует, но имеется траекторное движение. По нашим данным, жесты без внутреннего повтора могут относиться к двум ранее выделенным подклассам: предикатам с семантикой сильных предельных процессов (например, РАСТИ, ТЕМНЕТЬ, СВЕТЛЕТЬ) и предикатам с семантикой неопределенных процессов (например, СМОТРЕТЬ, ГЛАЗЕТЬ). Можно предположить, что отсутствие внутреннего повтора в фонологической структуре этих жестов связано с тем, что обозначаемые ими процессы концептуализируются в РЖЯ как недискретные, такие, в которых невозможно выделить отдельные кванты. Как отмечалось в разделе 2.1.2.3 настоящей главы, в класс сильных предельных процессов, по нашим данным, попадают жесты, обозначающие необратимые и неостановимые природные процессы, не имеющие четко выделенных фаз. Отсутствие дискретности у некоторых жестов, относящихся к акциональному классу неопределенных процессов, скорее всего, объясняется их близостью к акциональному классу состояний.

Таким образом, в РЖЯ на фонологическом уровне при помощи наличия/отсутствия внутреннего повтора дополнительно разграничиваются дискретные и недискретные процессы.

Что касается фонологических различий между подклассами сильных предельных, слабых предельных и неопределенных глаголов, наши данные пока не позволяют сделать однозначный вывод. По нашим наблюдениям, ситуации, описываемые сильными предельными глаголами в РЖЯ, являются недискретными и жесты, их обозначающие, не содержат внутреннего повтора. Ситуации, относящиеся к классу слабых предельных процессов, всегда являются дискретными, и жесты, обозначающие их, всегда содержат внутренний повтор. Ситуации же, попадающие в подкласс неопределенных процессов, могут быть как дискретными, так и недискретными.

2.2.3. Класс состояний

По нашим данным, предикаты со значением вневременных состояний всегда содержат движение (траекторное, как например, в жестах ЗНАТЬ, ЛЮБИТЬ, НЕНАВИДЕТЬ, ВЕРИТЬ; либо сочетание траекторного и внутренних движений, как, например, в жестах НРАВИТЬСЯ, ОБОЖАТЬ) и никогда не содержат внутреннего повтора.

Большинство предикатов, обозначающих вневременные состояния «привязаны» к определенному месту в пределах жестового пространства: 78% жестов содержат контакт с корпусом (например, жесты ЛЮБИТЬ, ЗНАТЬ, ОБОЖАТЬ), 22% жестов содержат контакт с вспомогательной рукой (например, жест ВЕРИТЬ).

Для жестов, обозначающих эпизодические состояния, характерно отсутствие в фонологической структуре жеста движения и внутреннего повтора – 92% жестов представляют собой удержание руки в определенной локализации (например, СПАТЬ, ОТДЫХАТЬ, ЖДАТЬ, СТОЯТЬ, ЛЕЖАТЬ, СИДЕТЬ). Как и жесты со значением вневременных состояний, жесты со значением эпизодических состояний «привязаны» к определенному месту в пределах жестового пространства: 75% жестов содержат контакт с корпусом говорящего (например, жесты СПАТЬ, ОТДЫХАТЬ, СЛУШАТЬ), 17% жестов содержат контакт между руками (например, жест СТОЯТЬ, ЛЕЖАТЬ).

2.2.4. Переходный акциональный класс: состояния/процессы

В РЖЯ существует также группа жестов, совмещающая в себе признаки акциональных классов процессов и состояний: это жесты, обозначающие эмоциональные и физические состояния (РАДОВАТЬСЯ, ВОЛНОВАТЬСЯ, БЕСПОКОИТЬСЯ, НЕРВНИЧАТЬ, ЗЛИТЬСЯ, БОЛЕТЬ, ЧУВСТВОВАТЬ и др.).

Эти жесты имеют в своей структуре внутренний повтор, что характерно для жестов, обозначающих дискретные процессы. Однако

морфосинтаксические характеристики данных жестов, в частности, невозможность сочетания с фазовыми глаголами и производное значение «положительной» длительности при редупликации, указывают на принадлежность этих жестов к акциональному классу состояний. Можно предположить, что эмоциональные и физические состояния, обозначаемые указанными жестами, концептуализируются в РЖЯ как динамические дискретные ситуации: например, жесты ВОЛНОВАТЬСЯ и РАДОВАТЬСЯ, содержащие повторяющиеся движения с контактом в районе груди, метафорически передают усиливающиеся и ослабевающие чувства тревоги и радости. Как нам кажется, таким образом в языке отражается «пограничность» рассматриваемых предикатов. В этом отношении РЖЯ проявляет типологическое сходство со звуковыми языками: в [Татевосов 2005] отмечается, что в последних не всегда представляется возможным провести четкую границу между акциональными классами состояний и процессов.

Следует также отметить, что для жестов, обозначающих эмоциональные состояния, характерно наличие в их структуре контакта с корпусом с четкой локализацией в районе груди. Жесты, обозначающие физические состояния (например, БОЛЕТЬ, ЧУВСТВОВАТЬ) содержат в своей структуре контакт между руками.

Корреляция акциональных типов предикатов в РЖЯ с фонологическими характеристиками жеста приведена в Таблице 4.

Таблица 4. Отражение акциональной семантики предикатов в РЖЯ на фонологическом уровне⁶⁴

	Со- бы-	Процесс		Переход- ный класс	Состояние	
		предельный	непредельный		эпизо-	вне-

⁶⁴ Знаком «+» обозначены фонологические признаки, обязательно присутствующие в фонологической структуре жеста, относящегося к данному акциональному классу. Знаком «-» обозначены фонологические признаки, никогда не встречающиеся в фонологической структуре жеста, относящегося к данному акциональному классу. Знаком «+-» обозначены несколько фонологических признаков, один из которых обязательно присутствует в фонологической структуре жеста, относящегося к данному акциональному классу. Штриховкой в таблице обозначены фонологические компоненты жеста, нерелевантные для отражения акциональной семантики данного акционального класса.

	тип	сильный (недискретный)	слабый (дискретный)	дискретный	недискретный	(процесс/состояние)	дическое	временное
Траекторное движение	+—	+	—	—	+	—	—	
Внутреннее движение					—	—	—	
Внутренний повтор	—	—	+	+	—	+	—	—
Отсутствие движения	—	—	—	—	—	—	+	—
Контакт рук между собой						+—	+—	+—
Контакт с корпусом								

Как показано в Таблице 4, в русском жестовом языке существует определенная корреляция между акциональным классом предиката и наличием в фонологической структуре жеста определенных компонентов. Однако однозначно судить можно только о функциях внутреннего повтора, так как он регулярно встречается в фонологической структуре предикатов, обозначающих ситуации дискретные, членимые на отдельные фрагменты. Траекторное и внутреннее движение, а также отсутствие движения в таком случае указывают на отсутствие внутренней членимости ситуации: разграничить их функции более детально пока не представляется возможным. При этом прослеживается явная связь наличия/отсутствия траекторного или внутреннего движения с акциональными характеристиками предикатов: при образовании жеста со значением события от жеста со значением процесса утрачивается внутренний повтор и появляется траекторное или внутреннее движение (см. раздел 2.3.3 настоящей главы).

Контакт с корпусом и контакт рук между собой наблюдается почти у всех жестов со значением состояния и у жестов, принадлежащих к переходному классу состояний-процессов – можно предположить, что это связано с тем, что жест иконически «привязан» к той части тела, с которой ассоциируется определенное состояние субъекта. Однако контакт с корпусом и контакт рук между собой встречается в фонологической структуре жестов всех акциональных классов.

Таким образом, на нижнем ярусе языка в РЖЯ при помощи внутреннего повтора последовательно разграничиваются ситуации, обладающие и не

обладающие дискретностью (внутренней членимостью). Дальнейшее разграничение ситуаций на основании других акциональных признаков проводится уже на других уровнях языка – морфологическом и синтаксическом.

Анализ фонологических характеристик предикатных жестов позволяет уточнить и дополнить акциональную классификацию предикатов в РЖЯ. На основании морфосинтаксических и фонологических характеристик в этом языке можно выделить восемь акциональных классов предикатов: события, сильные (недискретные) предельные процессы, слабые (дискретные) предельные процессы, недискретные непредельные процессы, дискретные непредельные процессы, переходный класс (состояния-процессы), эпизодические состояния, вневременные состояния (см. Таблицу 4). Таким образом, в жестовых языках акциональные классы предикатов могут быть разграничены не только на основании их сочетаемости с аспектуальными показателями, но и на основании их формальных характеристик.

2.2.5. Морфология или фоносемантика?

Наличие корреляции между определенными параметрами жеста и семантическими признаками жеста заставляет поставить вопрос – относятся ли перечисленные параметры жеста к фонологическому уровню языка или же эти параметры обладают статусом морфемы?

Как нам кажется, в данном случае мы имеем дело скорее с фоносемантикой, а не с морфологией. Рассматриваемые фонологические характеристики жеста встречаются не только в глагольных жестах, но и в именных. При этом наличие внутреннего повтора в структуре именных жестов часто является мотивированным: например, название многих предметов совпадает с обозначением ситуаций, в которых они обычно участвуют (так, жест СОЛЬ имитирует движение, которое совершается рукой при посыпании солью и обозначает также ситуацию ‘солить’, жест АПЕЛЬСИН изображает

движение, которым очищается апельсин и обозначает также ситуацию ‘чистить апельсин’). Однако в некоторых именных жестах внутренний повтор не указывает на семантические характеристики ситуации. Например, внутренний повтор в жестах КРОВАТЬ, ТЕЛЕВИЗОР, ТРЯПКА ничем не мотивирован. Траекторное движение, по нашим наблюдениям, и вовсе не является семантически значимым в именных жестах (например, жест ГОРОД содержит траекторное движение, тогда как жест ДЕРЕВНЯ является статичным: наличие/отсутствие движения не выражает никакой семантики, являясь лишь фонологическим компонентом жеста).

Кроме того, под фонологическим признаком понимаются различные варианты реализации параметра жеста. Так, например, в жесте БЕЖАТЬ внутренний повтор представляет собой исполнение жеста два раза на одном и том же месте, в жесте БЛЕСТЕТЬ – повторяющуюся смену ориентации ладони, в жесте РАССКАЗЫВАТЬ – повторяющееся внутреннее движение. В жесте ВСПОМНИТЬ траекторное движение представляет собой движение руки вверх ко лбу, в жесте ОПОЗДАТЬ – движение вверх и резко вниз, в жесте. Если допустить, что речь идет о морфологических единицах, то тогда траекторное движение должно считать морфемой, а реализации траекторного движения – алломорфами. В таком случае получится, что количество алломорфов будет практически равно количеству жестов, содержащих данную морфему. Такой трактовке траекторного движения также противоречат уже изученные случаи, в которых определенная разновидность траекторного движения становится морфемой (например, движение по дуге): в таких случаях единообразие морфемы сохраняется во всех модифицированных жестах. Поэтому наблюдаемое явление больше напоминает случаи фоносемантики в звуковых языках: например, в [Шляхова 2003: 48] отмечается, что обозначение удара в звуковых языках связано с любыми взрывными согласными (рус. *тон-тон*, англ. *clack* ‘стук’, груз. *bak-un-i* ‘ходить, топая’).

2.2.6. Сопоставление фонологических характеристик акциональных классов предикатов в русском и американском жестовых языках

Результаты, полученные в ходе нашего исследования, интересно сопоставить с данными других жестовых языков для того, чтобы понять, какие корреляции между акциональной семантикой жеста и его структурными компонентами являются универсальными, а какие специфичны именно для РЖЯ. В разделе 1.3.2 настоящей главы, говорилось, что, судя по имеющимся у нас сведениям, исследования отражения акциональной семантики в фонологической структуре жеста проводились на материале трех жестовых языков: американского, австрийского и хорватского. Мы сопоставили наши данные с данными американского жестового языка (ASL), для которого корреляция акциональной семантики со структурными компонентами жеста была описана наиболее подробно в работах [Wilbur 2003, 2008, 2009, 2010; Schalber 2004; Schalber, Grose 2006; Malaia, Wilbur 2010].

Сопоставление показывает, что в отражении акциональной семантики на фонологическом уровне РЖЯ обнаруживает как сходства, так и своеобразие по сравнению с ASL.

В работах Р. Уилбур, посвященных акциональной семантике предикатов, основное внимание уделяется способам отображения категории предельности в фонологической структуре предикатов в ASL. По данным исследователя, предикаты со значением событий и предельных процессов содержат один из следующих фонологических признаков: 1) изменение конфигурации или ориентации; 2) контакт с корпусом или вспомогательной рукой в конечной фазе жеста; 3) быстрое «утихание» жеста до полной остановки [Wilbur 2003; Wilbur 2008]. По нашим данным, предельность/непредельность предиката в РЖЯ не отражается в фонологической форме жеста (хотя наблюдается корреляция между принадлежностью предиката к сильным предельным процессам и наличием в его структуре траекторного движения). Релевантности

фонологических признаков, выявленных Р. Уилбур, для отражения предельности предикатов в РЖЯ не наблюдается.

Жесты со значением событий в ASL содержат в своей фонологической структуре внутреннее движение, которое, по Р. Уилбур, отражает переход из одного состояния в другое [Wilbur 2008: 238, 2009]. В РЖЯ жесты со значением событий содержат либо траекторное движение, либо внутреннее движение, либо их сочетание.

Жесты со значением процессов в ASL, по наблюдениям Р. Уилбур, имеют в своей фонологической структуре траекторное движение, которое рассматривается исследователем как показатель протяженности ситуации [Wilbur 2008: 235]. В РЖЯ, по нашим данным, только 10% жестов со значением процессов имеют в своей структуре траекторное движение, остальные содержат внутренний повтор.

В фонологической структуре жестов со значением состояний в ASL, по данным Р. Уилбур, отсутствует движение, т.е. эти жесты являются статичными [Wilbur 2008: 232]. Судя по нашему материалу, в РЖЯ большая часть жестов, обозначающих эпизодические состояния, является статичными; при этом среди жестов, обозначающих вневременные состояния, статичных жестов почти не встречается.

Таким образом, можно сделать вывод, что на фонологическом уровне для ASL наиболее важным становится разграничение предельных и неопредельных ситуаций, тогда как для РЖЯ наиболее значимым является разграничение ситуаций, обладающих и не обладающих внутренней членимостью.

Сходства и различия в отражении акциональной семантики предикатов в фонологической структуре жестов в русском и американском жестовом языке обобщены в Таблице 5.

Таблица 5. Сравнительная таблица фонологических компонентов жеста, релевантных для выражения акциональной семантики в РЖЯ и ASL⁶⁵

	Со-бы-тие	Процесс				Пере-ход-ный класс	Состояние	
		Предельный		Непредельный			Эпи-зоди-ческое	Вне-вре-менное
		Сильный (недис-кретный)	Слабый (дис-кретный)	Дис-крет-ный	Недис-крет-ный			
Отражение акциональной семантики предиката на фонологическом уровне в ASL⁶⁶								
Траекторное движение	—	+		+			—	
Внутреннее движение	+	+		—			—	
Внутренний повтор				+			—	
Отсутствие движения	—	—		—			+	
Контакт с корпусом/вспомогательной рукой в конечной фазе исполнения жеста	+	+		—			—	
Быстрое «утихание» жеста до полной остановки	+	+		—			—	
Сжатые губы		—		+				
Открывание/закрывание рта		+		—				
Отражение акциональной семантики предиката на фонологическом уровне в РЖЯ⁶⁷								
Траекторное движение	+—	+	—	—	+	—	—	
Внутреннее движение	+—				—	—	—	
Внутренний повтор	—	—	+	+	—	+	—	—
Отсутствие движения	—	—	—	—	—	—	+	—
Контакт рук между собой						+—	+—	+—
Контакт с корпусом						+—	+—	+—

2.3. Средства смены акционального класса

В русском жестовом языке имеются показатели, которые не только кодируют значения «внешней» аспектуальности, но и меняют акциональный класс лексемы в следующих направлениях: процесс/событие => состояние; событие => процесс; событие/состояние => процесс; процесс/состояние =>

⁶⁵ Данные ASL приводятся на основании работ [Wilbur 2003, 2008, 2009, 2010; Schalber, Grose 2006; Malaia, Wilbur 2010; Malaia, Wilbur 2012].

⁶⁶ Знаком «+» обозначены фонологические признаки, обязательно присутствующие в фонологической структуре жеста, относящегося к данному акциональному классу. Знаком «-» обозначены фонологические признаки, никогда не встречающиеся в фонологической структуре жеста, относящегося к данному акциональному классу. Штриховкой обозначено отсутствие в исследованиях точной информации по данному вопросу.

⁶⁷ Знаком «+» обозначены фонологические признаки, обязательно присутствующие в фонологической структуре жеста, относящегося к данному акциональному классу. Знаком «-» обозначены фонологические признаки, никогда не встречающиеся в фонологической структуре жеста, относящегося к данному акциональному классу. Знаком «+-» обозначены несколько фонологических признаков, один из которых обязательно присутствует в фонологической структуре жеста, относящегося к данному акциональному классу. Штриховкой в таблице обозначены фонологические компоненты жеста, нерелевантные для отражения акциональной семантики данного акционального класса.

событие. На изменение акционального класса лексемы указывает приобретение производной формой других морфосинтаксических и/или фонологических свойств.

2.3.1. Показатель итератива: переход события в процесс

Значение итератива принадлежат к зоне количественной аспектуальности и средства их выражения подробно рассматриваются в разделе 3.1.2 Главы IV. При этом показатель значений итератива может быть рассмотрен и в контексте смены акционального класса.

Одним из показателей итератива в РЖЯ является простая мануальная редупликация: она используется для выражения итеративной семантики в тех случаях, когда предикат принадлежит к акциональному классу событий. В результате сочетания с редупликацией жесты со значением события переходят в акциональный класс процессов, т.е. серия событий интерпретируется как процесс. Например, жесты со значением события ПРИЙТИ (27) при редупликации приобретает значение итеративного процесса ‘ходить’ (28).

(27) ЖЕНА МУЖ СИДЕТЬ ДРУГ ПРИЙТИ ПРИЙТИ.В.ГОСТИ

‘Сидят жена с мужем, друг [мужа] пришел в гости’ (an-s13).

(28) Я ПРИЙТИ+(r/s) СПОРТ ПРИЙТИ+(r/s) Я СИЛЬНЫЙ ТЕННИС СИЛЬНЫЙ
ВОЛЕЙБОЛ СИЛЬНЫЙ БАСКЕТБОЛ СИЛЬНЫЙ

‘Я ходила на занятия спортом, была сильная в теннисе, волейболе, баскетболе’ (an-s4).

О том, что рассматриваемые редуплицированные жесты относятся к классу процессов, свидетельствует их способность сочетаться с фазовыми глаголами (29–30).

(29) СТАРШИЙ КЛАСС ОДИННАДЦАТЬ КЛАСС НАЧАТЬ ПРИЙТИ+(r/s)
ЗАНИМАТЬСЯ

‘В старшем классе, в одиннадцатом, начала ходить [на танцы], заниматься’
(an-s11).

(30) ТРЕНИРОВАТЬСЯ ПРИЙТИ+(r/s) НАЧАТЬ

‘Я начал ходить на тренировки’ (an-s3).

2.3.2. Показатель процессуальности:

переход события/состояния в процесс

В русском жестовом языке существует показатель, использующийся для передачи процессуальной семантики: замедление движения при исполнении жеста. С помощью этой модификации жеста от жестов со значением события или состояния образуются жесты со значением процесса. Например, в (32) от адъективного жеста ТЕМНЫЙ (31) с помощью замедления движения образован жест со значением ‘темнеть’, а в (34) от жеста ИЗМЕНИТЬ (33) с помощью замедления движения образован жест со значением ‘меняться’. Данный показатель используется нерегулярно, образуя глагольные жесты с семантикой процесса от некоторых именных жестов и некоторых глагольных жестов, обозначающих события.

(31) ВОРОТА.ОТКРЫТЬ ТЕМНЫЙ INDX РАНО УТРО ТЕМНЫЙ INDX
БЫТЬ:PAST

‘Открыли ворота, а там темно, было ранее утро, темно’ (n-s25).

(32) УЛИЦА CLF:ИДТИ ТЕМНЫЙ(cm/sl)

‘Вышла на улицу, а там темнеет’ (an-s10).

(33) ШКОЛА ВРЕМЯ ПРОЙТИ ЧЕЛОВЕК **ИЗМЕНИТЬ**

‘Со времен школы он изменился’ (an-s3).

(34) РОССИЯ INDX ПОГОДА ПОСТЕПЕННО **ИЗМЕНИТЬ(cm/sl)**

‘В России постепенно меняется климат (an-s13).

Доказать то, модифицированный жест обозначает процесс, можно с помощью проверки на сочетаемость с фазовыми и наступительными глаголами. Так, жест СВЕТЛЫЙ в исходной форме обозначает состояние и сочетается с наступительным глаголом СТОЯТЬ, обозначая наступление состояния целиком и сразу, без деления на фазы (35). Жест СВЕТЛЫЙ, исполненный с замедленным движением, может сочетаться с фазовым глаголом НАЧАТЬ и обозначать начальную фазу процесса (36). Жест ИЗМЕНИТЬ, относящийся к классу событий, в исходной форме не сочетается с фазовыми глаголами (*НАЧАТЬ ИЗМЕНИТЬ), а в (37), исполненный с замедлением движения, сочетается с фазовым глаголом НАЧАТЬ.

(35) УЛИЦА НОВЫЙ СТОЯТЬ ИЗМЕНИТЬ **СВЕТЛЫЙ**

‘На улице стало светло’ (an-s12).

(36) УЛИЦА НАЧАТЬ **СВЕТЛЫЙ(cm/sl)**

‘На улице начало светать’ (an-s13).

(37) СТРАНА НОВЫЙ++(r/s) НАЧАТЬ **ИЗМЕНИТЬ(cm/sl)**

‘В стране перемены (букв. новый, новый), [страна] начала меняться’ (an-s3).

2.3.3. Акционально связанные ситуации: переход процесса в событие

От некоторых жестов со значением процессов в РЖЯ образуются жесты, обозначающие события, и передающие либо начинательное, либо комплетивное значение⁶⁸.

Жесты со значением начала ситуации образуются от жестов ДЕЛАТЬ, ГОРЕТЬ, КРИЧАТЬ, имеющих семантику процессов. При исполнении жеста ДЕЛАТЬ руки сжаты в кулаки, кулак ведущей руки находится над кулаком вспомогательной руки; на уровне груди ведущая рука два раза слегка «постукивает» боковой поверхностью кулака по боковой поверхности кулака руки вспомогательной руки. Жест ПРИНЯТЬСЯ.ЗА.ДЕЛО исполняется с увеличением амплитуды движения в начальной фазе исполнения: правая рука исполняет «замах», поднимаясь до уровня плеча, и один раз опускается на левую руку. При исполнении жеста ГОРЕТЬ на уровне груди повторяются горизонтальные круговые движения выпрямленных вверх указательного, среднего и безымянного пальцев; остальные пальцы сжаты в кулак. Жест ВСПЫХНУТЬ представляет собой резкое одиночное выбрасывание из кулака вверх указательного, среднего и безымянного пальцев. При исполнении жеста КРИЧАТЬ обе руки у рта в конфигурации -Э⁶⁹ совершают несколько повторяющихся синхронных движений ото рта снизу-вверх по диагонали; конечная точка движения находится примерно на уровне носа. Жест ЗАКРИЧАТЬ представляет собой плавное одиночное движение рук ото рта снизу вверх по диагонали; конечная точка движения находится примерно на уровне лба.

Жесты с комплетивным значением образуются от жестов ЧИТАТЬ, БЕЖАТЬ, ЗУБРИТЬ, передающих значением процессов. При исполнении жеста ЧИТАТЬ руки в конфигурации -А, ориентированные ладонями к говорящему, несколько раз движутся вправо-влево. При исполнении жеста ПРОЧИТАТЬ руки в той же конфигурации совершают одиночное движение вверх, имитирующее движение газеты по мере ее прочтения. При исполнении жеста БЕЖАТЬ руки в

⁶⁸ Подробнее об этих жестах см. разделы 2.3. и 4.3.4 Главы III.

⁶⁹ См. Приложение 6.

конфигурации -100, ориентированные ладонями вниз, совершают несколько повторяющихся движений. При исполнении жеста ДОБЕЖАТЬ руки в той же конфигурации совершают одиночное движение вперед. При исполнении жеста ЗУБРИТЬ зеркально ориентированные руки в конфигурации -ЫI два раза соприкасаются. Жест ВЫЗУБРИТЬ представляет собой одиночное движение рук в той же конфигурации по диагональной траектории.

О том, что рассматриваемые здесь производные формы жестов относятся к акциональному классу событий, свидетельствует изменение их морфосинтаксических характеристик. Они утрачивают способность сочетаться с фазовыми глаголами при наличии акционального признака динамичности. Следует, правда, сказать, что данные жесты не могут редуплицироваться и, соответственно, приобретать итеративную семантику. Как нам кажется, это объясняется тем, что рассматриваемые жесты используются исключительно для обозначения начала/завершения единичной ситуации.

Образование жестов со значением событий от жестов со значением процессов также сопровождается изменением их фонологических характеристик: в рассмотренных выше случаях наблюдается утрата внутреннего повтора и появление траекторного или внутреннего движения. Напомним, что большинство жестов со значением процессов содержат в своей фонологической структуре внутренний повтор, а жесты со значением событий обязательно содержат траекторное или внутреннее движение и в их фонологической структуре никогда не встречается внутренний повтор. Изменение фонологических характеристик жеста при образовании жеста другого акционального класса подтверждает значимость выявленного в разделе 2.2 настоящей главы первичного разграничения на фонологическом уровне ситуаций, обладающих внутренней членимостью и не обладающих этим свойством.

Различия в функционировании жестов со значением события можно объяснить, используя предложенные В.А. Плунгяном понятия изолированной и

акционально связанной ситуации. Изолированная ситуация интерпретируется в языке как существующая вне обязательной связи с другой ситуацией, тогда как акционально связанная ситуация либо возникает в результате завершения другой ситуации, либо сама приводит к возникновению другой ситуации [Плунгян 2009: 68–69]. При этом акционально связанные ситуации, как правило, обозначаются разными грамматическими формами одного слова, либо «словообразовательно связанными формами разных лексем» [Плунгян 2009: 69].

3. Выводы

Исследование показывает, что первичное разграничение акциональных классов предикатов в РЖЯ осуществляется на фонологическом уровне. Наличие/отсутствие внутреннего повтора в фонологической структуре жеста регулярно соответствует внутренней членимости, дискретности ситуации. Имеются и другие, достаточно отчетливые корреляции фонологической структуры жеста с его акциональным классом, однако на данный момент невозможно однозначно установить, с какими акциональными признаками соотносятся такие фонологические компоненты жеста как наличие траекторного/внутреннего движения и отсутствие движения. При этом изменения фонологической структуры жеста при образовании жестов другого акционального класса свидетельствуют о том, что, по крайней мере, траекторное и внутреннее движение важны для отображения акциональной семантики предикатов.

Несмотря на то, что описанные фонологические характеристики коррелируют с акциональной семантикой предикатов, они не могут считаться единицами морфологического уровня, так как корреляция не является четкой (для предикатов одного акционального класса фонологическая характеристика может быть значимой, для других – нет), а описанные характеристики жеста не удовлетворяют таким критериям морфемы, как повторяемость (способность

Материал русского жестового языка демонстрирует, что акциональная классификация предикатов может основываться не только на выявлении различий семантических характеристик предикатов, установленных с помощью анализа сочетаемости предикатов с аспектуальными показателями, но и учитывать и формальные средства выражения акциональной семантики.

Таблица 6. Разграничение акциональных классов предикатов в РЖЯ на морфосинтаксическом и фонологическом уровнях

	Событие	Процесс				Переходный класс	Состояние	
		Предельный		Непредельный			Эпизодическое	Вневременное
		Сильный (недискретный)	Слабый (недискретный)	Дискретный	Недискретный			
<i>Отражение акциональной семантики предиката на фонологическом уровне</i>								
Траекторное движение	+-	+	-	-	+	-	-	+-
Внутреннее движение	+-				-	-	-	+-
Внутренний повтор	-	-	+	+	-	+	-	-
Отсутствие движения	-	-	-	-	-	-	+	-
Контакт между руками						+-	+-	+-
Контакт с корпусом						+-	+-	+-
<i>Отражение акциональной семантики предиката на морфосинтаксическом уровне</i>								

Производное значение при редупликации	итератив	«положительная» длительность						—
Сочетаемость с фазовыми глаголами	—	+	+	+	+	—	—	—
Производное значение при сочетании с аналитическим показателем перфекта/комплетива/результатива (жест УЖЕ)	перфект	комплетив		перфект				—
Сочетаемость с аналитическим показателем партитивно-результативного (жест RES _{PART})	—	—	+	—	—	—	—	—

При сопоставлении фонологических характеристик, свойственным акциональным классам предикатов, в ASL и в РЖЯ были выявлены некоторые сходства, но при этом наблюдается серьезное отличие: на фонологическом уровне ASL проводится четкое разграничение предельных и неопредельных предикатов, тогда как в РЖЯ в фонологической структуре жеста последовательно отражается наличие/отсутствие внутренней членимости ситуации. Но, несмотря на это, гипотеза Р. Уилбур о визуальной репрезентации жеста в его фонологической структуре справедлива и для РЖЯ.

ГЛАВА III. ЛИНЕЙНАЯ АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ

Линейная аспектуальность как особая зона аспектуальных значений выделяется в работах [Маслов 2004; Плунгян 2003]. Под линейной аспектуальностью в этих исследованиях понимаются значения, описывающие стадии ситуации, наиболее важными из которых являются подготовительная стадия ситуации, начало ситуации, срединная стадия ситуации, конец ситуации, результирующая стадия ситуации [Плунгян 2003: 300]. Подготовительная стадия ситуации может кодироваться с помощью показателя **проспектива**, обозначающего состояние, которое содержит предпосылки для совершения ситуации [Comrie 1976: 64–65; Dik 1997: 238] или **проксиматива** – указания на временную фазу, расположенную близко к начальной границе ситуации, описываемой глаголом [Heine 1994]. Начальная стадия ситуации может описываться с помощью показателей, кодирующих разные типы начала ситуации: **контактное начало** (начальная фаза ситуации не отличается от ее продолжения), **неконтактное начало** (начало ситуации отлично от ее продолжения), **эволютивное начало** (переход в новое качественное состояние в результате накопления свойств) [Недялков 1987: 189–192]. Значение срединной стадии ситуации может кодироваться с помощью показателей **дуратива** и **прогрессива**: показатель дуратива кодирует срединную стадию у предикатов с семантикой процессов и состояний, показатель прогрессива – только у предикатов с семантикой процессов [Плунгян 2003: 300]. Конец ситуации может обозначаться с помощью показателя **комплетива** (указания на естественное завершение ситуации) [Bybee et al. 1994: 57]. Результирующая ситуация описывается при помощи показателя **результатива**, обозначающего состояние, возникающее в результате завершения ситуации [Bybee et al. 1994: 63; Плунгян 2003: 298; Недялков, Яхонтов 1983]. В.А. Плунгян выделяет также показатели пунктива, маркирующие начало или

конец ситуации, а также ситуацию в целом, если она представляет собой мгновенное событие, не имеющее длительности [Плунгян 2003: 301, 2011: 385].

По данным Дж. Байби и Э. Даля, во многих звуковых языках основной оппозицией в зоне линейной аспектуальности является противопоставление перфектива и имперфектива [Bybee, Dahl 1989: 83]. Показатели перфектива и имперфектива используются для выражения не конкретного аспектуального значения, а ряда разнородных значений, по определению В.А. Плунгяна, они представляют собой обозначение «пучка функций». Так, показатель имперфектива может совмещать обозначение срединной стадии ситуации, повторяемости и хабитуального значения, а показатель перфектива – значения пунктива, инцептива, комплетива, лимитатива [Плунгян 2003: 300–301; Плунгян 2011: 403].

Помимо значений, традиционно относимых к линейной аспектуальности, в данной главе мы рассматриваем также значения, имеющие «пограничный статус», находящиеся на периферии зоны линейной аспектуальности, пересечении ее с какой-либо другой семантической категорией и, в связи с этим, получающие неоднозначную интерпретацию в лингвистической литературе. В частности, в их число входят **фазовые** значения, указывающие на одну из логически возможных фаз ситуации: ее начало, продолжение или конец. С точки зрения В.А. Плунгяна, эти значения находятся на пересечении семантических категорий аспектуальности, таксиса и модальности [Плунгян 2011: 420], В теории функциональной грамматики фазовые значения относятся к компонентам линейной аспектуальности [ТФГ 1987: 153], а И.А. Мельчук выносит фазовые значения за рамки категории аспектуальности и относит их к качественным категориям, характеризующим описываемый факт [Мельчук 1988: 137]. В круг периферийных значений включается также **антирезультативное значение**, находящееся на пересечении семантических категорий модальности, темпоральности, аспектуальности [Плунгян 2001: 86; Kuteva 2009: 18], а также значения, находящиеся на пересечении семантических

категорий времени и аспектualityности – значение **перфекта** и **экспериенциальное** значение. Спорный, неоднозначный статус данных значений в лингвистической литературе обусловлен, по-видимому, и тем, что отнесение их к семантической категории аспектualityности, времени или другим семантическим категориям в немалой степени зависит от специфики конкретного языка.

В звуковых языках линейные аспектualityные значения могут выражаться различными способами. Типологические исследования показывают, что одни линейные аспектualityные значения чаще выражаются с помощью синтетических средств, а другие – с помощью аналитических. Так, синтетическими способами чаще выражаются значения перфектива и имперфектива, а к значениям, чаще выражающимся аналитически, относятся прогрессив и перфект [Dahl 1985: 93, 129; Bybee, Dahl 1989: 56]. В [Bybee, Dahl 1989: 56] это объясняется тем, что морфологизация характерна для показателей с наиболее абстрактным значением (например, перфектива, имперфектива, прошедшего времени), поскольку семантические и формальные изменения тесно связаны в процессе семантической эволюции грамматического показателя.

В жестовых языках средства выражения линейной аспектualityности исследованы мало, фрагментарность существующих исследований не позволяет делать каких-либо значимых выводов и обобщений о системном устройстве этой зоны. В имеющихся работах внимание лингвистов преимущественно уделялось аналитическим показателям, используемым для кодирования значений перфектива, комплетива, перфекта, результатива, причем специальные исследования в этой области немногочисленны. Так, по нашим данным, средства выражения перфекта изучались на материале американского жестового языка [Duffy 2007; Grose 2003] и на материале израильского жестового языка [Meir 1999]. Исследование средств выражения комплетива

проводилось только на материале жестового языка Соло и Макассара⁷⁰ [Palfreyman 2013]. В работах, посвященных американскому жестовому языку, также упоминаются средства выражения антирезультативного значения [Liddel 2003; Dudis 2011].

Ниже характеризуются средства выражения линейной аспектуальности в РЖЯ. Порядок их описания в целом соответствует хронологическому следованию кодируемых с их помощью стадий ситуации, описываемой глагольным жестом: подготовительной стадии, началу, срединной стадии, окончанию, результирующей стадии. Описание средств выражения рассматриваемых значений в РЖЯ предваряется более подробным обзором типологических исследований каждого из значений в лингвистической литературе по звуковым языкам и работ, посвященных средствам выражения этого значения в других жестовых языках. Выбранная структура описания не только позволяет системно представить материал РЖЯ, но и сопоставить его с материалом другим жестовых языков, а также более точно охарактеризовать степень исследованности линейной аспектуальности в жестовых языках.

1. Подготовительная стадия ситуации

1.1. Обозначение подготовительной стадии ситуации в звуковых языках

Показатели, характеризующие внешнюю подготовительную стадию ситуации в звуковых языках, получают разную интерпретацию и разное терминологическое обозначение в работах разных исследователей. В работе [Bybee et al. 1994] указание на подготовительную стадию ситуации рассматривается среди значений, относящихся к будущему времени и обозначается термином «immediate future» («ближайшее будущее») [Ук. соч.: 245]. В [Comrie 1976] рассматриваемое значение определяется как

⁷⁰ Один из индонезийских жестовых языков, используемый в городах Соло (о. Ява) и Макаassar (о. Сулавеси).

одно из аспектуальных значений – обозначение состояния перед начальной точкой ситуации, которое содержит предпосылки осуществления ситуации после этой точки (*I'm going to kill you* 'Я собираюсь убить тебя', *I'm about to find out* 'Я вот-вот узнаю') и обозначается термином «проспектив» [Ук. соч.: 64–65]. С точки зрения Б. Комри, значение проспектива симметрично значению перфекта: в случае перфектного значения последующее состояние связано с предшествующей ситуацией, в случае же проспективного значения предшествующее состояние содержит предпосылки к осуществлению последующей ситуации [Ук. соч.: 64]. Сходной точки зрения придерживается и С. Дик, однако предлагает выделять два типа показателей подготовительной стадии ситуации в зависимости от близости ситуации к начальной точке: собственно проспектив (*I'm going to write* 'Я собираюсь писать') и ближайший проспектив (*I'm about to write* 'Я вот-вот буду писать') [Dik 1985: 61]. В работе Б. Хайне [Heine 1994] рассматривается значение, близкое к тому, которое у С. Дика названо ближайшим проспективом, и для его обозначения используется термин «проксиматив». По мнению Б. Хайне, аргументом в пользу интерпретации проксиматива как аспектуального значения, а не временного является возможность показателей проксиматива употребляться для обозначения подготовительной ситуации не только в будущем, но и в прошедшем времени (*He was going to kill himself but we stopped him* 'Он собирался покончить с собой, но мы остановили его') [Ук. соч.: 43].

В звуковых языках рассматриваемое значение чаще всего выражается аналитически [Bybee et al. 1994: 271]. Лексическими источниками показателей проспектива становятся глаголы движения, глаголы «любить» и «хотеть», наречия «близко», «рядом» [Bybee et al. 1994: 272; Heine, Kuteva 2004].

1.2. Обозначение подготовительной стадии ситуации в жестовых языках

По нашим данным, в жестовых языках, в том числе и в русском жестовом языке, средства обозначения подготовительной стадии ситуации, практически не исследовались.

1.3. Обозначение подготовительной стадии ситуации в русском жестовом языке

При описании показателя подготовительной стадии ситуации в РЖЯ мы, вслед за Б. Комри и С. Диком, будем использовать термин «проспектив».

В РЖЯ значение проспектива выражается аналитически – при помощи редуцированного жеста **БЫТЬ:FUT**⁷¹. Жест **БЫТЬ:FUT** используется в РЖЯ в функции бытийного глагола в форме будущего времени (38) и в функции аналитического показателя будущего времени (39–40). В последнем случае он обычно находится в постпозиции к знаменательному глаголу, характерной в РЖЯ для служебных показателей (39).

(38) ПРИЙТИ:1PS ВРЕМЯ СЕМЬ Я **БЫТЬ:FUT** ДОМ МЕСТО

‘Приходи в семью, я буду дома’ (ap-s8).

(39) БЫСТРЫЙ СКАКАТЬ Ф-У-Ф-У СКАКАТЬ **БЫТЬ:FUT**

‘А чтобы быстро поехать, [скажи] «Фу-фу!», тогда галопом [верблюды] помчатся (букв. быстро поскачет)’ (n-s23).

(40) ПРОСИТЬ:LOC УВАЖАТЬ:LOC ПРОСИТЬ:LOC / INDX МОЧЬ INDX
ОКАЗАТЬ.УСЛУГУ:1PS СОГЛАСИТЬСЯ **БЫТЬ:FUT**

‘Если попросить его по-хорошему, он, возможно, согласится помочь’ (ap-s1).

⁷¹ Жест **БЫТЬ:FUT** представляет собой мах вперед открытой ладонью в конфигурации -В (см. Приложение 6), повернутой ребром к телу говорящего

В редуплицированной форме жест БЫТЬ:FUT указывает на подготовительную стадию ситуации (41–44). Семантика, передаваемая данным показателем, близка к значению ближайшего проспектива (в терминологии С. Дика) – указанию на то, что ситуация вот-вот произойдет.

- (41) СЕГОДНЯ НУЖНО ПЛАНИРОВАТЬ ВЫПОЛНИТЬ ЗАВТРА **БЫТЬ:FUT+(r/s)**
 LOC:ПРИЙТИ:1PS LOC:БРАТЬ:1PS
 ‘Нам сегодня нужно все доделать – уже завтра приедут забирать [заказ]’
 (an-s1).

- (42) ГОВОРИТЬ.ПО.ТЕЛЕФОНУ / **БЫТЬ:FUT+** ВЕСТИ.МАШИНУ INDX
 УВЕЗТИ:LOC **БЫТЬ:FUT+(r/s)** УСПОКОИТЬСЯ IMP:LOC
 ‘Позвонил кому-то. [Говорит]: «Вот-вот машина придет, отвезет тебя, успокойся, стой здесь»’ (n-s2).

- (43) ПЕРВЫЙ INDX **БЫТЬ:FUT+(r/s)** ЛЕТО ДЕСЯТЬ ГОД INDX
 ‘[У нас есть два кота]. Первому уже вот-вот, летом десять лет’ (n-s21).

- (44) Т-Ы ТЕРПЕТЬ+(r/s) БЛИЗКИЙ ПРИЙТИ:1PS **БЫТЬ:FUT+(r/s)** БЛИЗКИЙ
 INDX **БЫТЬ:FUT++(r/s)** ТЕРПЕТЬ+(r/s) БЫТЬ:FUT
 ‘Потерпи, он скоро, вот-вот придет, потерпи, [он] придет’ (an-s10).

2. Начинательность

2.1. Начинательность в звуковых языках

Значение начинательности (*началось P*) заключается в указании на то, что ‘до момента *t* имело место не-*P*, потом имеет место *P*’ [Богуславский 1998: 14; Падучева 2001: 31].

В работах, посвященных типологическому исследованию средств выражения начинательности в звуковых языках, выделяются несколько типов начинательного значения. Прежде всего, разграничиваются начало единичной ситуации и начало серии ситуаций.

В исследованиях [Недялков 1987; Зализняк, Шмелев 2002] выделяются следующие типы начала единичной ситуации: эволютивное, подразумевающее накопление определенных свойств, ведущее к качественному изменению ситуации (*Сосед засыпает; Белье сохнет*); контактное, подразумевающее, что начало действия не отличается от его продолжения (*Он заплакал*); неконтактное, подразумевающее, что начало действия отлично от его продолжения (*Сосед начинает засыпать*); начало-конец, подразумевающее, что начало действия равнозначно его осуществлению (*вскрикнуть*). Выделение данных типов связывается с акциональным классом предиката: эволютивное начало обычно свойственно переходу в другое состояние, контактное начало – началу гомогенного (непредельного) процесса, неконтактное начало описывает начальную фазу предельного процесса, который является гетерогенным и заканчивается результатом [Недялков 1987: 185–186]. Например, начальная фаза процесса *курить* отлична от его продолжения – человек вынимает сигарету и делает первую затяжку [Зализняк, Шмелев 2002: 216].

Показатели начинательности могут кодировать не только начало единичной ситуации, но и начало серии повторяющихся ситуаций. Серийное начинательное значение, в свою очередь, может делиться на итеративное и адвербиальное: итеративное начинательное значение указывает на начало серии ситуаций, имеющих начало и конец (*она начала ходить в гости*), адвербиальное начинательное значение указывает не на собственно начало самой ситуации, а на изменение ее качественной характеристики (*она стала бегать быстрее*) [Недялков 1987: 186–187].

В рамках семантики начинательности разграничиваются также значение начальной фазы ситуации и значение наступительности [Падучева 2001].

Значение наступительности, как отмечает Е.В. Падучева, указывает на простейшую разновидность начинательного значения: «то, что наступило, это либо состояние, либо событие; но и то и другое не имеет фаз», например: *наступает душевный покой, наступила расплата* [Ук. соч.: 38]. Значение начальной фазы ситуации включает в себя дополнительные семантические компоненты ‘момент речи близок к t ’ и ‘ P будет иметь место и после момента речи, причем на более длительном интервале’. Показатели фазы могут сочетаться только с предикатами, обозначающими ситуации, локализованные во времени, имеющие временную протяженность, способные прерываться и возобновляться: *запахнуть, побежать, взыграть, разгневаться, начал петь, началась работа, стал торопить*. При этом разные показатели фазы могут иметь разные формальные ограничения на функционирование. Например, фазовый глагол *начать* в русском языке сочетается с предикатным именем (*Работа началась вовремя*), а глагол фазовый глагол *стать* не имеет такой возможности (**Работа стала вовремя*) [Храковский 1987: 155–167].

Значение начинательности может дополнительно осложняться семантикой интенсивности (*Она бросилась собирать вещи*) или агентивности (*Дети затеяли игру во дворе*) [Храковский 1987: 157–172].

В [Недялков 1987] показано, что начинательность в разных языках может выражаться морфологически или синтаксически. Морфологические показатели – это деривационные аффиксы, которые могут быть как однозначными, так и многозначными. Такие аффиксы обычно имеют пространственное происхождение: например, русский аффикс *вз-*, обозначающий начало действия в словах типа *взволноваться*, первоначально обозначал пространственные отношения (*взлететь*) [Ук. соч.: 182]. Синтаксический способ выражения начинательного значения предполагает наличие у семантически исходного предиката, не выражающего начинательного значения, синтаксического окружения, передающего семантику начинательности. Например, в русском языке это могут быть служебные и полуслужебные глаголы (*начать, стать*),

полнозначные глаголы (*пойти плясать, удариться бежать*), фразеологические связанные глаголы (*прийти в восторг*), неизменяемые слова (*и давай целовать*), грамматикализованные конструкции (*она бежать*) [Ук. соч.: 180–183]. Значение начинательности может не иметь отдельного показателя и входить в перфективный кластер. Например, в языках, где существует видовая оппозиция, начинательное значение может выражаться формой совершенного вида (*вообразать-вообразить*). Значение начинательности может выражаться и без помощи специальных грамматических средств: например, контекстом (чешский язык: *vstal a šel* ‘встал и пошел (букв.: встал и шел’) [Ук. соч.: 183–184].

2.2. Показатели начинательности в жестовых языках

Судя по имеющимся у нас сведениям, специальные исследования средств выражения значения начинательности в жестовых языках не проводились. Показатели начинательного значения упоминаются в описаниях испанского и американского жестовых языков. В [Pereira 2010: 109] упоминается использование жеста EMPEZAR ‘begin to’, функционирующего как фазовый глагол и указывающий на то, что ситуация находится в начальной фазе осуществления. В американском жестовом языке существуют средства для обозначения ситуации с отложенным началом (*protracted inceptive aspect*): жест удерживается в начальной позиции дольше, чем обычно, при этом удержание руки сопровождается шевелением пальцами (при открытой конфигурации руки) или шевелением языка (при закрытой конфигурации руки). Описанная модификация жеста применима к любому предельному глаголу [Brentari 1996].

2.3. Показатели начинательности в русском жестовом языке

Наше исследование показывает, что основным средством выражения начинательности в РЖЯ являются специальные глагольные жесты: НАЧАТЬ, НАЧАТЬ₁ и СТОЯТЬ. Данные жесты имеют разную функциональную

дистрибуцию. Жесты НАЧАТЬ и НАЧАТЬ¹ являются в РЖЯ аналогами фазовых глаголов в звуковых языках – они используются для обозначения фазы начала ситуации. Жест СТОЯТЬ используется для выражения наступительности.

Глагольный жест НАЧАТЬ является лабильным: он может выражать значения ‘начать’ (45) и ‘начаться’ (46). Это типично и для многих звуковых языков: фазовые глаголы представляют одну из наиболее склонных к лабильности глагольных групп [Летучий 2006: 191].

(45) НАЧАТЬ / НАЧАТЬ

‘Начинать? Начинать [рассказывать]?’ (b-s4).

(46) НАЧАТЬ ДОЖДЬ.ИДТИ УЛИЦА

‘Начались дожди’ (an-s12).

Жест НАЧАТЬ⁷², выступая в качестве фазового глагола, может кодировать начальную фазу агентивных (47–48, 70–71) и неагентивных ситуаций (49–50), начальную фазу единичных ситуаций (сильных предельных процессов, слабых предельных процессов, неопредельных процессов) (47–50) и серии процессов/событий (51–52). При обозначении начала серии ситуаций жестом НАЧАТЬ, по нашим данным, кодируется только итеративное серийное значение.

(47) МЕШАТЬ:1PS НЕТ РАБОТАТЬ Я НАЧАТЬ Я ДЕЛАТЬ СТОЛЯРНИЧАТЬ

‘Никто не мешает, я начал работать, столярничать’ (n-s25).

(48) НАЧАТЬ РУГАТЬ:REC

‘[Они] начали ругаться’ (b-s13).

⁷² Ведущая рука в конфигурации -1 ребром ладони проводит по ладони вспомогательной руки от основания ладони до кончиков пальцев; вспомогательная рука ориентирована тыльной стороной ладони к говорящему.

(49) PRTCL INDXTPAVA INDXПОВЕРХНОСТЬ ЗЕМЛЯ **НАЧАТЬ** **РАСТИ**

‘Потом начали расти сорняки (букв. трава)’ (b-s12).

(50) ВИДЕТЬ **НАЧАТЬ** **ДОЖДЬ.ИДТИ** **СЫРОЙ**

‘[С приходом лета] начались дожди, [было] сыро’ (a-s14).

(51) Я **НАЧАТЬ** Я ВЕЛОСИПЕД **ЕХАТЬ** РАБОТАТЬ **CLF:ЧЕЛОВЕК.ДВИГАТЬСЯ**
ЧАСТО

‘Я начала часто ездить на работу на велосипеде’ (ap-s14).

(52) СТАРШИЙ КЛАСС ОДИННАДЦАТЬ КЛАСС **НАЧАТЬ ПРИЙТИ+(r/s)**
ЗАНИМАТЬСЯ

‘Я начала заниматься [спортом] в старшем, одиннадцатом классе’ (n-s11).

Жест **НАЧАТЬ1**⁷³ не имеет эквивалента в русском звуковом языке, информанты определяют его значение как ‘начать и продолжать, делая все лучше и лучше’, т.е. в отличие от фазового жеста **НАЧАТЬ**, жест **НАЧАТЬ1** дополнительно содержит сему продолжения и развития. В спонтанных текстах данный показатель встречается редко (возможно, из-за специфики своего значения), однако опрос разных информантов подтверждает, что он регулярно используется в качестве показателя начинательности в РЖЯ.

Жест **НАЧАТЬ1** употребляется по отношению к агентивным ситуациям, которые длятся продолжительное время и сопровождаются положительным развитием – как правило, приобретением субъектом ситуации каких-либо навыков и умений (53–57). При этом жест **НАЧАТЬ1** кодирует только серийное итеративное начинательное значение, что обусловлено его семантикой – приобретение навыков и умений субъектом подразумевает его участие в повторяющихся ситуациях.

⁷³ Ведущая рука начинает движение, касаясь вспомогательной руки, по направлению от говорящего; по ходу движения соприкасающиеся кончики большого и указательного пальца удаляются друг от друга.

(53) **УЧИТЬ:1PS** / **НЕ.ПОНИМАТЬ** **ПОПРОБОВАТЬ** / **УЖЕ** / **НАЧАТЬ1**

‘Меня учили, я не понимал, потом попробовал и все, начал [кататься на коньках]’ (an-s10).

(54) **Я ЧИТАТЬ** **НАЧАТЬ1** **ЧЕТЫРЕ** **ВРЕМЯ**

‘Я начал читать с четырех лет’ (an-s15).

(55) **Я БРАТ** **НАЧАТЬ1** **ПЛАВАТЬ** **ВРЕМЯ** **ГОД:ТРИ**

‘Мой брат начал плавать в три года’ (an-s15).

(56) **КОШКА** **РАНЬШЕ** **ПОЙМАТЬ** **МЫШЬ** **НЕ.ХОТЕТЬ** // **СЕЙЧАС**
НАЧАТЬ1

‘Кошка сначала не хотела ловить мышей, а сейчас начала и ловит все лучше’ (an-s10).

(57) **А INDX** **МАТЬ^ОТЕЦ** **ПОНЯТЬ** **СВОЙ** **РОДИТЬ** **ПОСТИЧЬ** **ЛЕГКО** **ДА**
НАЧАТЬ1 **ЛЕГКО** **УЧИТЬ:ЛОС**

‘А твои родители поняли, когда своих [детей] родили, поняли, что легко [учить их жестовому языку] и учить их было все легче и легче’ (d-s8).

Жесты **НАЧАТЬ** и **НАЧАТЬ1** являются фазовыми глаголами, так как указывают скорее на существование ситуации. Как начинательные глаголы они указывают на контактное начало ситуации, при котором начало действия не отличается от его продолжения.

Жест **СТОЯТЬ**⁷⁴ имеет исходное значение ‘находиться в вертикальном положении (о человеке)’ (58–59). Он может также выступать в функции показателя наступительности, указывая на качественное изменение состояния –

⁷⁴ Ведущая рука в конфигурации -П (см. Приложение 6) касается кончиками пальцев ладони вспомогательной руки, изображая стоящего человека.

‘стать гордым’ (60), ‘стать богатым’ (61), ‘стать слабым’ (62) и т.п. Во всех имеющихся в нашем материале примерах жест **СТОЯТЬ** в функции показателя наступительности сочетается только с неагентивными предикатами, обозначающими свойства (типа **СЛАБЫЙ**, **БОГАТЫЙ**, **СТАРЫЙ**) (60–62), и обозначает начало единичной ситуации. В то время как рассмотренные выше жесты **НАЧАТЬ** и **НАЧАТЬ¹** используются для обозначения контактного начала ситуации, когда начало действия не отличается от его продолжения, жест **СТОЯТЬ** указывает на эволютивное начало ситуации – накопление свойств, ведущее к качественному изменению ситуации.

(58) **СТОЯТЬ** INDX **ДВИГАТЬСЯ** НУЖНО:НЕ

‘Стой там, не двигайся’ (an-s13).

(59) INDX **МАЛЬЧИК** **УЛИЦА** **ВЫЙТИ** **СТОЯТЬ** **КУРИТЬ**

‘Тот парень вышел на улицу, стоит и курит’ (an-s12).

(60) **СОРЕВНОВАНИЯ** **КРАСИВЫЙ** INDX **ПОБЕДИТЬ** **СТОЯТЬ** **ГОРДЫЙ**

‘Она победила на конкурсе красоты и загордилась (букв.: стала гордой)’
(an-s13).

(61) **Я** **ДУМАТЬ** **НЕТ** INDX **СТОЯТЬ** **БОГАТЫЙ**

‘Не думал, что ты разбогатеешь’ (an-s15).

(62) INDX **МОЙ** **БРАТ** INDX **БОЛЕТЬ** **СОВСЕМ** **СТОЯТЬ** **СЛАБЫЙ**

‘Из-за болезни мой брат совсем ослабел’ (an-s15).

Развитие начинательного значения ‘стать’ у жеста **СТОЯТЬ**, по-видимому, произошло под влиянием русского языка, о чем свидетельствует и его исходное значение, и активное употребление в начинательном значении в калькирующей

жестовой речи. Однако, судя по нашим данным, в функции показателя начинательности жест СТОЯТЬ уже освоен русским жестовым языком – он достаточно частотен и в материалах, полученных от информантов, отрицательно относящихся к использованию калькирующей жестовой речи и предпочитающих «чистый» РЖЯ, без вкраплений заимствований из русского языка.

Таким образом, начинательность в РЖЯ кодируется при помощи трех глаголов, два из которых (НАЧАТЬ и НАЧАТЬ1) являются фазовыми, а один (СТОЯТЬ) – наступительным (см. Таблицу 7). Фазовые глаголы НАЧАТЬ и НАЧАТЬ1 различаются способностью кодировать агентивные/неагентивные ситуации (жест НАЧАТЬ обозначает начало как агентивных, так и неагентивных ситуаций, тогда как жест НАЧАТЬ используется только для обозначения агентивных ситуаций), способностью кодировать начало единичной/серийной ситуации (жест НАЧАТЬ может использоваться для выражения начала единичной ситуации и серии итеративных ситуаций, в то время как жест НАЧАТЬ1 указывает только на начало итеративной серии ситуаций), лабильностью (жест НАЧАТЬ характеризуется лабильностью, тогда как жест НАЧАТЬ1 – нет). Наступительный жест СТОЯТЬ может обозначать только начало единичного состояния.

Таблица 7. Сравнительная характеристика глаголов, служащих для выражения начинательности в РЖЯ

	Тип ситуации					Акциональный класс предиката	Лабиль- ность	Тип начала
	агент ив- ная	неаген тивная	един ич- ная	серийная				
				итеративно е НЗ	адвербиальное НЗ			
Начать	+	+	+	+	—	процесс/серия событий	+	контактное
Начать1	+	—	—	+	—	процесс	—	контактное
Стоять	—	+	+	—	—	состояние	—	эволютивн ое

В единичных случаях начинательное значение предиката может быть выражено синтетически, при помощи модификаций жеста. Нами выявлено шесть жестов, от которых при помощи морфологических средств могут быть образованы жесты с начинательным значением. Это жест с семантикой агентивного предельного дискретного процесса (ДЕЛАТЬ), жест с семантикой неагентивного предельного дискретного процесса (ГОРЕТЬ), жест с семантикой неагентивного непредельного дискретного процесса (КРИЧАТЬ), жест, принадлежащий к переходному классу предикатов с семантикой дискретных процессов-состояний (ПАХНУТЬ), жест с семантикой эпизодического состояния (СИДЕТЬ) и жест с семантикой устойчивого состояния (ЗНАТЬ).

Для образования начинательного значения используется иконическая модификация движения: движение вверх и/или увеличение амплитуды движения (как правило, в начальной фазе исполнения жеста). Кроме того, при образовании начинательных форм от жестов с семантикой дискретных ситуаций (ДЕЛАТЬ, ГОРЕТЬ, КРИЧАТЬ, ПАХНУТЬ) утрачивается внутренний повтор, содержащийся в структуре исходного жеста. По-видимому, это объясняется переходом жеста в акциональный класс событий. Как показано в разделе 2.2.1 Главы II, предикаты с семантикой событий в РЖЯ не содержат в своей фонологической структуре внутреннего повтора.

Так, от жеста ДЕЛАТЬ⁷⁵ при помощи увеличения амплитуды движения в начальной фазе исполнения жеста и утраты внутреннего повтора образуется жест ПРИНЯТЬСЯ.ЗА.ДЕЛО. В начальной фазе исполнения жеста ПРИНЯТЬСЯ.ЗА.ДЕЛО правая рука исполняет «замах», поднимаясь до уровня плеча, и один раз опускается на левую руку.

От жеста ГОРЕТЬ⁷⁶ при помощи модификации движения и утраты внутреннего повтора образуется жест ВСПЫХНУТЬ. Он представляет собой

⁷⁵ Руки сжаты в кулаки, кулак ведущей руки находится над кулаком вспомогательной руки; на уровне груди ведущая рука два раза слегка «постукивает» боковой поверхностью кулака по боковой поверхности кулака руки вспомогательной руки.

⁷⁶ Повторяющиеся на уровне груди горизонтальные круговые движения выпрямленных вверх указательного, среднего и безымянного пальцев; остальные пальцы сжаты в кулак.

резкое одиночное выбрасывание из кулака вверх указательного, среднего и безымянного пальцев.

От жеста КРИЧАТЬ⁷⁷ при помощи увеличения амплитуды движения и утраты внутреннего повтора образуется жест ЗАКРИЧАТЬ. При его исполнении руки совершают плавное одиночное движение ото рта снизу вверх по диагонали; конечная точка движения находится примерно на уровне лба.

От жеста ПАХНУТЬ⁷⁸ при помощи увеличения амплитуды движения в начальной фазе исполнения жеста и утраты внутреннего повтора образуется жест ЗАПАХНУТЬ. При его исполнении пальцы медленно раскрываются из кулака при одновременном плавном одиночном движении руки по направлению к носу снизу-вверх; начальная точка движения находится примерно в 40 см. от лица на уровне шеи.

От жеста СИДЕТЬ⁷⁹ при помощи увеличения амплитуды движения в начальной фазе исполнения жеста образуется жест СЕСТЬ. При его исполнении движение начинается на уровне лица.

От жеста ЗНАТЬ⁸⁰ при помощи модификации движения образуется жест УЗНАТЬ. При его исполнении указательный палец выбрасывается из кулака снизу-вверх по направлению к виску.

Образование начинательных форм от жестов ПАХНУТЬ, СИДЕТЬ, ЗНАТЬ при помощи морфологических средств обусловлено, по-видимому, ограничениями на их сочетаемость с аналитическими показателями начинательности. Данные жесты не являются предикатами с семантикой процессов, поэтому они не могут сочетаться с фазовыми жестами НАЧАТЬ и НАЧАТЬ¹. Не обозначают они и свойства, поэтому не могут сочетаться с жестом СТОЯТЬ.

⁷⁷ Обе руки у рта в конфигурации -Э (см. Приложение 6); руки совершают несколько повторяющихся синхронных движений ото рта снизу-вверх по диагонали; конечная точка движения находится примерно на уровне носа.

⁷⁸ Раскрытая ладонь совершает несколько коротких «обмахивающих» движений снизу-вверх по направлению к носу; начальная точка движения находится примерно в 15-ти см. от лица на уровне рта.

⁷⁹ Указательные пальцы согнуты, остальные сжаты в кулак, ладони повернуты вниз; руки совершают короткое движение вниз на уровне груди.

⁸⁰ Указательный палец выпрямлен, остальные сжаты в кулак; указательный палец подносится к виску и опускается вниз-вперед.

Жесты ДЕЛАТЬ, ГОРЕТЬ и КРИЧАТЬ обозначают процессы, поэтому в принципе могут сочетаться с фазовыми глаголами. Однако жесты с начинательным значением, образованные от данных жестов при помощи модификаций движения, имеют дополнительный компонент в семантике: указание на резкое начало и интенсивное последующее развитие ситуации (ВСПЫХНУТЬ, ЗАКРИЧАТЬ).

Модификации движения жеста, используемые для передачи семантики начинательности, хотя и различны для разных жестов, делятся на два типа: 1) выбрасывание или постепенное раскрытие из кулака пальцев, ориентированных кончиками вверх (ГОРЕТЬ, УЗНАТЬ, ЗАПАХНУТЬ), 2) увеличение амплитуды движения сверху вниз путем расположения руки в точке выше, чем при исполнении исходного жеста (СЕСТЬ, ПРИНЯТЬСЯ.ЗА.ДЕЛО). Как нам кажется, первый тип модификаций жеста является одной из возможных реализаций типичной языковой метафоры «начало – это движение вверх». Как отмечается в [Майсак 2005], для звуковых языков типична связь показателей начинательного значения с обозначением движения вверх [Ук. соч.: 374].

Начинательное значение единичной ситуации может передаваться жестами, не имеющими деривационных отношений с жестом, обозначающим исходную ситуацию. Например, жесты УСНУТЬ и ПРОСНУТЬСЯ по своим параметрам полностью отличаются от соответствующего им жеста СПАТЬ. Жест СПАТЬ выполняется следующим образом: рука прижата ладонью к щеке и уху, голова наклонена к руке, глаза закрыты. При исполнении жеста УСНУТЬ руки сменяют конфигурацию -Л⁸¹ на конфигурацию -П на уровне глаз на расстоянии 2-3 см. от лица; кисть руки ориентирована ладонью к говорящему. Жест ПРОСНУТЬСЯ выполняется так же, за исключением того, что конфигурация -П меняется на конфигурацию -Л. Жест ВСТАТЬ по фонологическим параметрам отличается от соответствующего ему жеста СТОЯТЬ. При исполнении жеста СТОЯТЬ ведущая рука в конфигурации -П касается кончиками пальцев ладони

⁸¹ См. Приложение 6.

вспомогательной руки, изображая стоящего человека. Жест ВСТАТЬ выполняется следующим образом: руки в конфигурации -У совершают внутреннее движение из положения «пальцами вверх» в положение «пальцы от говорящего» (мизинец и большой палец изображают ноги говорящего).

По нашим данным, жесты, образованные от жестов со значением состояний и процессов при помощи модификации движения, и «неоднокоренные» жесты с начинательным значением обозначают неконтактное начало ситуации – когда начало действия отлично от его продолжения. В структуре некоторых жестов отличие начала действия от его продолжения изображается иконически – например, при исполнении жеста ЗАПАХНУТЬ руки изображают постепенное распространение запаха, движущегося к носу говорящего, у жеста ВСПЫХНУТЬ изображается мгновенная вспышка огня, жест УСНУТЬ изображает закрывающиеся глаза.

Русский жестовый язык – бесписьменный и в большой степени ориентирован на ситуацию общения «здесь и сейчас». По-видимому, именно поэтому начинательное значение в нем не всегда получает специальное обозначение, будучи ясным из контекста. Так, в наших материалах, полученных путем анкетирования, начинательность, заложенная в предложениях на русском языке, часто не получала специального обозначения в соответствующих переводах этих предложений информантами на РЖЯ. Однако, когда мы предъявляли полученные предложения на РЖЯ другим информантам, они интерпретировали их как такие, в которых речь идет о начале ситуации (63–66). С помощью контекста может обозначаться начало процесса (63–65) или состояния (66). Агентивность/неагентивность ситуации, единичность/серийность начинательного значения не влияют на возможность выражения начинательности с помощью контекста.

(63) ПАПА ПРИЙТИ БАЛКОН КУРИТЬ

‘Папа вышел на балкон и закурил’ (ap-s15).

(64) ПОЕЗД БЫСТРЫЙ СКОРОСТЬ

‘Поезда начали ходить быстрее’ (an-s15).

(65) INDX МАМА ОБИДА РАЗГОВАРИВАТЬ НЕ / INDX МЕСЯЦ

СКОЛЬКО МНОГО ОТРЕЗОК.ВРЕМЕНИ // ВСТРЕТИТЬСЯ РАЗГОВАРИВАТЬ

‘Несколько месяцев мама обижалась на сестру, но потом, наконец, заговорила с ней’ (an-s15).

(66) СУББОТА ДЕНЬ МЫТЬ УЛИЦА ЧИСТЫЙ

‘После субботника на улицах стало чисто’ (an-s15).

Если начинательное значение не совсем ясно из контекста, то может оно может уточняться при помощи конструкции «раньше/давно было *X*, сейчас *Y*», причем обе части высказывания располагаются в хронологическом порядке (67–69). Данная конструкция в точности соответствует описанию начинательного значения, данному И.М. Богуславским, – ‘раньше не было *P*, сейчас *P*’ [Богуславский 1998: 14]. С помощью данной конструкции может обозначаться эволютивное начало единичной ситуации (начало состояния, приобретение свойства) (67) или начало серии (68–69). Указанная конструкция используется и для выражения серийного начинательного значения: итеративного (68) и адвербиального (69).

(67)INDX БРАТ INDX БОЛЕТЬ БЫТЬ:PAST / СЕЙЧАС ЗДОРОВЫЙ

‘Брат уже окреп после болезни’ (an-s15).

(68) ДАВНО НОРМАЛЬНЫЙ СЕЙЧАС ХУЖЕ РАЗНЫЙ АВТОБУС

ТРОЛЛЕЙБУС РАЗНЫЙ ОДИНАКОВЫЙ СПУСТЯ.РУКАВА СМОТРЕТЬ ЕЩЕ ХУЖЕ

‘Общественный транспорт стал работать хуже’ (an-s15).

(69) ПТИЦА **БЫТЬ:PAST** ЗИМА ОСТАВАТЬСЯ+(r/s) **БЫТЬ:PAST** /
СЕЙЧАС ПОПАСТЬ Ю-Г УЙТИ

‘Птицы раньше оставались на зиму, а сейчас стали улетать на юг’ (an-s14).

Таким образом, начинательное значение в РЖЯ может выражаться:

- 1) аналитически, при помощи фазовых жестов НАЧАТЬ и НАЧАТЬ¹ и наступительного жеста СТОЯТЬ; 2) синтетически, при помощи модификации движения или супплетивных форм; 3) при помощи контекста или конструкции «раньше/давно было X, сейчас Y». Самыми частотными являются аналитические показатели начинательности. Фазовые глаголы НАЧАТЬ и НАЧАТЬ¹ указывают на момент возникновения ситуации, до этого не имевшей места, и соотносятся с контактным началом ситуации. Жест СТОЯТЬ указывает на эволютивное начало ситуации, характеризующееся накоплением свойств и переход в новое качественное состояние. Синтетические способы выражения начинательного значения используются ограниченно, только для некоторых жестов, и кодируют неконтактное начало ситуации. Начинательное значение также может передаваться с помощью контекста.

Как показывает наше исследование, выбор показателя начинательности в РЖЯ зависит от нескольких факторов – акционального класса предиката, единичности/серийности ситуации, агентивности/неагентивности ситуации, см. Таблицу 8.

Таблица 8. Факторы, влияющие на выбор показателя начинательности в РЖЯ

	Тип ситуации					Акциональный класс предиката	Тип начала ситуации
	еди- нич- ная	серийная		аген- тивная	неаген- тивная		
		итератив- ное НЗ	адверби- альное НЗ				
жест НАЧАТЬ	+	+	—	+	+	процесс/серия	контактное

						событий	
жест НАЧАТЬ1	–	+	–	+	–	процесс	контактное
жест СТОЯТЬ	+	–	–	–	+	состояние	эволютивное
модификация жеста	+	–	–	+	+	процесс/состояние	неконтактное
конструкция 'раньше/давно было X, сейчас Y'	+	+	+	+	+	процесс/состояние	эволютивное

3. Срединная стадия ситуации и фаза продолжения ситуации

3.1. Срединная стадия ситуации, фаза продолжения ситуации и способы их обозначения

В звуковых языках

В аспектологических исследованиях выделяется несколько значений, кодирующих срединную стадию ситуации, – прогрессив, дуратив и имперфектив. Различие между значениями прогрессива и дуратива заключается в том, что показатель прогрессива может обозначать только срединную стадию динамической ситуации (англ. *I'm cooking dinner right now* 'В настоящий момент я готовлю ужин'; **The food is smelling delicious* 'Еда вкусно пахнет'), тогда как показатель дуратива обладает более широкой дистрибуцией, маркируя срединную стадию и динамических, и статических ситуаций [Comrie 1976: 32–40; Плунгян 2003: 300]. Показатели имперфектива, наряду с обозначением срединной стадии ситуации, могут кодировать также хабитуальное и итеративное значение (*Я сейчас готовлю ужин; В нашей семье обычно я готовлю ужин; Раз в неделю я готовлю ужин*) [Плунгян 2003: 300].

Значения прогрессива, дуратива и имперфектива связаны диахронически: в [Bybee et al. 1994: 139] высказывается предположение, что показатели прогрессива могут развиваться в показатели дуратива, а показатели дуратива, в свою очередь, становиться показателями имперфектива. При этом процесс семантической эволюции показателей указанных значений сопровождается их формальными изменениями: значение прогрессива чаще выражается аналитическими средствами [Dahl 1985: 93; Bybee, Dahl 1989: 56], тогда как значение имперфектива чаще кодируется с помощью синтетических средств

[Bybee, Dahl 1989: 56]. Диахронической близостью значений прогрессива, дуратива, имперфектива объясняется одинаковый круг лексических источников их показателей [Bybee et al. 1994: 129]. Лексическими источниками показателей прогрессива являются преимущественно языковые единицы, указывающие на местонахождение: предлоги и послелогов 'в', 'на', глаголы 'сидеть', 'стоять', 'лежать', 'оставаться', 'жить', 'находиться' [Ук. соч.: 129]. Существование специализированных показателей дуратива ставится под вопрос в [Bybee et al. 1994] и [Dahl 1985]: типологические исследования средств выражения прогрессива и дуратива не обнаруживают четкого разграничения данных значений и средств их выражения.

Близким к значениям, указывающим на срединную стадию ситуации, является фазовое значение континуатива – указание на одну из логически возможных фаз ситуации: ее продолжение ('*P* продолжается/не прекращается / все еще *P*') [Bybee et al. 1994: 127; Плунгян 2011: 419]. В звуковых языках континуативное значение часто совмещается с итеративным и фреквентативным в рамках одного показателя [Bybee et al. 1994: 164]. Лексическими источниками показателей континуатива чаще всего становятся языковые единицы со значением 'оставаться', 'находиться в определенном месте' [Heine, Kuteva 2004].

3.2. Срединная стадия ситуации и фаза продолжения ситуации в существующих исследованиях жестовых языков

По нашим данным, специальных исследований средств выражения срединной стадии ситуации в жестовых языках не проводилось; некоторые из указанных средств лишь упоминаются в описаниях жестовых языков. В работе Э. Маруни, посвященной исследованию аспектуальности в американском жестовом языке, отмечается, что средств выражения прогрессива и имперфектива в американском жестовом языке ею обнаружено не было [Maroney 2004: 248]. Попытка исследования средств выражения срединной

фазы ситуации на материале русского жестового языка была предпринята в курсовой работе, выполненной в МГУ в 2006 году А. Львовской. В данном исследовании, посвященном видовойременной системе РЖЯ, высказывается предположение, что показателем имперфектива является многократный повтор глагольной основы [Львовская 2006], однако нашими данными эти выводы не подтверждаются.

Показатели континуатива отмечаются в [Maroney 2004]. По данным Э. Маруни, континуативное значение в ASL кодируется с помощью редупликации в сочетании с модификациями жеста или немануальными маркерами. В указанной работе выделяется два способа выражения континуатива в ASL: редупликация в сочетании с круговым движением и редупликация в сочетании с аркообразным движением и немануальным маркером (губы говорящего находятся в позиции, характерной для артикуляции звука «м»). Иногда модифицированный жест может сопровождаться лексическими показателями MORE ‘больше’ и CONTINUE ‘продолжать’ [Maroney 2004: 248–249].

3.3. Показатели срединной стадии ситуации и фазы продолжения ситуации в русском жестовом языке

Наше исследование показывает, что в РЖЯ специальные показатели срединной стадии ситуации отсутствуют. Имперфективная интерпретация предиката прежде всего зависит от его акционального класса: жесты со значением состояний всегда обозначают имперфективные ситуации, а жесты процессов в зависимости от контекста кодируют единичные дуративные ситуации (70–75), итеративные ситуации (см. раздел 3.1.2 главы IV) или перфективные ситуации (см. раздел 4.4 настоящей главы).

(70) С-Е-Р-И-А-Л-Ы **ЛЮБИТЬ** СМОТРЕТЬ

‘Я люблю смотреть сериалы’ (n-s4).

- (71) СПИЧКА ОГОНЬ П-О-Ж-А-Р ДЕРЖАТЬ.ЛОМ / ВЕДРО ЛОМ КРЮК
РАЗНЫЙ ХВАТАТЬ+++ (r/dbl/alt) УНИЧТОЖИТЬ ВЗЯТЬ ДЕРЖАТЬ.ЛОМ
ЖДАТЬ/ С-Е ПРИЙТИ
‘Там пожарный щит, мы похватили с него лом, ведро, крюк, ничего не оставили, стоим с оружием, ждем, тут Сева пришел’ (n-s19).
- (72) МАМА INDX СЫН ВМЕСТЕ INDX **ВАРИТЬ**
‘Мама и сын вместе готовили еду’ (b-s12).
- (73) ИТОГ ГОД:ДВА **УЧИТЬСЯ** КРАСНОЯРСК
‘В общем, два года я училась в Красноярске’ (n-s22).
- (74) ДЕВУШКА КРАСИВЫЙ **ШАГАТЬ**
‘Идет красивая девушка’ (b-s13).
- (75) ВМЕСТЕ ВСЕГДА Я **УЧИТЬ:ЛОС** ЖЕСТОВЫЙ.ЯЗЫК
‘[Мы с внучкой] постоянно были вместе, я учила ее жестовому языку’ (n-s4).

От большинства жестов со значением событий невозможно образовать жесты, обозначающие единичную дуративную ситуацию. Наш материал содержит лишь единичные примеры образования жеста с семантикой процесса от жеста с семантикой: например, с помощью замедления движения⁸² от жеста ИЗМЕНИТЬ образуется жест со значением ‘меняться’, передающий семантику процесса. Ср. (76), где длительность исполнения жеста составляет 0,46 сек., и

⁸² См. также раздел 2.3.2 Главы II, где показано, что в ряде случаев замедление движения используется как показатель процессуальности: с помощью замедления движения от некоторых жестов со значением событий и состояний образуются жесты со значением процессов.

записанный от того же информанта пример (77), где длительность составляет 0,9 сек.

(76) У:ЛОС СЕКУНДА НАСТРОЕНИЕ **ИЗМЕНИТЬ** / ЧТО СЛУЧИТЬСЯ
НЕ.ПОНИМАТЬ

‘У нее внезапно изменилось настроение. Не понимаю, что произошло’ (ap-s13).

(77) РОССИЯ INDX ПОГОДА ПОСТЕПЕННО **ИЗМЕНИТЬ(cm/sl)**

‘В России постепенно меняется климат (ap-s13).

Возможность образования жестов с семантикой дуратива от жестов, принадлежащих к акциональному классу событий, дополнительно проверялась нами путем опроса трех информантов. Информантам были предложены для перевода высказывания, подразумевающие обозначение единичной дуративной ситуации ‘помогать’ и ‘убивать’ (жесты ПОМОЧЬ и УБИТЬ в РЖЯ принадлежат к акциональному классу событий). Опрос информантов показал, что жесты со значением процессов от жестов ПОМОЧЬ и УБИТЬ в РЖЯ не образуются. Информанты независимо друг от друга предлагали варианты перевода предъявленных им высказываний, в которых предикаты со значением событий ПОМОЧЬ и УБИТЬ заменялись «неоднокоренными» жестами, обозначающими процессы. При этом чаще всего информантами употреблялся жест ДЕЙСТВОВАТЬ (78–79), обозначающий любую деятельность вообще. Реже использовался жест, описывающий конкретную ситуацию (например, ситуация ‘убивал’ конкретизировалась информантом как ‘душил’ (80), ‘топил’ и т.д.).

(78) ДЕВУШКА ВЕСТИ.МАШИНА СМОТРЕТЬ НУЖНО ПОМОЧЬ /
ВЫЙТИ.ИЗ.ТРАНСПОРТА **ДЕЙСТВОВАТЬ** // МАШИНА УГНАТЬ

‘Девушка ехала на машине, увидела, что [там, на дороге] нужна помощь, вышла из машины, и пока она помогала (букв. действовала), ее машину угнали’ (an-s3).

(79) ПАРЕНЬ ХОТЕТЬ УБИТЬ ПОКА INDX ДЕЙСТВОВАТЬ // СОСЕДИ
ВЫЗВАТЬ ПОЛИЦИЯ

‘Парень хотел убить [девушку], пока он ее убивал (букв. действовал), соседи вызвали полицию’ (an-s10).

(80) ПАРЕНЬ ДЕВУШКА ДУШИТЬ++ / СОСЕДИ СМОТРЕТЬ ВЫЗВАТЬ
ПОЛИЦИЯ

‘Пока парень убивал девушку (букв. душил), соседи увидели и вызвали полицию’ (an-s6).

Фазовое значение континуатива кодируется в РЖЯ при помощи жестов НЕ.ПЕРЕСТАВАТЬ, ПРОДОЛЖАТЬ, ОСТАВАТЬСЯ, ПО-ПРЕЖНЕМУ, ДО.СИХ.ПОР. Выбор показателя континуатива зависит от динамичности/статичности предиката, продолжения описываемой ситуации без перерыва/после перерыва.

Жесты НЕ.ПЕРЕСТАВАТЬ и ПРОДОЛЖАТЬ являются функциональными аналогами фазовых глаголов в звуковых языках. Жест НЕ.ПЕРЕСТАВАТЬ⁸³ используется для обозначения продолжения не прерывавшейся динамической ситуации (81–82).

(81) ТЕМНЫЙ / ДЕВОЧКА НЕ.ПЕРЕСТАВАТЬ СОБАКА ВЕСТИ.НА.ПОВОДОКЕ
НЕ.ПЕРЕСТАВАТЬ

‘[На улице] темнеет, а девочка до сих пор гуляет с собакой’ (an-s6).

(82) НЕ.ПЕРЕСТАВАТЬ ДА ПОСТОЯННО УЧИТЬСЯ Я НЕ.ПЕРЕСТАВАТЬ

⁸³ Рука в конфигурации -Н (см. Приложение 6), повернутая ладонью вверх, на уровне груди совершает повторяющиеся горизонтальные круговые движения.

‘Да, я все еще учу [английский]’ (n-s22).

Жест ПРОДОЛЖАТЬ⁸⁴ используется для обозначения динамической ситуации после перерыва (83–84). В (83) ситуация продолжается после перерыва на отдых, в (84) ситуация продолжается после перерыва на сон. В [Стойнова 2012] аналогичное значение интерпретируется как «рефактивный континуатив» (‘*P* продолжается после перерыва’).

(83) я РЕШИТЬ ОТДЫХАТЬ и ПРОДОЛЖАТЬ ИСКАТЬ

‘Я решил отдохнуть и продолжать искать [ключи]’ (an-s12).

(84) я СПАТЬ УЖЕ_{PRF} ПРОСНУТЬСЯ МОЗГ ХОРОШИЙ РАБОТАТЬ СЕЙЧАС
ПРОДОЛЖАТЬ ДИПЛОМ ДЕЛАТЬ

‘Я поспал, проснулся, голова хорошо работает, сейчас продолжаю писать диплом’ (an-s13).

Жест ОСТАВАТЬСЯ является направленным глаголом⁸⁵. Он имеет конфигурацию -Н⁸⁶, а ориентация руки может меняться в зависимости от реальной или условной локализации референта. Например, в (85) при выражении значения ‘остается там (в деревне)’ рука немного выпрямлена, поднята на уровень подбородка и обращена ладонью от говорящего. В (86) при передаче значения ‘на мне’ рука обращена ладонью к говорящему и почти касается груди. В (90) при передаче значения ‘все еще там’ ведущая рука направлена на вспомогательную руку, передающую значение ‘дом’. Жест ОСТАВАТЬСЯ используется только при кодировании значения продолжения

⁸⁴ Ведущая рука проводит ладонью по вспомогательной руке, перебирая пальцами.

⁸⁵ К направленным глаголам (spatial verbs) относятся жесты, в которых направление движения или ориентация являются значимыми: они могут модифицироваться, кодируя таким образом локализацию референта или действия.

⁸⁶ См. Приложение 6.

ситуации локализации ‘продолжать оставаться/продолжать пребывать в том же месте’, ср. (85–91).

(85) БАБУШКА ДО.СИХ.ПОР ЖИТЬ ДЕРЕВНЯ **ОСТАВАТЬСЯ:ЛОС++**⁸⁷

‘Бабушка до сих пор живет в деревне’ (an-s13).

(86) INDX **ОСТАВАТЬСЯ:1PS** ДЖИНСЫ **ОСТАВАТЬСЯ:1PS** КОФТА Я ЭТО

СПАТЬ ОДЕЯЛО **ОСТАВАТЬСЯ:1PS** ПО-ПРЕЖНЕМУ **ОСТАВАТЬСЯ:1PS**

‘(Холодно, поэтому не раздевались.) Джинсы, кофта постоянно были на мне, спал под одеялом в одежде (букв.: [джинсы и кофта] по-прежнему продолжают оставаться на мне)’ (n-s20).

(87) Я БЫТЬ:PAST ПЕРЕЕХАТЬ НОВЫЙ // ВЕЩИ **ОСТАВАТЬСЯ:ЛОС++** НУЖНО
РАЗОБРАТЬ ЧТО ПЕРЕСТАВИТЬ НУЖНО

‘Мы переехали на новое [место], а вещи так и лежат [в коробках], нужно и разобрать, разложить’ (an-s13).

(88) Я ВОДА ЧИСТИТЬ НУЖНО ДЕЛАТЬ.ЧТО-ТО ИДТИ МЕСТО УДОБНЫЙ

НЕ ВАННА БРОСИТЬ ЧИСТИТЬ МОЧЬ СТИРАТЬ // ДУМАТЬ МОЧЬ

БРОСИТЬ:ЛОС **ОСТАВАТЬСЯ:ЛОС** INDX PRTCL

‘Я чистил водой [памперс], нужно было что-то сделать, место неудобное, пошел в ванную бросил, постирал. Думаю, можно оставить, пусть лежит там’ (n-s19).

(89) INDX КЛЮЧ ПУСТЬ КЛЮЧ ПОВЕРХНОСТЬ INDX БРАТЬ НУЖНО:НЕ

ПУСТЬ **ОСТАВАТЬСЯ:ЛОС**

‘Пусть ключи здесь лежат, не нужно их брать, пусть лежат здесь’ (an-s12).

⁸⁷ Простая редупликация жеста с семантикой состояния используется для выражения значения «положительной» длительности (см. раздел 3.2 Главы IV). Здесь – ‘остаётся и остаётся на том же месте’.

(90) ДОМ СТРОИТЬ / ДОМ СНЕСТИ НОВЫЙ

МНОГОЭТАЖНОЕ.ЗДАНИЕ(r/dbl/alt) ДОМ=ОСТАВАТЬСЯ++⁸⁸

‘Я дом построил, а рядом дома снесли, построили новые, многоэтажные, а [мой] дом так и стоит’ (an-s10).

(91) ЭХ Я ОТРЕЗОК.ПУТИ СКАКАТЬ // ОСТАВАТЬСЯ:ЛОС / INDX

ДЕВУШКА=CLF:ЧЕЛОВЕК:ТРИ ОСТАВАТЬСЯ:ЛОС МАЛЬЧИК А-Н-Я

ОСТАВАТЬСЯ:ЛОС / ДЕРЖАТЬ.ВОЖЖИ СКАКАТЬ УЙТИ

‘Мы проскакали какую-то часть пути, [один из моих спутников говорит]: «Оставайтесь здесь». Из троих человек я и Аня остались там, а он ускакал’ (n-s17).

Жесты ПО-ПРЕЖНЕМУ и ДО.СИХ.ПОР представляют собой функциональные аналоги наречий.

Жест ПО-ПРЕЖНЕМУ⁸⁹ используется для обозначения продолжения статичной ситуации (92). При этом данный жест может сочетаться и с динамическим глаголом, но ситуация, описываемая этим глаголом, будет интерпретироваться как хабитуальная и, соответственно, статичная (93).

(92) СЫН ЛЮБИТЬ ДОЧЬ ЛЮБИТЬ Я ПО-ПРЕЖНЕМУ ЛЮБИТЬ

‘[Хотя оказалось, что они мне неродные], я по-прежнему люблю сына и дочь’ (n-s17).

(93) ТАКОЙ.ЖЕ ЗАВОД РАБОТАТЬ ПО-ПРЕЖНЕМУ

‘[Получила аттестат]. Продолжала работать на заводе’ (n-s4).

⁸⁸ При помощи условного обозначения «=» передается одновременное исполнение разных жестов разными руками. См. также список условных обозначений в глоссах в Приложении 5.

⁸⁹ Обе руки в конфигурации -Е (см. Приложение 6), кисти рук обращены навстречу друг другу, ладонями вниз; руки несколько раз соприкасаются кончиками пальцев.

Жест ДО.СИХ.ПОР⁹⁰ используется для указания на продолжение единичной ситуации без перерыва: как статичной (94), так и динамической (95).

(94) INDX ОГОНЬ INDX СПАТЬ ДО.СИХ.ПОР СПАТЬ

‘Там пожар (букв. огонь), а он (пожарник) все спит и спит’ (m-s12).

(95) ЖЕНА ТАКОЙ.ЖЕ СПОРИТЬ РУГАТЬСЯ ДО.СИХ.ПОР

‘[Мужчина говорит жене: «Да мы просто курим, давно с другом не виделись, болтаем»]. А жена все равно спорит с ним, продолжает ругаться’ (b-s12).

Рассмотренные показатели континуатива могут сочетаться между собой. Так, например, в (85) глагол ОСТАВАТЬСЯ сочетается с наречием ДО.СИХ.ПОР, а в (86) – с наречием ПО-ПРЕЖНЕМУ. Однако имеются определенные ограничения на сочетаемость показателей континуатива, обусловленные их семантикой. Так, фазовый глагол НЕ.ПЕРЕСТАВАТЬ не может сочетаться с наречием ПО-ПРЕЖНЕМУ, поскольку данные жесты противопоставлены как показатели динамического и статичного/хабитуального континуатива. Фазовый глагол ПРОДОЛЖАТЬ не сочетается с другими показателями континуатива, так как содержит дополнительное указание на продолжение ситуации после перерыва, а остальные показатели континуатива обозначают ситуацию, продолжающуюся без перерыва.

Таким образом, в русском жестовом языке отсутствуют специализированные показатели дуратива: данное значение определяется акциональным классом предиката. В русском жестовом языке функционируют пять показателей континуатива (фазовые глаголы НЕ.ПЕРЕСТАВАТЬ, ПРОДОЛЖАТЬ, кодирующие продолжение динамической ситуации; глагол ОСТАВАТЬСЯ, кодирующий продолжение ситуации локализации, а также

⁹⁰ Ладонь ведущей руки проводит по ладони вспомогательной руки, после чего кисть ведущей руки в конфигурации -Ж (см. Приложение 6) внешней стороной пальцев кладется на ладонь вспомогательной руки.

функциональные аналоги наречий ПО-ПРЕЖНЕМУ, ДО.СИХ.ПОР), позволяющих разграничивать динамический/статичный континуатив и простой/рефактивный континуатив.

4. Конец ситуации

4.1. Показатели конца ситуации в звуковых языках

В аспектологических исследованиях различаются два типа конца ситуации, которые обычно разграничиваются в системе грамматических форм или лексически: достижение естественного предела и завершение, вызванное внешними обстоятельствами [Comrie 1976: 18; Князев 2007: 373].

Наиболее распространенным для первого из указанных значений является термин **комплетив**⁹¹. **Комплетив** выделяется из ряда перфективных значений тем, что содержит специальное указание на то, что действие завершено полностью и до конца. Показатель комплетива используется для описания ситуаций, в которых объект действия полностью подвергся влиянию, например, он поглощен или уничтожен (рус. *доделать*, англ. *eat up* 'съесть все до конца') [Bybee et al. 1994: 54]. По данным, приводимым в [Bybee et al. 1994: 57–61] комплетивное значение в языках мира обычно выражается при помощи грамматических и лексико-грамматических средств. Самыми распространенными лексическими источниками показателей комплетива являются глаголы со значением 'закончить' и 'поместить в' [Ук. соч: 58].

Для второго из упомянутых выше значений не существует устоявшегося лингвистического термина, так как, по-видимому, оно очень редко имеет специализированные средства выражения и рассматривается в аспектологической литературе как отдельное значение. В [Князев 2007: 373] для значения завершения ситуации, вызванного внешними обстоятельствами, используется термин «слабая комплетивность».

⁹¹ В лингвистической литературе используются и другие термины для обозначения данного значения: например, в [Князев 2007] используется термин «сильная комплетивность».

В литературе по жестовым языкам завершение ситуации в результате достижения ее естественного предела и завершение, вызванное внешними обстоятельствами, традиционно разграничиваются как *completion* ‘завершение ситуации’ и *termination* ‘прерывание ситуации’, и для их обозначения используются термины «комплетив» и «терминатив» соответственно, см., например, [Meir 1999; Tang 2009]. Поэтому в настоящем исследовании для значения окончания ситуации, достигшей естественного предела, мы, вслед за [Bybee et al. 1994; Плунгян 1998], будем использовать термин **комплетив**, а для значения окончания ситуации в результате внешних обстоятельств, – термин **терминатив**.

Близким к указанным значениям является значение **конечной фазы** ситуации, которое, с точки зрения В.А. Плунгяна, содержит указание на два момента времени: данный момент (в котором ситуация уже не имеет места) и предшествующий ему момент (в котором ситуация имеет место) [Плунгян 2011: 418–419].

4.2. Показатели конца ситуации в существующих исследованиях жестовых языков

Показателям, маркирующим конец ситуации, в исследованиях жестовых языков уделяется достаточно много внимания. Эти исследования показывают, что конец ситуации преимущественно выражается при помощи аналитических показателей – служебных жестов. Как правило, эти жесты многозначны: их базовым значением обычно является значение комплетива или терминатива, на базе которого развиваются значения прошедшего времени, перфекта, результатива, перфектива, экспериенциальности.

Необходимо отметить, что, судя по имеющимся описаниям, в разных жестовых языках набор показателей конца ситуации может быть разным (от одного до четырех), при этом в разных языках каждый показатель имеет свой набор значений (сравнительная характеристика служебных жестов,

кодирующих конец ситуации в разных жестовых языках, представлена в Таблице 9). Так, в израильском жестовом языке для выражения значения комплетива используется жест FINISH, а для обозначения терминатива жест ALREADY [Meir 1999: 50]. В других языках оба названных значения могут кодироваться одним жестом. Например, в гонконгском жестовом языке интерпретация жеста FINISH зависит от акционального типа предиката: в сочетании с предельными процессами он может выражать значение комплетива или терминатива, а в сочетании с неопределенными процессами – только значение терминатива [Tang 2009].

Источниками аналитических показателей конца ситуации обычно являются однозначные жесты с лексическим значением ‘закончить’, ‘уже’, ‘готово’, ‘было’. В родственных жестовых языках эти жесты часто имеют формальное и семантическое сходство, однако при этом могут иметь разный набор выражаемых ими значений⁹². Формально грамматикализация данных жестов проявляется в том, что они занимают определенную позицию по отношению к основному глаголу. В роли служебных показателей данные жесты могут также подвергаться фонологической редукции. Например, жест SUDAN2 ‘закончено’ (руки поворачиваются из положения ладонями вниз в положение ладонями вверх) в жестовом языке Соло и Макассара в служебной функции утрачивает смену ориентации ладоней – выполняется только финальная часть жеста (руки расположены ладонями вверх) [Palfreymen 2013: 156]. Некоторые жесты, маркирующие конец ситуации, могут ассимилироваться знаменательному жесту по какому-либо параметру: так, индопакистанский жест NO_GAYA ‘завершить’ и жест SUDAN2 ‘закончено’ в жестовом языке Соло и Макассара меняют свою локализацию в зависимости от локализации знаменательного глагольного жеста [Zeshan 2000: 64; Palfreymen 2013: 157]. Отмечается и тенденция к включению служебных жестов в состав знаменательного жеста. Например, греческий жест DONE ‘сделано’ и

⁹² Они также зачастую по-разному обозначаются в разных лингвистических работах.

индопакистанский жест HO_GAYA ‘завершить’ могут морфологизироваться: знаменательный и служебный жесты превращаются в единую языковую единицу, сами служебные жесты при этом редуцируются [Vletsi, Stravrakaki 2008: 594; Zeshan 2000: 64].

Таблица 9. Сравнительная характеристика значений, выражаемых аналитическими показателями конца ситуации в жестовых языках⁹³

		Прошед- шее время	Пер- фектив	Компл- етив	Термина- тив	Пер- фект	Резуль- татив	Экспери- енциалис	Лими- татив
ASL ⁹⁴	FINISH ‘закончить’		+	+		+		+	
	END ‘конец’				+				
ISL	ALREADY ‘уже’				+	+		+	
	FINISH ‘закончить’			+					
BSL	BEEN ‘было’			+					
HKSL	FINISH ‘закончить’		+	+	+			+	
GSL	DONE ‘сделано’			+					
	BEEN ‘было’		+						
LIS	FATTO ‘сделано’	+		+		+			
TID	TAMAM ‘сделано, готово’								
	BITTI ‘закончить’								
	OLMAK ‘быть, становиться’						+		
IPSL	XAMAM1 ‘закончить’			+					
	XAMAM2 ⁹⁵ ‘закончить’			+	+				
	HO_GAYA ‘завершить’			+					
SLSM	SUDAN1 ‘исчезнуть’					+		+	
	SUDAN2 ‘закончено’		+			+			
	SUDAN3 ‘только’								+
	SUDAN4 ⁹⁶ ‘готово’		+						

⁹³ Сопоставление проводилось нами на основе описаний показателей конца ситуации, представленных в [Sutton-Spence, Woll 1999; Meir 1999; Meir, Sandler 2008, Vally, Lucas 2000; Grose 2003; Maroney 2004; Duffy 2007; Zeshan 2000, 2003; Zucci 2003, 2010; Vletsi, Stravrakaki 2008; Tang 2009; Palfreymen 2013].

⁹⁴ Обозначения жестовых языков приводятся в Приложении I.

⁹⁵ В описаниях индопакистанского жестового языка встречаются два жеста, служащих для обозначения конца ситуации. Оба жеста обозначаются на хинди XAMAM, так как сопровождаются артикуляцией этого слова.

⁹⁶ В описаниях жестового языка Соло и Макассара встречаются четыре жеста, служащих для обозначения конца ситуации: данные жесты обозначаются на индонезийском языке SUDAN, так как сопровождаются артикуляцией слова *sudah* ‘уже’ – показателя конца ситуации в индонезийском звуковом языке.

Гораздо реже в литературе, посвященной жестовым языкам, отмечается использование модификации параметров жеста для обозначения конца ситуации. Такой способ кодирования комплетивного значения выявлен в турецком жестовом языке [Zeshan 2003]. В указанной работе данная модификация описывается как «одиночное удлиненное траекторное движение, сопровождающееся одиночным кивком головы или наклоном корпуса тела вперед» [Ук. соч.: 51]. Различия между комплетивной и некомплетивной формами жеста зависят от конкретного глагольного жеста, но обязательным компонентом комплетивной модификации в турецком жестовом языке является одиночное акцентированное движение. Если жест в исходной форме содержит внутренний повтор, то при образовании жеста с комплетивным значением он утрачивается; если жест в исходной форме содержит одиночное движение, то оно становится более протяженным и напряженным [Ук. соч.: 53].

Уникальный для жестовых языков способ обозначения конца ситуации отмечается в жестовом языке Соло и Макассара. Исполнение мануальных показателей конца ситуации в этом языке сопровождается артикуляцией слова *sudah* 'уже' – показателя конца ситуации в индонезийском звуковом языке. В некоторых случаях конец ситуации может обозначаться лишь артикуляцией, без использования мануальных показателей [Palfreymen 2013: 159–160].

Показатели конца ситуации в русском жестовом языке не исследовались. В [Зайцева, Фрумкина 1981] лишь упоминается о наличии в РЖЯ специализированных жестов, занимающих постпозицию по отношению к предикату и передающих значение 'закончено': например, значение 'прочитать' передается конструкцией ЧИТАТЬ ЗАКОНЧЕНО. К сожалению, авторы не приводят описания данных жестов.

4.3. Показатели конца ситуации в русском жестовом языке

Наше исследование показывает, что в РЖЯ значение конца ситуации выражается при помощи целого ряда показателей: служебного жеста УЖЕ, жеста ЗАКОНЧИТЬ, представляющего собой аналог соответствующего фазового глагола в звуковых языках, полнозначных глагольных жестов ПРЕКРАТИТЬ.НАВСЕГДА и ВЫПОЛНИТЬ, которые, помимо значения конца ситуации, содержат дополнительные смысловые компоненты, и модификаций параметров жеста. Ниже мы рассмотрим эти показатели подробнее.

4.3.1. Жест УЖЕ

В словарной форме жест УЖЕ исполняется двумя руками: кисти рук с ладонями, обращенными вверх, стряхивающим, «роняющим» движением поворачиваются в запястьях навстречу друг другу, так что ладони оказываются обращенными вниз. В речи жест УЖЕ часто исполняется только одной рукой. Жест УЖЕ обнаруживает формальное сходство с жестом FINISH ‘закончить’ (показателем перфектива, комплетива, перфекта и экспериенциального значения) в американском жестовом языке⁹⁷, и жестом DONE ‘сделано’ (показателем комплетива) в греческом жестовом языке.

Жест УЖЕ функционирует в РЖЯ в качестве полнозначной лексической единицы и в качестве служебного показателя, кодирующего ряд аспектуальных значений.

В качестве полнозначной лексики жест УЖЕ функционирует как темпоральное наречие, примерно соответствующее по семантике русскому наречию *уже* (96–98), или как предикатив, примерно соответствующий по семантике русским предикативам *кончено*, *довольно* или *всё* (99–100).

(96) Я ХЛЕБ КУПИТЬ МОЧЬ НЕ / МАГАЗИН УЖЕ ЗАКРЫТЬ

⁹⁷ Что не случайно, поскольку РЖЯ и американский жестовый язык являются родственными: они оба принадлежат к семье французского жестового языка, см., например, [Zeshan 2005: 559].

‘Я не смог купить хлеба, потому что магазин уже был закрыт’ (ap-s8).

- (97) ЕСЛИ ПАПА ПРИЕХАТЬ ДОМ МЕСТО / INDX НАВЕРНОЕ **УЖЕ** СПАТЬ
 ‘Если отец приехал домой, то [сейчас], наверное, уже спит’ (ap-s8).

- (98) ДАВНО ВИДЕТЬ НЕ / **УЖЕ** НАПРИМЕР ТРИ ЧЕТЫРЕ ГОД INDX
 ВИДЕТЬ НЕ
 ‘Давно [его] не видела, уже примерно года три-четыре’ (d-s24).

- (99) **УЖЕ** / Я ДОМ Я ПЕНСИЯ ОТДЫХАТЬ **УЖЕ**
 ‘(Пришлось закрыть бизнес, выйти на пенсию.) Всё, я дома на пенсии отдыхаю’ (n-s4).

- (100) **УЖЕ**
 [Концовка рассказа]: ‘(Собака злая, а драться не умеет. Мне это удивительно.) Всё’ (n-s2).

В качестве служебного аналитического показателя жест **УЖЕ** используется для кодирования значений комплетива и перфекта. В этой функции жест **УЖЕ** грамматикализован. Для служебных аналитических показателей в РЖЯ характерна постпозиция по отношению к тому знаменательному слову, к которому они относятся. Выступая в функции аспектуального показателя, жест **УЖЕ** тоже обычно находится в постпозиции по отношению к тому жесту-глаголу, к которому относится (101–103), тогда как в функции темпорального наречия он обычно находится в препозиции по отношению к жесту-глаголу, обозначающему действие, признак которого характеризуется жестом **УЖЕ**, ср. (96–98), а в функции предикатива, как правило, обособляется паузой/паузами (99) и может составлять отдельное высказывание (100). Кроме того, выступая в служебной функции, жест **УЖЕ** достаточно часто претерпевает фонетические

изменения, ассимилируясь по параметру конфигурации знаменательному жесту. Так, в примере (101) конфигурация жеста УЖЕ изменяется, уподобляясь конфигурации жеста ПРОВЕРИТЬ (кисти обеих рук в конфигурации -200⁹⁸), а в примере (102) она уподобляется конфигурации последнего сегмента жеста ЗАПОМНИТЬ (кисть руки в конфигурации -А⁹⁹). При этом жест УЖЕ в служебной функции, и тот знаменательный жест, к которому он относится, часто исполняются слитно, как одна единица, т.е. по сути, в данном случае имеет место превращение его в аффикс. Еще одним признаком грамматикализации рассматриваемого показателя является его десемантизация: в примерах (101–103) жест УЖЕ нельзя перевести как ‘уже’.

(101) ПРОВЕРИТЬ:1PS УЖЕ

‘Досмотрели меня. [Меня повели под руку дальше]’ (n-s2).

(102) я ЗАПОМНИТЬ КАК ДЕЙСТВОВАТЬ СВОЙ / ПОМНИТЬ УЖЕ

‘Я запомнил, как действовал, запомнил’ (n-s2).

(103) ПОДПИСАТЬ УЖЕ / УЙТИ

‘(Он) подписал [бумаги], ушел’ (n-s2).

В примерах (104–108) жест УЖЕ используется для выражения комплетивного значения. Как отмечалось в разделе 2.1.1.2 Главы II, использование жеста УЖЕ в качестве показателя комплетива возможно только в сочетании с жестами, которые могут интерпретироваться как обозначающие предельные процессы.

(104) УЧИТЬСЯ УЖЕ_{CMPL} / я РАБОТАТЬ МОЧЬ НАЙТИ

‘Когда выучусь, смогу найти работу’ (an-s1).

⁹⁸ Средний и указательный пальцы слегка сгибаются, остальные сжаты в кулак.

⁹⁹ См. Приложение 6.

- (105) INDX ПОСАДИТЬ О-В-О-Щ-И ПОСАДИТЬ РАСТИ УЖЕ_{CMPL}
 ‘Я посадила овощи, [они] выросли’ (ap-s12).
- (106) КОСТЬ ЕСТЬ УЖЕ_{CMPL}
 ‘[Мужчина дал собаке кость]. (Собака) съела кость’ (b-s12).
- (107) СЕМЬЯ СТРОИТЬ П-А-Л-А-Т-К-У ПАЛАТКА УЖЕ_{CMPL}
 ‘Семья поставила (букв. построила) палатку’ (b-s13).
- (108) ПОТОМ УЙТИ ПАПА КУРИТЬ С-И-Г-А-Р-Е-Т-У ВЗЯТЬ ЕСТЬ УЖЕ_{CMPL}
 ‘Потом папа ушел курить, а (ребенок) взял сигарету и съел’ (b-s13).

4.3.2. Жест ЗАКОНЧИТЬ

Жест ЗАКОНЧИТЬ¹⁰⁰ обнаруживает формальное сходство с жестом END ‘конец’ (показателем терминатива) в американском жестовом языке и с жестом FINISH ‘закончить’ в израильском жестовом языке.

Жест ЗАКОНЧИТЬ представляет собой аналог фазового глагола в звуковых языках, кодирующего фазу конца ситуации. При этом жест ЗАКОНЧИТЬ ведет себя как фазовый лабильный глагол, он может выражать значения ‘закончить’ (109) и ‘закончиться’ (110).

- (109) Я ШКОЛА ЗАКОНЧИТЬ ПОСТУПИТЬ НОВОСИБИРСК УЧИТЬСЯ
 СПЕЦИАЛЬНОСТЬ ПЕРЕВОДИТЬ
 ‘Я закончила школу и поступила в Новосибирск на специальность «переводчик»’ (n-s11).

¹⁰⁰ Обе руки в конфигурации -П (см. Приложение 6); вспомогательная рука ориентирована ладонью к говорящему, ведущая рука ориентирована ладонью к вспомогательной руке и делает мах сверху вниз, так, что кончики пальцев вспомогательной руки касаются средней фаланги пальцев ведущей руки с внутренней стороны.

- (110) ТЕРПЕТЬ ПЯТЬ ВРЕМЯ **ЗАКОНЧИТЬ** НАЛИТЬ ОТКРЫТЬ
НАЛИТЬ=СТАКАН БУМАГА НАКРЫТЬ=СТАКАН УЖЕ

‘Подожди (букв. потерпи) пять минут, закончатся – налей [жидкость] в стакан и накрой стакан бумагой’ (n-s7).

По нашим данным, рассматриваемый жест способен обозначать как конец ситуации, наступивший в результате естественного ее окончания (111–112), так и конец ситуации, связанный с прерыванием ситуации извне (113–114). Это дополнительно свидетельствует о том, что жест **ЗАКОНЧИТЬ** используется скорее для указания на несуществование ситуации после момента времени t , чем на способ ее окончания (который в данном случае не имеет значения), т.е. выражает фазовое значения конца ситуации.

- (111) INDX ГОРЕТЬ С-В-Е-Ч-И ГОРЕТЬ **ЗАКОНЧИТЬ**
‘Свечи сгорели’ (an-s13).

- (112) INDX КНИГА **ЗАКОНЧИТЬ** ЧИТАТЬ **ЗАКОНЧИТЬ**
‘Ты дочитал книгу?’ (an-s13)

- (113) **ЗАКОНЧИТЬ** БАЛОВАТЬСЯ / УСПОКОИТЬСЯ PRTCL
‘Прекратите баловаться! Успокойтесь, ну же!’ (a-s9).

- (114) ДОЖДЬ.ИДТИ **ЗАКОНЧИТЬ** ПОТОМ У-Р-А-Г-А-Н
‘Дождь закончился, начался ураган’ (b-s13).

4.3.3. Жесты ПРЕКРАТИТЬ.НАВСЕГДА и ВЫПОЛНИТЬ

Кроме служебного УЖЕ и фазового глагола ЗАКОНЧИТЬ в РЖЯ имеются полнозначные жесты, выражающие различные оттенки значения завершения ситуации. К ним относятся жесты ПРЕКРАТИТЬ.НАВСЕГДА и ВЫПОЛНИТЬ.

При исполнении жеста ПРЕКРАТИТЬ.НАВСЕГДА кисти рук сложены крестом друг над другом и соприкасаются ребрами ладоней. Семантика данного жеста достаточно точно соответствует фразеологизму *поставить крест на чем-либо* ‘сознательно отказаться от продолжения действия без намерения его последующего возобновления’ в русском звуковом языке¹⁰¹, ср. (115–116). Таким образом, в семантике данного жеста присутствует указание на завершение ситуации, вызванное внешними обстоятельствами (т.е. значение терминатива), осложненное значениями агентивности (ситуация прекращается сознательно, по воле субъекта) и отсутствия намерения ее дальнейшего возобновления.

(115) я ДЕЛАТЬ ШУГАНУТЬ АРЕСТОВАТЬ ПНУТЬ ПРЕКРАТИТЬ.НАВСЕГДА
 ‘Нас шуганули, поймали, пнули, и больше я никогда этого не делал’¹⁰²
 (n-s23).

(116) ПРЕКРАТИТЬ.НАВСЕГДА УКРАСТЬ ПРЕКРАТИТЬ.НАВСЕГДА
 ‘(Дети решили:) «[Мы] никогда больше не будем красть»’ (n-s25).

Жест ВЫПОЛНИТЬ¹⁰³ используется в значениях ‘выполнить’, ‘полностью’ (117–118). В семантике жеста присутствует указание на исход действия, связанный с достижением его естественного предела (т.е. значение

¹⁰¹ По сути, и форма жеста иконически соответствует этой метафоре.

¹⁰² Фрагмент из текста о том, как подростки воровали из заводского склада бутылки, пока их не поймали и не выдворили.

¹⁰³ Обе руки находятся в конфигурации -В (см. Приложение 6); вспомогательная рука ориентирована ребром ладони вверх и кончиками пальцев от говорящего, ведущая рука проводит ладонью по ребру ладони вспомогательной руки по направлению от запястья к кончикам пальцев вспомогательной руки.

комплетива), причем семантический компонент «исчерпание действия полностью, до конца» акцентируется.

Жест ВЫПОЛНИТЬ демонстрирует некоторые признаки грамматикализации: в качестве показателя завершения ситуации он обычно занимает постпозицию по отношению к глаголу, к которому он относится (119). Однако данный показатель все еще тесно связан со своим лексическим значением и, по нашим наблюдениям, употребляется в основном в контекстах выполнения домашней работы, задания, обещания и т.п.

- (117) МАМА ОТКРЫТЬ.КНИГА INDX НУЖНО ЗАДАНИЕ **ВЫПОЛНИТЬ**
 ОТКРЫТЬ.КНИГА НУЖНО
 ‘Мама открыла книгу, вот нужно задание выполнить, открыла книгу’ (b-s13).

- (118) INDX ВСЕ УДИВИТЬСЯ АХ МАМА^ПАПА УДИВИТЬСЯ / АХ
 СОБРАТЬ **ВЫПОЛНИТЬ**
 ‘Родители удивились: «Ах, сын вырвал все [цветы с клумбы]!»’ (b-s12).

- (119) ПИСАТЬ СВЯЗЬ БИОЛОГИЯ ПИСАТЬ **ВЫПОЛНИТЬ**
 ‘Мальчик написал [работу] по биологии’ (a-s1).

4.3.4. Модификации жеста

От некоторых жестов могут быть образованы формы с семантикой комплетива при помощи модификации движения, сопровождающейся утратой внутреннего повтора.

Утрата внутреннего повтора, по-видимому, связана с изменением акционального класса лексемы – переходом ее из класса процессов в класс событий. При образовании от жестов ЧИТАТЬ, БЕЖАТЬ, ЗУБРИТЬ жестов ПРОЧИТАТЬ, ДОБЕЖАТЬ, ВЫЗУБРИТЬ в последних утрачивается внутренний повтор.

Модификации параметров жеста, используемые для образования форм, различны: по-видимому, модификация того или иного параметра жеста является иконической и зависит от семантики исходной лексемы. Например, для выражения значения ‘прочитать’ (120) используется движение вверх, так как получивший жест иконически изображает поднимающуюся газету/книгу по мере прочтения (чтение идет сверху вниз), для выражения значения ‘добежать’ в (121) жест **ПРИБЕЖАТЬ** приобретает траекторное движение, иконически изображающее преодоленное расстояние, а для выражения значения ‘вызубрить’ используется резкое движение по диагонали, как бы «охватывающее» количество учебников/тетрадей (122). Однако во всех рассмотренных нами случаях есть сходство: модификация жеста представляет собой появление в фонологической структуре жеста траекторного движения, иконически охватывающего объект действия – газету в (120), преодоленное расстояние в (121), стихотворение в (122). Появляющееся траекторное движение может быть вертикальным (120), горизонтальным (121) или диагональным (122), но во всех случаях оно как бы охватывает объект. Ср. данные исследования [Bybee et al. 1994], где в качестве одного из типологических распространенных источников показателей комплетива называется лексема со значением ‘поместить в’ [Ук. соч.: 57].

(120) **ФИЛЬМ** **ВИДЕТЬ** **КНИГА ПРОЧИТАТЬ**

‘Я посмотрела фильм, прочитала книгу (an-s10).

(121) **ДЕРЕВО** **КТО ПЕРВОЕ.МЕСТО** **ДОБЕЖАТЬ** **ПРИБЫТЬ** **НАЙТИ**¹⁰⁴

‘Кто первый добежит, доберется (букв. прибудет) до дерева, тот выиграет’ (an-s1).

¹⁰⁴ Жест обозначен в глоссах по его основному значению. Он также используется в значении ‘выиграть’.

(122) СТИХОТВОРЕНИЕ ЗУБРИТЬ НЕ.МОЧЬ+ СОБРАТЬСЯ.С.СИЛАМИ
ВЫЗУБРИТЬ

‘Стихотворение учил, учил, не получается, собрался с силами и вызубрил’ (an-s10).

Таким образом, конец ситуации в РЖЯ может обозначаться аналитически, при помощи жестов УЖЕ, ЗАКОНЧИТЬ, ПРЕКРАТИТЬ.НАВСЕГДА, ВЫПОЛНИТЬ, и синтетически – при помощи модификаций жеста. Данные показатели имеют разную функциональную дистрибуцию и отличаются оттенками выражаемой семантики.

Самыми частотными и регулярными средствами обозначения конца ситуации являются жесты УЖЕ и ЗАКОНЧИТЬ. Жест УЖЕ представляет собой «чистый» аспектуальный показатель, кодирующий значение комплетива. Жест ЗАКОНЧИТЬ является в большей степени показателем фазы конца ситуации. Он указывает на то, что ситуация не имеет места в момент времени t_1 по сравнению с предшествующим ему моментом t , безотносительно того, завершена ли ситуация в результате достижения ею естественного предела или ее окончание вызвано внешними обстоятельствами.

Жест ПРЕКРАТИТЬ.НАВСЕГДА используется для выражения значения терминатива, осложненного значениями агентивности и отсутствия возможности дальнейшего возобновления ситуации.

Жест ВЫПОЛНИТЬ используется для выражения комплетива, однако имеет ограниченную сочетаемость.

Модификации движения жеста, общим компонентом которых является появление траекторного «собирательного» движения, тоже используются для выражения комплетивной семантики, однако такие модификации используются нерегулярно и встречаются у ограниченного количества жестов.

4.4. Выражение семантики перфектива

Наши данные показывают, что значение перфектива в русском жестовом языке обычно передается с помощью предикатов, принадлежащих к акциональному классу событий (123–128). Нередуплицированные предикаты со значением событий всегда имеют перфективное значение.

- (123) ТОРГОВАТЬ ОБОРОТ ДЕНЬГИ КОПИТЬ **КУПИТЬ** ГРУЗОВИК
 ГАЗЕЛЬ Г-А-З-Е-Л-Ь
 ‘(Я) торговала, (была) прибыль, (я) копила деньги, потом купила грузовик «Газель»’ (n-s4).
- (124) INDX СЫН БОЛЕТЬ ВРАЧ **ВЫЗВАТЬ** **ПРИЙТИ** ЛЕЧИТЬ
 ‘Сын болеет, вызвали врача, (он) пришел лечить (мальчика)’ (b-s12).
- (125) **ПОПАСТЬ** БАЗАР БЫТЬ:PAST / МУЖЧИНА **ВСТРЕТИТЬ** БОЛТАТЬ
 РАЗГОВАРИВАТЬ
 ‘(Свидетели Иеговы) оказались на базаре. Встретили там мужчину, болтают, разговаривают’ (n-s16).
- (126) ОТЕЦ^МАТЬ INDX **РОДИТЬ** ГЛУХОЙ СТРАХ
 ‘У родителей родился глухой, им страшно’ (d-a8-s9).
- (127) INDX CLF:ЧЕЛОВЕК ПОЛИЦИЯ PRTCL **ОБМАНУТЬ:1PS**
 ‘Человек из полиции: «Зачем меня обманули?»’ (b-s12).
- (128) МАЛЬЧИК **ПРОСНУТЬСЯ** ОПЯТЬ КРИЧАТЬ
 ‘Мальчик проснулся, опять кричит’ (b-s13).

При этом существует группа предикатов, способных выражать и перфективное, и имперфективное значение в зависимости от контекста. К ним относятся предикаты со значением процессов. Например, в (129) предикат со значением предельного процесса ЗУБРИТЬ может иметь как перфективную, так и имперфективную интерпретацию. В том случае, если требуется уточнить значение предиката, для выражения перфективной семантики может добавляться показатель комплетива жест УЖЕ (130).

(129) СТИХОТВОРЕНИЕ ЗУБРИТЬ

‘(Я) зубрил/вызубрил стихотворение’ (a-s10).

(130) СТИХОТВОРЕНИЕ ЗУБРИТЬ УЖЕ_{CMPL}

‘(Я) вызубрил стихотворение’ (a-s10).

Использование жеста УЖЕ в этой функции ставит вопрос о развитии данного показателя в показатель перфектива. В пользу этого предположения можно привести несколько аргументов.

Во-первых, согласно Дж. Байби, одним из признаков семантической эволюции показателя перфекта в показатель перфектива является утрата специфических семантических компонентов, т.е. в данном случае значимости прошедшей ситуации на настоящий момент [Bybee et al. 1994: 86]. В примере (131) данный показатель не обозначает ситуацию, оказывающую какое-либо влияние на последующую ситуацию (СТРОИТЬ УЖЕ, УЙТИ УЖЕ, ВЫЙТИ УЖЕ). В случаях УЙТИ УЖЕ, ВЫЙТИ УЖЕ нельзя говорить и о выражении комплетивного значения, так как в этих примерах жест УЖЕ сочетается с предикатами, относящимися к акциональным классам событий и эпизодических состояний.

(131) СЕМЬЯ ПАПА^МАМА ДВА ДЕТИ ХОТЕТЬ // П-О-Х-О-Д // ВЕСТИ.МАШИНА
CLF:МАШИНА.ЕХАТЬ=ПОВЕРХНОСТЬ УЖЕ_{PRFV} // ПРИЙТИ УЖЕ_{PRFV} СТРОИТЬ СЕМЬЯ

СТРОИТЬ П-А-Л-А-Т-К-У ПАЛАТКА **УЖЕ**_{PRFV} // ПОКА СОЛНЦЕ.СВЕТИТЬ ГОВОРИТЬ IMP
 КУПАТЬСЯ // ПОГОДА ДОЖДЬ.ИДТИ СЕМЬЯ RPTCL УЙТИ УКРЫТЬСЯ / СЕМЬЯ СИДЕТЬ //
 ДОЖДЬ.ИДТИ ЗАКОНЧИТЬ ПОТОМ / У-Р-А-У-Г-А-Н УРАГАН // ДЕРЖАТЬ.ПАЛАТКА
 ТРУДНЫЙ / RPTCL **УЖЕ** ЗАКОНЧИТЬ **УЖЕ** ПОТОМ / ОГОНЬ ХОЛОДНЫЙ ЧТО ДЕЛАТЬ //
 ХОЛОДНЫЙ ЧТО ДЕЛАТЬ RPTCL ОГОНЬ РУКИ.ГРЕТЬ ТЕПЛЫЙ / **УЖЕ** УЙТИ СПАТЬ
УЖЕ_{PRFV} / ПОТОМ ПРИЙТИ БЫК Б-Ы-К / НЕ.ПОНЯТЬ СИДЕТЬ СЛОЖИТЬ.РУКИ
 ПОДПЕРЕТЬ.ГОЛОВА СЕМЬЯ ВЫЙТИ ВОТ / IMP++ ВЫЙТИ БЫК **УЖЕ**_{PRFV} / ПОТОМ У-Ж-Е
 ВЕЧЕР.НАСТУПАТЬ / ПРИМЕРНО У-Ж-Е КОМАР CLF:МНОЖЕСТВО.ДВИГАТЬСЯ / СЕМЬЯ //
 НАДОЕСТЬ СОБРАТЬ ДОМОЙ // ДОМ СПОКОЙНЫЙ Ч-А-Й ПИТЬ СЕМЬЯ ЕСТЬ / ПРИЯТНЫЙ
 ‘Семья (папа, мама, двое детей) захотели в поход. Поехали на машине,
 приехали, поставили палатку. Светит солнце, [они говорят]: «Пойдем
 купаться». Пошел дождь, семья спряталась, сидит, переживает дождь. Дождь
 закончился, налетел ураган. Держали палатку, трудно. Ладно, [ураган]
 закончился. Потом развели огонь, холодно, что делать? Холодно, что делать?
 Посидели у костра, погрели руки, поели и пошли спать. Потом пришел бык, сел
 рядом с палаткой, семья вышла и прогнала его, бык ушел. Потом, уже где-то
 вечером налетели комары. Семье это надоело, собрались домой. Дома спокойно
 едят, чай пьют, приятно’ (b-s12).

Во-вторых, с точки зрения Ю.А. Ландера, одним из признаков развития показателя перфекта в показатель перфектива или прошедшего времени является способность данного показателя сочетаться с обстоятельствами времени: формы перфекта, наиболее близкие к прототипу, не сочетаются с обстоятельствами времени [Ландер 2002: 10]. Жест **УЖЕ** в высказываниях с семантикой перфекта допускает сочетание с обстоятельствами времени – см. пример (155) в разделе 5.3.3.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что показатель комплетива и перфекта в РЖЯ, жест **УЖЕ** демонстрирует поведение, типичное для подобных показателей в звуковых языках, – эволюционирует в показатель перфектива.

Для обозначения подобной семантической эволюции грамматических показателей в данной работе вслед за А.Ю. Урманчиевой используется термин грамматический дрейф¹⁰⁵ [Урманчиева 2008: 123].

Между тем, говорить о наличии показателя перфектива в РЖЯ пока рано. Как было установлено в разделе 3.3 данной главы, в РЖЯ отсутствуют показатели прогрессива, дуратива и имперфектива, а перфективная/имперфективная интерпретация предиката в значительной степени задается его акциональным классом, поэтому полноценное и регулярное противопоставление перфектива и имперфектива в данном языке отсутствует.

5. Указание на результирующую стадию ситуации и смежные значения

5.1. Результатив и смежные значения в звуковых языках

При нормальном течении ситуации за срединной фазой ситуации следует ее финал, после которого наступает результирующее состояние. В лингвистической литературе указание на состояние субъекта или объекта, возникшее в результате некоторой предшествующей ситуации обозначается термином результатив [Недялков 1983; Bybee et al. 1994: 54]. Внутри результативного значения выделяют субъектный и объектный результатив: в первом случае субъектом результативной конструкции является субъект предшествующего действия (*Ваня побрился; Ваня побрит*), во втором – объект предшествующего действия (*Ваня построил дом; Дом построен*) [Недялков, Яхонтов 1983].

В [Недялков, Яхонтов 1983] описывается несколько способов выражения в звуковых языках значения результата: 1) форма результата может

¹⁰⁵ С точки зрения А.Ю. Урманчиевой важно разграничивать процессы собственно грамматикализации показателя и его дальнейшей семантической эволюции (грамматического дрейфа), так как грамматический дрейф не всегда следует закономерностям, установленным в рамках теории грамматикализации [Урманчиева 2008: 123].

входить в систему видо-временных форм, 2) форма результата может входить в систему залоговых форм, 3) форма результата является одной из противопоставленных форм специальной категории, 4) результат является одним из значений какой-то другой формы (входящей в систему форм времени или залога), 5) результат возникает на скрещении двух категорий [Ук. соч.: 38].

По данным исследования [Bybee et al. 1994], источники показателей результата в основном имеют стативную семантику – это такие глаголы как «быть», «оставаться» [Ук. соч.: 67].

Как можно было бы ожидать, исходя из определения результата, показатели этого значения сочетаются только с предельными предикатами. Однако в работах [Недялков, Яхонтов 1983; Плунгян 1989] приводятся свидетельства того, что запрет на употребление результата с непредельными предикатами не является абсолютным (ср.: хауса *aika* ‘работать’, *aiki* ‘быть наработавшимся, уставшим от работы’ [Недялков, Яхонтов 1983: 25]). В.А. Плунгян объясняет это тем, что предельность ситуации подразумевает не свойство ситуации иметь результат вообще, а предсказуемость, единственность, естественность результата, в то время как результат может обозначать не только естественный результат ситуации [Плунгян 1989: 58].

Значение результата сближается со значением перфекта, значением статива (указанием на состояние субъекта), и со значением пассива (указанием на то, что подлежащее предложения не соответствует субъекту действия) [Недялков, Яхонтов 1983: 7].

Родственность семантики результата и перфекта проявляется в часто встречающемся совмещении указанных значений в рамках одного показателя и в типологически распространенной тенденции показателей результата эволюционировать в показатели перфекта [Bybee et al. 1994: 65].

Родственность значений результата и статива заключается в том, что оба обозначают состояние. Различие же между этими значениями состоит в

том, что статив сообщает только о состоянии (*лежать, понимать, спать*), а результатив – о состоянии и предшествующем ему действию (*Картина повешена*) [Недялков, Яхонтов 1983: 7].

Родственность семантики результатива и пассива объясняется тем, что результатив обычно обозначает состояние, носителем которого является объект действия. При этом само по себе результативное значение нейтрально по отношению к залогу [Ук. соч.: 13]. Разграничить два этих значения можно с помощью показателей, обозначающих точное время (*вчера, два часа назад*), – при употреблении с пассивом они указывают на время действия, при употреблении с результативом – на время состояния [Ук. соч.: 36].

При нарушении нормального хода ситуации результирующее состояние не наступает. Для указания на отсутствие нормально ожидаемого результата в некоторых языках существуют специальные показатели. В разных научных работах рассматриваются показатели **авертива** (ситуация почти имела место) [Kuteva 2009], **фрустратива** (ситуация имела место, но без ожидаемого результата) [Sparing-Chávez 2003]. В ряде исследований предлагается объединить разные значения, попадающие под приведенное выше определение, под термином **антирезультатив** [Ziegeler 2006; Плунгян 2001]. В.А. Плунгяном была предложена типология антирезультативных значений в зависимости от того, когда происходит нарушение нормального протекания ситуации: до результата или после результата [Плунгян 2001]. Значения, описывающие **недостигнутый результат**, когда ситуация была прервана до достижения финальной точки, в свою очередь различаются в зависимости от контролируемости/неконтролируемости ситуации. Если ситуация является контролируемой, то недостижение результата интерпретируется как неудавшаяся попытка, т.е. выражается значение **конатива** (*Я учил, но не выучил*) [Ук. соч.: 60]. Если ситуация неконтролируема, то выражается значение **проксиматива** – непредвиденной остановки процесса в непосредственной близости к финалу (франц. *il a failli tomber* ‘он чуть не упал’) [Ук. соч.: 62]. В

случае если финал ситуации был достигнут, а результата нет, то возникает ситуация **аннулированного результата** (*Кто-то сюда приходил, пока нас не было*) [Ук. соч.: 70]. К периферии антирезультативных значений В.А. Плунгян относит значение **партитивного результата** – частичного достижения результата (*не дослушать рассказ, не дописать книгу*) [Ук. соч.: 57].

Статус значений антирезультатива, их классификация и принадлежность к определенной семантической категории являются спорными. По мнению В.А. Плунгяна, данные значения близки как к аспектуальным (поскольку могут совмещаться со значением длительности в рамках одного показателя), так и к модальным значениям (поскольку могут совмещаться со значением интенциональности в рамках одного показателя) [Плунгян 2001: 86]. С точки зрения Т. Кутевой, значение данные значения объединяют в себе семантические компоненты, принадлежащие к трем разным категориям: отнесенность к прошедшему (семантическая категория темпоральности), указание на глагольную ситуацию, которая должна произойти (семантическая категория аспектуальности), контрфактичность (семантическая категория модальности) [Kuteva 2009: 18].

Как было сказано выше, близким к значению результата оказывается значение перфекта. Сам термин «перфект» неоднозначен, как отмечается в [Маслов 1983: 42], он используется в лингвистике для обозначения «образований, семантически совсем или почти совсем несопоставимых». В ряде работ под перфектом понимается обозначение ситуации в прошлом, имеющей некую отнесенность к ситуации в настоящем: см., например, [Leech 1971]. Часто перфекту приписывают значения недавнего прошедшего. Однако не все лингвисты согласны с такой точкой зрения. Б. Комри, исследуя сочетаемость показателя перфекта с адвербиальными средствами выражения темпоральных значений в английском языке, отмечает, что употребление перфекта с наречием, указывающим на момент времени в прошлом, скорее исключение, чем правило [Comrie 1985: 32]. Значения недавнего прошедшего у перфектных

форм Комри относит к импликациям, возникающим в результате логического заключения, что события недавнего прошлого в среднем имеют большую значимость на настоящий момент, чем события отдаленного прошлого [Ук. соч.: 25]. Отнесенность к прошедшему и значимость на настоящий момент времени как основной признак перфекта ставится под сомнение и В. Кляйном. По его мнению, понятие значимости ситуации на настоящий момент базируется на его обыденном толковании, не является грамматическим термином и относится к области языковой интуиции [Klein 1994: 140–141].

Существенный вклад в определение перфекта вносит Ю.С. Маслов, описывая его как «глагольную форму, в семантике которой совмещены два временных плана, предшествующий и последующий, причем между двумя ситуациями, относящимися к этим двум планам, имеется та или иная причинно-следственная связь» [Маслов 1983: 42]. Обычно одна из ситуаций в таком случае оказывается основной, а другая – фоном для ее реализации. Он также разграничивает перфект в узком смысле, перфект в широком смысле и перфектив. Перфект в узком смысле – презентный перфект, в семантике которого так или иначе совмещены план настоящего и план преднастоящего; перфект в широком смысле – перфектный разряд, т.е. группа разновременных форм, совмещающих в своем содержании любой последующий временной план с предшествующим ему временным планом; перфектив – международный термин для значения совершенного вида [Ук. соч.: 44].

Б. Комри рассматривает перфект среди значений линейной аспектуальности, отмечая, однако, что перфект отличается от остальных аспектуальных значений тем, что указывает на связь между двумя временными планами [Comrie 1976: 52]. Вопрос о том, к какой зоне линейной аспектуальности относится перфект, является дискуссионным. Е. Курилович считает, что перфектные значения близки к перфективной зоне линейной аспектуальности [Kuryłowicz 1960: цит. по Маслов 1962]. По мнению Ю.С. Маслова, перфектное значение не удовлетворяет критериям

перфективных значений, о чем свидетельствует, например, материал английского языка, в котором форма перфекта может использоваться для обозначения как перфективной, так и имперфективной ситуации [Маслов 1962: 31]. Как значение, принадлежащее к зоне линейной аспектуальности и связанное с описанием результирующей стадии ситуации, перфект трактуется и в [Плунгян 2003]. В.А. Плунгян характеризует его как «ослабленный результатив», описывающий не конкретное состояние, возникшее в результате завершения действия, а любой (пусть даже косвенный) результат ситуации, релевантный в последующий момент [Ук. соч.: 299]. Вслед за Ю.С. Масловым, Б. Комри и В.А. Плунгяном, мы в данном исследовании тоже будем рассматривать перфект в ряду значений линейной аспектуальности.

Б. Комри и В.А. Плунгян выделяют также частные значения перфекта: иммедиатный перфект (указание на то, что ситуация только что завершилась) и перфект настоящей ситуации (указание на то, что ситуация по-прежнему имеет место в момент речи) [Comrie 1976: 56–61; Плунгян 2011: 393–394].

По данным исследования [Bybee et al. 1994], типологическим распространенным является выражение перфекта при помощи аналитических средств [Ук. соч.: 64–65]. При этом далеко не во всех языках значение перфекта выражается грамматически: например, в русском языке нет специализированных средств для выражения перфектной семантики.

В [Bybee et al. 1994] в качестве возможных источников показателей перфекта в звуковых языках указываются показатели результатива или комплетива. По мнению авторов указанной работы, эволюция показателя результатива в показатель перфекта происходит вследствие того, что показатели результатива употребляются не только с глаголами, означающими действие, после которого возникает некоторое состояние, но и с глаголами, означающими действие, которое предшествует другому действию — в таком случае можно говорить о появлении значения перфекта. При эволюции показателя результатива в показатель перфекта акцент смещается с состояния

объекта, возникшего в результате действия, на само действие, сохраняющее свою актуальность для ситуации в текущий момент времени [Ук. соч.: 69]. С точки зрения авторов указанной работы, отличить значение результата от значения перфекта помогает сочетаемость глагольной формы с наречием 'все еще' (*still*) – его использование возможно только по отношению к состоянию, но не к действию, сохраняющему свою актуальность [Ук. соч.: 65]. Развитие показателей перфекта из показателей комплетива изучено меньше – гипотеза возможности такого развития основывается на существовании форм перфекта, имеющих своими лексическими источниками лексемы со значениями «закончить» [Ук. соч.: 61].

К близким к перфекту значениям, часто совмещающимся с ним в рамках одного показателя, помимо уже отмечавшегося выше значения результата относятся эвиденциальные значения (указание на источник сведений говорящего относительно данной ситуации) и экспериенциальное значение. Высказывания с экспериенциальным значением представляют собой опосредованную характеристику: в них сообщается, что *X* был хотя бы раз был участником ситуации *P* в прошлом, тем самым говорящий приписывает *X*-у определенный опыт, знания, свойства и т.п. [Bybee et al. 1994: 62]. Например, в английском языке: *I have been to France* 'Я бывал во Франции'; в русском языке: *Мне доводилось чинить электропроводку*. Применительно к данному значению в лингвистической литературе используются термины *existential* [McCawley 1971], *experiential* [Comrie 1976; Dahl 1985; Bybee et al. 1994], общефактическое экзистенциальное значение [Падучева 1996], экспериентивное значение [Вострикова 2010], экспериенциальное значение [Князев 2007; Плунгян 2011]. Вслед за Ю.П. Князевым и В.А. Плунгяном, мы в данном исследовании будем в дальнейшем использовать термины «экспериенциальное значение», «экспериенциальность».

На материале звуковых языков экспериенциальность первоначально квалифицировалась как одно из частных значений перфекта («перфект опыта»)

[McCawley 1971; Comrie 1976]. Однако дальнейшие исследования показали, что связь перфекта и экспериенциальности не является универсальной: далеко не во всех языках мира с грамматикализированным перфектом эта форма свободно выражает экспериенциальность; кроме того, во многих языках для экспериенциального значения существуют другие, в том числе специализированные, грамматические показатели [Dahl 1985: 142; Плунгян 2011: 393–394]. Экспериенциальное значение рассматривается нами среди значений линейной аспектуальности, так как оно близко к значению перфекта: факт однократного/многократного участия в ситуации в прошлом является значимым для характеристики субъекта в данный момент.

В диссертации Н.В. Востриковой, посвященной типологии средств выражения экспериенциальности в звуковых языках, выделяется несколько возможных стратегий передачи экспериенциальности: перфектная (при помощи форм перфекта); бытийная (при помощи конструкций с бытийным глаголом); лексически мотивированная (при помощи конструкций с вспомогательным глаголом, восходящим к лексическому источнику с семантикой движения, восприятия или способности) и др. [Вострикова 2010]. Кроме того, средства выражения экспериенциальности в звуковых языках могут варьировать по признакам «одушевленный vs. неодушевленный субъект», «однократный vs. многократный опыт», «актуальный vs. неактуальный опыт» [Ук. соч.: 8].

5.2. Результатив и смежные значения в существующих исследованиях жестовых языков

Специальных исследований, посвященных показателям **результатива** в жестовых языках, по нашим данным, не проводилось. В работе [Duffy 2007], посвященной изучению перфекта в американском жестовом языке лишь отмечается, что аналитический показатель перфекта жест FINISH может в редких случаях выражать значение результативного перфекта: BABY FINISH WAKE UP ‘Ребенок проснулся/проснувшийся’ [Ук.соч.: 34]. В статье [Zeshan 2003],

посвященной аспектуальности в турецком жестовом языке, упоминается о существовании аналитического показателя результата – жеста OLMAK ‘быть, становиться’, сочетающегося преимущественно со статическими предикатами: BEN APITAL OLMAK ‘Я стал глупым’ [Ук. соч: 50].

В РЖЯ средства выражения результата практически не исследовались: лишь в небольшой статье Г.Л. Зайцевой и Р.М. Фрумкиной «Психолингвистические аспекты изучения жестового языка» отмечается, что значение завершенности действия в РЖЯ передается жестами ЗАКОНЧЕНО и ГОТОВО, причем первый подчеркивает возможность перехода к другой ситуации, а второй акцентирует внимание на результате ситуации [Зайцева, Фрумкина 1981: 17]. К сожалению, данная статья не содержит описания исполнения упоминаемых жестов или их изображений.

Средства выражения **антирезультативных значений** в жестовых языках специально не изучались. Как нам кажется, к показателям антирезультативного значения можно отнести показатель значения, обозначенного в работах [Liddel 2003; Dudis 2011], посвященных американскому жестовому языку как «unrealized inceptive». В частности, в [Dudis 2011] говорится, что данное значение описывает ситуацию, которая должна была произойти, но ее наступление было прервано [Ук. соч.: 92]. Наиболее подробно модификация жеста, при помощи которой выражается это значение, описана в [Liddel 2003]: в начальной позиции рука находится перед корпусом, затем с помощью движения по дуге перемещается в начальную локализацию и принимает начальную конфигурацию исходного жеста. Мануальная модификация сопровождается также немануальными маркерами – если в высказывании подразумевается определенный человек или место, взгляд говорящего направлен в его сторону [Ук. соч.: 38]. Похожая модификация жеста для выражения того же значения используется в британском жестовом языке: после начала исполнения жеста рука удерживается без продолжения исполнения жеста [Brennan 1992].

Существующие исследования средств выражения **перфекта** в жестовых языках проводились в основном на материале американского и израильского жестовых языков. Лингвистами выделяются следующие признаки показателей перфекта: сочетаемость с формами настоящего и будущего времени [Meir 1999], соотнесение в семантике рассматриваемой формы двух временных планов, предполагающее связь действия в предшествующем временном плане и состояния в последующем [Meir 1999; Rathmann 2005], функционирование показателя в диалогах, а не в нарративах (поскольку в диалогах ситуации, имевшие место в прошлом, часто упоминаются в связи с их отнесенностью к положению дел в настоящем) [Meir 1999; Rathmann 2005].

В американском жестовом языке для обозначения перфекта используется жест FINISH [Rathmann 2005; Duffy 2007], а в израильском жестовом языке – жест ALREADY [Meir 1999]. Оба жеста могут выступать в качестве полнозначных лексических единиц, выражая значения ‘закончить’ и ‘уже’ соответственно, однако в функции показателей перфекта они грамматикализованы как служебные жесты¹⁰⁶. При этом оба жеста выражают не только значение перфекта, что типично и для показателей, передающих перфектную семантику в звуковых языках: эти жесты используются для выражения результитивного и экспериенциального значений, а также значения недавнего прошедшего. Совмещение значения перфекта, результата и экспериенциального значения в одном показателе отмечается и для жеста FINISH в американском жестовом языке и для жеста ALREADY в израильском жестовом языке.

В работах [Rathmann 2005; Duffy 2007] анализируются также акциональные характеристики предикатов, сочетающихся/не сочетающихся в американском жестовом языке с показателями перфекта. По их данным, показатель перфекта не сочетается только с предикатами с семантикой вневременных состояний, поскольку перфект предполагает некое завершённое

¹⁰⁶ В качестве аналитического показателя перфекта жест FINISH в ASL находится в препозиции к знаменательному глаголу.

действие в предшествующем временном плане, а вневременные состояния по определению длительны и не имеют финальной точки.

Исследователи также отмечают, в высказывании с семантикой отрицания значение перфекта выражается особыми жестами – показателями отрицания; при этом в отсутствие перфектной семантики используются другие показатели отрицания. Так, в израильском жестовом языке существует отрицательный аналог перфекта – жест ZERO, имеющий значение ‘пока не/еще не’ [Meir 1999: 51]. К. Даффи рассматривает функционирование показателей отрицания как один из способов выявления высказываний с перфектной семантикой. Так, в ASL в отсутствие перфектного значения знаменательный глагол сочетается с обычным показателем отрицания – жестом NOT ‘не’, а в высказывании с перфектной семантикой семантика отрицания выражается с помощью жеста NOT.YET ‘пока не’ (INDX NOT.YET TOUCH FRANCE ‘Я не бывал во Франции’). В итальянском жестовом языке в перфектных высказываниях при выражении отрицания используется жест NON-ANCORA ‘еще не’ [Zucchi 2003, цит. по Duffy 2007]. Кроме того, в американском жестовом языке в высказываниях с перфектной семантикой не могут присутствовать показатели отрицания NEVER ‘никогда’, NOTHING ‘ничего’ и NO.ONE ‘никто’ [Duffy 2007: 24].

В американском жестовом языке также отмечается наличие немануального маркера, выражающего перфектную семантику, – однократного движения головы вниз. В высказываниях с широким фокусом (в фокус попадает целое высказывание) этот немануальный маркер распространяется на предикат или аспектуальный показатель. В высказываниях с узким фокусом, (в фокус попадает часть высказывания) он появляется в финальной части высказывания [Grose 2003].

В русском жестовом языке средства выражения перфекта практически не изучались. В небольшой статье Е.Ю. Шамаро, посвященной видовременной системе РЖЯ, лишь упоминается о разграничении значений претерита и

перфекта при помощи использования разных жестов: БЫЛО и ГОТОВО соответственно [Шамаро 2006: 184].

Экспериенциальность в жестовых языках не являлась предметом отдельного исследования: она лишь упоминается в контексте изучения других аспектуальных показателей. Как уже отмечалось выше, экспериенциальное значение может кодироваться при помощи форм перфекта в американском жестовом языке [Duffy 2007: 32–33] и в израильском жестовом языке [Meir 1999: 48].

Специальных исследований, посвященных средствам выражения экспериенциального значения в русском жестовом языке, тоже не проводилось. В небольшой статье Е.Ю. Шамаро лишь упоминается о возможности выражения экспериенциальности в РЖЯ употреблением в одной клаузе жестов ДАВНО и БЫТЬ:PAST и в качестве иллюстрации приводится единичный пример: ДАВНО ВСТРЕТИТЬ ОДИН БЫТЬ:PAST '[Ты знал моего отца? Он умер в прошлом году]. Да, я встречал его' [Шамаро 2006: 187–188]¹⁰⁷.

5.3. Результатив и смежные значения в русском жестовом языке

5.3.1. Результатив

По нашим данным, результативное значение в РЖЯ может выражаться при помощи жестов БЫТЬ.ГОТОВЫМ и СЛОВО.

Основным, наиболее регулярно используемым показателем результата является жест БЫТЬ.ГОТОВЫМ¹⁰⁸. Можно предположить, что жест БЫТЬ.ГОТОВЫМ соответствует жесту, обозначенному в статье [Зайцева, Фрумкина 1981] как

¹⁰⁷ В наших данных подобных примеров не обнаружено. Это может объясняться идиолектными особенностями, поскольку материал Е.Ю. Шамаро был получен от единственного информанта, или же различием региональных вариантов РЖЯ: Е.Ю. Шамаро работала с носителем «московского» варианта РЖЯ, в то время как наши данные получены преимущественно от носителей его «сибирского варианта», проживающих в Новосибирской, Кемеровской областях, Алтайском крае и Якутии. В нашем материале экспериенциальность регулярно выражается при помощи аналитических конструкций «ПОПРОБОВАТЬ БЫТЬ:PAST» и «СЛУЧИТЬСЯ БЫТЬ:PAST», см. раздел 5.3.4 настоящей главы.

¹⁰⁸ Руки в конфигурации -Г (см. Приложение 6) совершают резкое синхронное движение по горизонтали слева направо.

ГОТОВО, и, по словам авторов, обозначающем законченность действия и акцентирующем внимание на его результате. Авторы статьи, по-видимому, основывались на данных, полученных от носителей «московского» варианта РЖЯ, а в видеословаре Spreadthesign, тоже преимущественно отражающем «московский» вариант РЖЯ, имеется жест со значением ‘готовый’, исполнение которого аналогично исполнению жеста, который мы здесь обозначаем как БЫТЬ.ГОТОВЫМ.

Жест БЫТЬ.ГОТОВЫМ функционирует как полнозначная лексическая единица и как служебный жест. В функции полнозначной лексемы он используется в значениях ‘выражать согласие, склонность что-либо сделать’ (132), ‘окончательно сделанный, завершённый’ (133), ‘сделать приготовления к чему-либо’ (134), а также как аналог русской частицы *вот* в функции логического выделения какого-либо слова в высказывании (135).

(132) ДЕВУШКА ГЛУХОЙ БЫТЬ.ГОТОВЫМ ХОТЕТЬ

‘(Девушки предложили: «Давайте украдем еду у фашистов».) А глухая девушка: «Я готова, хочу [участвовать]»’ (n-s23).

(133) БЫТЬ.ГОТОВЫМ ТЕСТО ДАТЬ:ЛОС ПОКАЗАТЬ+(r/s) СВОЙ МАТЬ
ДАТЬ:ЛОС

‘(Ребенок улыбается: старался.) Готовое тесто дал, показывает своей маме’ (b-s4).

(134) УКУТАТЬ УЖЕ_{PRF} БЫТЬ.ГОТОВЫМ СТИРАТЬ ПОВЕСИТЬ.НА.ВЕРЕВКУ
НУЖНО

‘Укутал ребенка, приготовился постирать [памперс], повесить’ (n-s19).

(135) У-Н-И-Т-А-З CLF:КРУГЛЫЙ.ПРЕДМЕТ БЫТЬ.ГОТОВЫМ / РУКИ.МЫТЬ
БЫТЬ.ГОТОВЫМ / БУМАГА ВИСЕТЬ / ЧИСТЫЙ PRTCL

‘(Открыл дверь, а там, оказывается, туалет – супер!) Унитаз – пожалуйста (букв.: готово). [Раковина] руки помыть – пожалуйста, туалетная бумага, чисто’ (n-s2).

В функции показателя результата рассматриваемый жест, по крайней мере, частично, грамматикализован. Как нам кажется, развитие у жеста БЫТЬ.ГОТОВЫМ результативного значения обусловлено наличием у него семантического компонента «окончательно сделанный, завершённый», который указывает на состояние в настоящем, возникшее в результате ситуации в прошедшем¹⁰⁹. Формальным признаком его грамматикализации является то, что в данной функции он обычно помещается не до, а после знаменательного глагола, к которому относится, ср., например, (125) и (134–135, 137). При помощи жеста БЫТЬ.ГОТОВЫМ может выражаться значение как объектного (136–137), так и субъектного результата (138–139).

(136) КОМПЬЮТЕР ПАЛАТКА ДУМАТЬ БРОСИТЬ БЫТЬ.ГОТОВЫМ PRTCL
‘А компьютер, подумал и в палатке бросил (букв. компьютер брошен в палатке)’ (n-s17).

(137) ОДЕВАТЬСЯ СКЛАДЫВАТЬ ПОМОЧЬ CLF:ФОРМА МЯСО
УПАКОВАТЬ БЫТЬ.ГОТОВЫМ УПАКОВАТЬ НЕСТИ.СУМКИ БЫСТРЫЙ
НЕСТИ.СУМКИ
‘Они спешно одеваются, собираются, мясо упаковали, быстро несут сумки’ (n-s20).

(138) ЕСЛИ МЫ АВТОБУС ОПОЗДАТЬ НЕТ Б-Ы ДОМ БЫТЬ.ГОТОВЫМ
PRTCL

¹⁰⁹ В [Heine, Kuteva 2004: 136] отмечается, что в звуковых языках языковые единицы со значением ‘быть готовым’ могут служить лексическими источниками для показателей перфекта; учитывая близость значений перфекта и результата, можно предположить, что те же языковые единицы со значением могут быть источниками показателей результата.

‘Если бы мы не опоздали на автобус, то сейчас уже были бы дома’ (an-s9).

- (139) ТИХО КРИЧАТЬ СИЛЬНЫЙ Я СЕЙЧАС ОГЛОХНУТЬ БЫТЬ.ГОТОВЫМ
 ‘Тише! Ты так кричишь, что я сейчас оглохну’ (an-s1).

Кроме того, встречаются примеры, в которых жест БЫТЬ.ГОТОВЫМ используется в перфектных контекстах (140–141), в некоторых примерах вместе с жестом УЖЕ (141). Учитывая сделанный в разделе 4.4 данной главы вывод о том, что жест УЖЕ проявляет тенденцию к развитию в показатель перфектива, можно предположить, что жест БЫТЬ.ГОТОВЫМ демонстрирует признаки эволюции в показатель перфекта.

- (140) ПОТОМ ДЕЛАТЬ БЫТЬ.ГОТОВЫМ / СЕЙЧАС ОТДЫХАТЬ
 ‘Потом доделаем. Сейчас отдыхай’ (a-s9).

- (141) СУП ВАРИТЬ УЖЕ БЫТЬ.ГОТОВЫМ
 ‘[Можете садиться за стол], суп сварился’ (a-s12).

По свидетельствам информантов, в роли результативного показателя может использоваться также жест СЛОВО¹¹⁰. Данный жест используется в значениях ‘слово’ (142) и ‘результат’¹¹¹ (143).

В имеющихся в нашем материале спонтанных текстах примеров употребления данного жеста для выражения результативной семантики нет, но по свидетельству информантов, данный жест используется для указания на результат ситуации молодым поколением носителей языка в последние

¹¹⁰ Большой и указательный палец ведущей руки как бы «измеряют» длину указательного пальца вспомогательной руки.

¹¹¹ Согласно «Словарю современного русского литературного языка», в русском языке лексема «слово» может использоваться в значениях ‘высказанное мнение’, ‘решение’ [ССРЛЯ 1962: 1235–1236]. Возможно, значение ‘результат’ у жеста СЛОВО развивается на базе семантических компонентов ‘решение’, ‘вывод’.

несколько лет¹¹². Можно предположить, что данный жест вступает в конкуренцию за роль показателя результата с жестом БЫТЬ.ГОТОВЫМ (144–145).

- (142) ДОЧЬ РАСТИ ЧУВСТВОВАТЬ УМ УВЕЛИЧИВАТЬСЯ ХОТЕТЬ СЛОВО
НЕ.ХВАТАТЬ ПИСАТЬ ТАК.СЕБЕ ГРАМОТНЫЙ ХОТЕТЬ
‘Дочь растет, я чувствую, становится умнее, а мне не хватает слов, пишу так себе, захотела быть грамотной’ (n-s4).

- (143) МОЙ ЖИТЬ СЛОВО++(r/s:cm/arc) / УМЕРЕТЬ СПОКОЙНЫЙ МОЧЬ
‘Я многого в жизни достиг (букв. есть результат здесь, здесь и здесь), можно умереть спокойно’ (an-s10).

- (144) ДОМ СТРОИТЬ СЛОВО
‘Дом построен’ (an-s10).

- (145) УЧИТЬСЯ+(r/s) ДИПЛОМ ПОЛУЧИТЬ СЛОВО
‘Учился, учился, все, диплом получен’ (an-s10).

5.3.2. Антирезультатив

По нашим данным, для выражения значения неудавшейся попытки/нереализованного намерения (вслед за В.А. Плунгяном [Плунгян 2001] мы будем называть его конативным) в РЖЯ используются сочетание знаменательного жеста с редуцированным модальным жестом НЕ.МОЧЬ (146–147).

¹¹² Использование жеста СЛОВО для указания на результат ситуации может быть региональной особенностью, так как все опрошенные информанты являются носителями сибирского варианта русского жестового языка.

- (146) я НЕ.МОЧЬ+(r/s) ИТОГ я МОСКВА НЕ.ДАТЬ НЕ.МОЧЬ+(r/s)
ПОПАСТЬ

‘У меня никак не получалось [поехать] в Москву’ (n-s24).

- (147) я РАБОТАТЬ ПОСТУПИТЬ НЕ.МОЧЬ++(r/s) / ПРОПИСКА
ТРЕБОВАТЬ INDX++++(r/s:cm/arc)

‘Никак не могу устроиться на работу – везде требуется прописка’ (a-s8).

- (148) м-ы ЕЩЕ СТРОИТЬ ДОМ КОГДА НЕ.МОЧЬ+(r/s) КУПИТЬ
МАТЕРИАЛ КУПИТЬ НЕ.МОЧЬ+(r/s)

‘Мы еще строим дом – никак не можем купить материалы’ (an-s4).

Для кодирования значения непредвиденной остановки процесса в непосредственной близости к финалу (вслед за В.А. Плунгяном [Плунгян 2001] мы будем называть его проксимативным) используется модальный жест Б-Ы¹¹³ (149–151) или, реже, жест НЕМНОГО ‘немного/чуть-чуть’ (153–154). В последнем случае, по-видимому, имеет место частичное калькирование конструкции *чуть не* русского звукового языка.

- (149) Б-Ы+(r/s) КАМЕНЬ БРОСИТЬ.КАМЕНЬ=НЕТ / ПУСТЬ

‘(Я видел, как там кто-то шел пригнувшись.) Хотел было взять камень и бросить, но нет, [подумал:] «Ладно. (Еще арестуют меня)»’ (n-s19).

- (150) INDX СОБАКА ЗЛОЙ Б-Ы УКУСИТЬ

‘Собака чуть меня не укусила’ (an-s13).

¹¹³ В [Буркова 2012] показано, что жест Б-Ы регулярно используется для кодирования контрфактических ситуаций. Он представляет собой заимствование из русского звукового языка, однако сейчас уже, по-видимому, усвоен и освоен РЖЯ. Оба дактильных жеста, входящих в данный показатель, редуцированы и исполняются слитно, как одна единица. Кроме того, Б-Ы занимает в предложении позицию, отличную от позиции соответствующей частицы *бы* в русском языке [Ук. соч.: 74].

(151) INDX Л-Е-Д УЛИЦА ПОВЕРХНОСТЬ **Б-Ы** УПАСТЬ

‘Я поскользнулся и чуть не упал’ (an-s13).

(152) **Б-Ы** ОПОЗДАТЬ ПОВЕЗЛО

‘Я чуть не опоздал’ (an-s3).

(153) ИТОГ **НЕМНОГО** CLF:МАШИНА.ЕХАТЬ:LOC=СТЕНА Г-А-Р-А-Ж

НЕМНОГО

‘(А там на спуске сразу повернуть нужно. Я съехала.) В итоге чуть не врезалась в гараж’ (d-s8).

(154) INDX ВРАТАРЬ ВОРОТА МЯЧ.ВЛЕТЕТЬ.В.ВОРОТА **НЕМНОГО** МЯЧ

INDX Н-О МЯЧ.ПОЙМАТЬ CLF:КРУГЛЫЙ.ПРЕДМЕТ

‘Мяч почти оказался в воротах, но в последний момент вратарь его поймал’ (an-s12).

Как было сказано в разделе 5.1 настоящей главы, в лингвистической литературе по звуковым языкам отмечается близость значений конатива и проксиматива к аспектуальной и модальной семантическим зонам, в частности, к значениям дуратива, континуатива и итератива, интенциональности и контрфактической модальности. Как видим, в этом отношении РЖЯ обнаруживает типологическое сходство со звуковыми языками. Для кодирования антирезультатива в нем используется редупликация глагольного жеста¹¹⁴ и показатели контрфактической модальности.

Для передачи значения частичного или неполного достижения результата (вслед за В.А. Плунгяном [Плунгян 2001] мы будем называть это значение партитивно-результативным) в РЖЯ регулярно используется служебный жест RES_{PART}: указательный палец вспомогательной руки находится между

¹¹⁴ Которая кодирует значения итератива или маркированной длительности, см. разделы 3.1.2 и 3.2 Главы IV настоящего исследования.

указательным и средним пальцами ведущей руки; ведущая рука поворачивается из горизонтального положения в вертикальное пальцами вверх. По нашим данным, RES_{PART} функционирует только как служебный жест, в качестве полнозначной лексемы он не используется. Как и большинство служебных аналитических показателей в РЖЯ, он находится в постпозиции по отношению к знаменательному жесту (155–157).

- (155) INDX ДОМ=ЗДАНИЕ СТАРЫЙ ДОМ ТАКОЙ.ЖЕ С-А-Р-А-Й СТРОИТЬ
 RES_{PART} БРОСИТЬ
 ‘Там за домом старое здание, сарай недостроенный, бросили [его]’ (n-s27).

- (156) я ПИСАТЬ ПИСЬМО НУЖНО / я ПИСАТЬ RES_{PART}
 ‘Нужно написать письмо, а я не дописал’ (an-s13).

- (157) РОДНОЙ ПРИЙТИ ДОМ ПРИЙТИ я ЧИТАТЬ RES_{PART}
 ‘Родственники пришли домой, и я не дочитала книгу’ (an-s4).

5.3.3. Перфект

Показателем перфекта в РЖЯ является жест УЖЕ¹¹⁵, который используется также для выражения значения комплетива (см. раздел 4.3.1 настоящей главы). Как было сказано в разделе 5.2 настоящей главы, в РЖЯ кодирование перфектного значения практически не изучалось. В статье [Шамаро 2006] лишь отмечается кодирование разными показателями значений прошедшего времени и перфекта: значение прошедшего времени выражается

¹¹⁵ Описание формы жеста и обсуждение его грамматикализации в функции аспектуального показателя см. 4.3.1 настоящей главы.

при помощи жеста БЫЛО¹¹⁶; значение перфекта – при помощи жеста ГОТОВО¹¹⁷:
 INDX ПИСЬМО ПИСАТЬ ГОТОВО ‘Он написал письмо’ [Ук. соч.: 184].

Наше исследование подтверждает наблюдение Ю.В. Шамаро, что значения прошедшего времени и перфекта выражаются в РЖЯ при помощи разных средств. В примере (158) где речь идет о ситуации в прошлом, не релевантной для ситуации в момент речи, употребляется жест БЫТЬ:PAST. В примере (159), где последствия предшествующей ситуации (дождь) имеют место в момент речи (лужи), используется жест УЖЕ_{PRF}.

(158) ВЧЕРА ДОЖДЬ.ИДТИ БЫТЬ:PAST ВЧЕРА

‘Вчера шел дождь’ (an-s4).

(159) УТРО ДОЖДЬ.ИДТИ УЖЕ_{PRF} УЛИЦА ВЕСЬ Л-У-Ж-А

CLF:ЛУЖА+++ (r/dbl/alt)

‘Утром шел дождь. На улице лужи’ (an-s9).

В функции показателя комплетива жест УЖЕ способен сочетаться с предикатами, принадлежащими только к акциональным классам сильных и слабых предельных процессов (см. раздел 2.1.1.2 главы II и раздел 4.3.1 настоящей главы). В функции показателя перфекта рассматриваемый жест допускает сочетаемость с предикатами других акциональных классов: событий (160), неопределенных процессов (161), переходного класса состояний-процессов (162), эпизодических состояний (163), и не сочетается только с предикатами, принадлежащими к акциональному классу вневременных состояний.

¹¹⁶ Данный жест, по-видимому, соответствует тому, который в нашем исследовании обозначается как БЫТЬ:PAST: кисть руки в конфигурации -В, ребром ладони к корпусу на уровне груди; рука движется по направлению к корпусу.

¹¹⁷ Исполнение жеста в данной статье не описано, поэтому трудно сказать, о каком именно жесте идет речь.

- (160) ПОТОМ УКРАШАТЬ ПАПА ПОМОЧЬ УЖЕ_{PRF} ЧТО УСТАТЬ У-Ж-Е ГОД НЕ.ХОТЕТЬ
 ‘Потом [ребенок] помог папе украшать елку, устал так, что уже не хочет встречать Новый год’ (b-s13).
- (161) INDX БАБУШКА ЗВОНИТЬ ГОРЕТЬ НАБИРАТЬ.НОМЕР НОЛЬ ДВА
 НОЛЬ ДВА НАБИРАТЬ.НОМЕР УЖЕ_{PRF} / ЗВОНИТЬ УЖЕ_{PRF}
 ‘Бабушка звонит пожарникам, набирает номер 02, набрала номер, позвонила. (Пожарники сразу приехали)’ (m-s12).
- (162) БОЛЕТЬ УЖЕ_{PRF} СЕЙЧАС НАЧАТЬ СЛУХ СЛУХ.УХУДШАТЬСЯ
 ‘[Он] болел, и сейчас [у него] начал ухудшаться слух’ (a-s14).
- (163) я СПАТЬ УЖЕ_{PRF} ПРОСНУТЬСЯ МОЗГ ХОРОШИЙ РАБОТАТЬ /
 СЕЙЧАС ПРОДОЛЖАТЬ ДИПЛОМ ДЕЛАТЬ
 ‘Я поспал, проснулся, голова работает хорошо, сейчас продолжаю писать (букв. делать) диплом’ (a-s13).

В некоторых немногочисленных примерах для выражения перфектной семантики используется жест БЫТЬ.ГОТОВЫМ, основной функцией которого является выражение значения результата (164). Как нам кажется, это связано с тем, что жест БЫТЬ.ГОТОВЫМ проявляет некоторую тенденцию к развитию в показатель перфекта и начинает дублировать в этой роли жест УЖЕ.

- (164) СУП ВАРИТЬ УЖЕ БЫТЬ.ГОТОВЫМ
 ‘[Можете садиться за стол], суп сварился’ (a-s12).

В перфектных высказываниях с семантикой отрицания используется жест УЖЕ_{PRF}, а показатель бытийного отрицания жест ОТСУТСТВОВАТЬ¹¹⁸. В неперфектных контекстах этот жест выступает в сочетании с именным жестом, обозначающим имя бытующего предмета (165–166). В перфектных контекстах ОТСУТСТВОВАТЬ выступает в сочетании с глагольным жестом, называющим ситуацию (167–169). По-видимому, именно компонент бытийности в семантике ОТСУТСТВОВАТЬ обуславливает его использование функции отрицательного аналога перфекта: в примерах, подобных (167–169), выражается смысл «отсутствие ситуации в предшествующем временном плане (все еще) релевантно для текущего момента времени».

- (165) ВРЕМЯ УВЕЛИЧИТЬСЯ Б-У-М ВИДЕО С-А-Л-О-Н / ДЕНЬГИ МНОГО
РУБЛЬ++(r/s) / Я ДЕНЬГИ ОТСУТСТВОВАТЬ

‘В то время как раз был бум видеосалонов, [просмотр] стоил много денег, а у меня денег не было’ (n-s23).

- (166) СЛУЧИТЬСЯ INDX БЫТЬ:PAST МОЙ ДОЧЬ РОДИТЬ МАЛЕНЬКИЙ
РЕБЕНОК В-Н-У-Ч-К-А Я СЛЕДИТЬ ДЕТИ Я-С-Л-И СЕЙЧАС
ОТСУТСТВОВАТЬ // ТРУДНЫЙ С-А-Д ДЕТИ БЫТЬ:PRES Я-С-Л-И
ОТСУТСТВОВАТЬ

‘Потом случилось так, что моя дочь родила внучку, и я за ней присматривала, потому что яслей сейчас нет. Трудно – детский сад есть, а яслей нет’ (n-s4).

- (167) ЗАРПЛАТА ЗАПЛАТИТЬ:1PS ОТСУТСТВОВАТЬ

‘Зарплату не заплатили (букв.: зарплату мне заплативший отсутствует).
[Как им отомстить?]’ (n-s26).

¹¹⁸ Рука движется вдоль нижней части лица справа налево, при этом пальцы открытой ладони собираются кулак.

(168) УТРО ЕСТЬ ОТСУТСТВОВАТЬ / ЕСТЬ ХОРОШИЙ

‘Утром я не ел (букв.: утром евший отсутствует), [поэтому сейчас] хорошо поел’ (n-s2).

(169) ДРУГ ОБИДА ЧТО Я 1PS:ОТПРАВИТЬ.ПИСЬМО:LOC ОТСУТСТВОВАТЬ
ОБИДА PRTCL

‘Друг обиделся, что я не отправил ему письмо (букв.: я отправивший ему письмо отсутствую). Он обиделся’ (an-s14).

5.3.4. Экспериенциальное значение

В разделе 5.2 упоминалось, что в американском и израильском жестовых языках экспериенциальное значение выражается формами перфекта. Наше исследование показывает, что, хотя в РЖЯ имеется показатель перфекта, для выражения экспериенциальности в нем используются другие, специализированные средства: аналитические конструкции «ПОПРОБОВАТЬ БЫТЬ:PAST» и «СЛУЧИТЬСЯ БЫТЬ:PAST». Выбор между двумя конструкциями определяется коммуникативным рангом участника описываемой ситуации *P*. В случае, когда субъект опыта является субъектом *P*, используется конструкция «ПОПРОБОВАТЬ БЫТЬ:PAST». В случае, когда субъект опыта является объектом *P*, используется конструкция «СЛУЧИТЬСЯ БЫТЬ:PAST». В обеих конструкциях при помощи грамматических и лексических средств могут дополнительно маркироваться однократность или многократность *P*.

Жест ПОПРОБОВАТЬ выражает лексические значения ‘испытывать качество, годность чего-либо’ (170), ‘пытаться что-либо сделать’ (171–172), ‘испытывать свои способности в каком-либо виде деятельности’ (173). Данный глагольный жест требует заполнения одной из своих валентностей предикатным актантом: обычно он сопровождается соответствующим смысловым глаголом. Смысловой глагол может опускаться, если его значение ясно из контекста (173).

- (170) Я МАМА Я ВАРИТЬ СУП ТАРЕЛКА МАМА **ПОПРОБОВАТЬ** ЕСТЬ
СРАЗУ СМЕЯТЬСЯ

‘Мама попробовала сваренный мной суп и засмеялась’ (ap-s12).

- (171) БЫТЬ:PRES / **ПОПРОБОВАТЬ** ИСКАТЬ СПРАШИВАТЬ РАЙИСПОЛКОМ
‘Есть [школы для глухих], попробуй поискать, спроси в райисполкоме’
(n-s4)

- (172) Я РЕШАТЬ INDX НЕ.МОЧЬ / **ПОПРОБОВАТЬ+** / НЕ.МОЧЬ
‘Я не могу решить эту [задачу], много раз пробовал – не получается’ (a-s10).

- (173) **ПОПРОБОВАТЬ** ПЕРЕМЕСТИТЬ БАРАХОЛКА ТОРГОВАТЬ / МЕСТО
НРАВИТЬСЯ НЕ
‘Попробовала на барахолке торговать, но место мне не понравилось’ (n-s4).

Жест **ПОПРОБОВАТЬ** используется также в экспериенциальных контекстах (174–178). При этом его поведение при выражении экспериенциальной семантики демонстрирует особенности, позволяющие говорить о его, по крайней мере, частичной, грамматикализации в данной функции. Во-первых, при выражении экспериенциальности жест **ПОПРОБОВАТЬ**, как правило, занимает позицию не перед смысловым глаголом, как в примерах (170–173), а после него, характерную в РЖЯ для служебных показателей. Во-вторых, в функции полнозначной лексемы жест **ПОПРОБОВАТЬ** всегда содержит в своем значении сему интенциональности, в то время как в экспериенциальных контекстах он может соотноситься не только с сознательными

целенаправленными действиями, но и с неконтролируемыми действиями или состояниями (178–179, 182).

В экспериенциальных контекстах жест ПОПРОБОВАТЬ регулярно выступает в сочетании с жестом БЫТЬ:PAST (за исключением предложений, в которых присутствует жест МНОГО.РАЗ, см. о нем ниже). Одним из свойств экспериенциального значения является отнесенность описываемой ситуации к временному плану прошедшего [Вострикова 2010: 8]. Жест БЫТЬ:PAST функционирует в РЖЯ как грамматический показатель претерита и как собственно бытийный глагол в форме претерита. Регулярность появления жеста БЫТЬ:PAST в экспериенциальных контекстах позволяет говорить о том, что в данном случае он выступает именно как бытийный глагол. Он не только кодирует отнесенность *P* к прошлому, но и акцентирует смысл ‘имеет место’, важный для высказываний с экспериенциальной семантикой (см. [Падучева 1996: 36–37]).

(174) я КОНФЕРЕНЦИЯ ВЫСТУПАТЬ ПОПРОБОВАТЬ БЫТЬ:PAST

‘Мне доводилось выступать на конференциях’ (a-s10).

(175) я ШТРАФ ПЛАТИТЬ ПОПРОБОВАТЬ БЫТЬ:PAST

‘Мне случалось платить штраф’ (a-s1).

(176) INDX КАТАТЬСЯ.НА.ЛЫЖАХ ПОПРОБОВАТЬ БЫТЬ:PAST

‘Тебе приходилось [раньше] кататься на лыжах?’ (a-s1).

(177) INDX РОЖАТЬ ПОПРОБОВАТЬ БЫТЬ:PAST

‘Ей уже приходилось рожать’ (a-s3).

(178) я БОЛЕТЬ В-Е-Т-Р-Я-Н-К-А ПОПРОБОВАТЬ БЫТЬ:PAST

‘Я болел ветрянкой’ (a-s10).

Экспериенциальное значение, будучи связанным с семантикой жизненного опыта, характеризуется слабой сочетаемостью с обстоятельствами времени, задающими узкий временной интервал [Dahl 1985: 142; Вострикова 2010: 9]. Данное ограничение характерно и для рассматриваемой конструкции. Обозначение временных рамок ситуации блокирует ее употребление, поскольку фокус смещается с описания опыта на описание конкретной ситуации в конкретный период времени, ср. (179) и (180). Употребление жеста ПОПРОБОВАТЬ в сочетании с указанием на время ситуации в принципе возможно (181). Однако в таком случае жест ПОПРОБОВАТЬ занимает позицию перед смысловым глаголом, а не после него, а само предложение не может иметь экспериенциального прочтения: оно интерпретируется как описание попытки совершения *P*.

(179) INDX АНГЛИЯ ЕХАТЬ ПОПРОБОВАТЬ БЫТЬ:PAST
 ‘Ты бывал в Англии?’ (a-s12).

(180) INDX ГОД.НАЗАД БЫТЬ:PAST АНГЛИЯ ЕХАТЬ
 ‘Ты был в Англии в прошлом году?’ (a-s12).

(181) я ГОД.НАЗАД ПОПРОБОВАТЬ ЕХАТЬ АНГЛИЯ / ВИЗА НЕ.ДАТЬ
 ‘Год назад я пытался съездить в Англию, но визу не дали’ (a-s3).

Одним из факторов, влияющих на выбор средства выражения экспериенциального значения, является признак «однократный vs. многократный опыт» [Вострикова 2010: 8]. Наш материал показывает, что в РЖЯ имеются средства, позволяющие дополнительно маркировать однократность или многократность *P* в рассматриваемой конструкции. Однократность *P* выражается при помощи жеста ОДИН.РАЗ (182).

Многократность *P* маркируется морфологически, при помощи редупликации жеста ПОПРОБОВАТЬ (183–184), и лексически – при помощи жестов МНОГО.РАЗ¹¹⁹ (183) или СТАЖ¹²⁰ (184).

(182) я ТОНУТЬ ПОПРОБОВАТЬ **ОДИН.РАЗ** БЫТЬ:PAST
 ‘Я тонул (было один раз)’ (a-s1).

(183) я РЕМОНТИРОВАТЬ МАШИНА **ПОПРОБОВАТЬ+(r/s) МНОГО.РАЗ**
 ‘Мне неоднократно доводилось ремонтировать машину (я умею делать это)’ (a-s10).

(184) я РЕМОНТИРОВАТЬ МАШИНА **ПОПРОБОВАТЬ+(r/s) БЫТЬ:PAST СТАЖ**
 ‘Мне неоднократно доводилось ремонтировать машину (я занимался этим долгое время в прошлом)’ (a-s10).

Ограничением для употребления конструкции «ПОПРОБОВАТЬ БЫТЬ:PAST» является понижение коммуникативного ранга участника *P*. В случае, когда субъект опыта является не субъектом, а объектом ситуации, описываемой смысловым глаголом, используется конструкция «СЛУЧИТЬСЯ БЫТЬ:PAST», ср. (185) и (186).

(185) INDX ЖЕНЩИНА УДАРИТЬ **ПОПРОБОВАТЬ БЫТЬ:PAST**
 ‘Ему случалось ударить женщину’ (a-s3).

(186) УДАРИТЬ:1PS+(r/s) **СЛУЧИТЬСЯ БЫТЬ:PAST**

¹¹⁹ Жест МНОГО.РАЗ не имеет аналога в русском звуковом языке. В видеословаре [Давиденко, Комарова 2005] дается его значение ‘тысячу раз это делал’. Данный жест акцентирует наличие у субъекта опыта участия в ситуации в прошлом. Интересно, что в примерах с данным жестом жест БЫТЬ:PAST, как правило, отсутствует. Это можно объяснить тем, что в семантике жеста МНОГО.РАЗ уже содержится значение ‘имело место в прошлом’.

¹²⁰ Жест СТАЖ имеет значение ‘продолжительность какой-либо деятельности’. В отличие от жеста МНОГО.РАЗ он акцентирует то, что ситуация повторялась в прошлом в течение продолжительного периода времени, ср. (183) и (184).

‘Случалось, что меня били ’ (a-s10).

Жест СЛУЧИТЬСЯ употребляется в лексических значениях ‘вдруг’ (187), ‘случиться’ (188), ‘однажды’ (189).

(187) **СЛУЧИТЬСЯ** CLF:ЧЕЛОВЕК.ИДТИ CLF:ЧЕЛОВЕК.ИДТИ ДВА МУЖЧИНА
КРАСИВЫЙ

‘Вдруг подходят [к ней] с разных сторон двое красивых мужчин’ (b-s4).

(188) **что СЛУЧИТЬСЯ**
‘Что случилось?’ (b-s13).

(189) **СЛУЧИТЬСЯ** INDX РАБОТАТЬ ГЛУХОЙ ТАМ.ДАЛЕКО МЕСТО СЕВЕР
ХОЛОДНЫЙ СЕВЕР ВЫШЕ ХОЛОДНЫЙ

‘Однажды работал глухой на крайнем Севере’ (n-s26).

В экспериенциальных контекстах этот жест, как и жест ПОПРОБОВАТЬ, ведет себя как служебный глагол. Обычно он занимает позицию после смыслового глагольного жеста, и всегда сопровождается бытийным жестом в форме претерита (190). Жест СЛУЧИТЬСЯ акцентирует смысл ‘*P* осуществлялась независимо от воли или желания субъекта опыта’.

В рассматриваемой конструкции возможен неодушевленный субъект опыта (191–192), тогда как в конструкции «ПОПРОБОВАТЬ БЫТЬ:PAST» субъект опыта – человек. Смысловой глагольный жест во всех имеющихся у нас примерах имеет семантику физического воздействия на объект: ‘бить’, ‘ломать’, ‘ударять’, ‘ранить’ и т.п.

В конструкции может дополнительно маркироваться однократность или многократность *P*: при помощи жеста ОДИН.РАЗ (191) или редупликации

знаменательного жеста (192). Жесты МНОГО.РАЗ и СТАЖ в данной конструкции не употребляются, поскольку содержат сему агентивности.

(190) РАНИТЬ:1PS СЛУЧИТЬСЯ БЫТЬ:PAST

‘Мне случилось быть раненым’.

(191) INDX СТУЛ СЛОМАТЬ СЛУЧИТЬСЯ ОДИН.РАЗ БЫТЬ:PAST

‘Этот стул уже ломался (букв.: его ломали)’.

(192) INDX МАШИНА СТУКНУТЬ+(r/s) СЛУЧИТЬСЯ БЫТЬ:PAST

‘Эта машина неоднократно бывала в авариях (букв.: ее стукали)’.

В соответствии с типологией стратегий выражения экспериенциального значения в звуковых языках, описанных в [Вострикова 2010]¹²¹, можно сказать, что стратегия выражения экспериенциальной семантики в РЖЯ совмещает в себе черты лексически мотивированной и бытийной стратегий. Первые компоненты в рассмотренных конструкциях восходят к лексемам с семантикой ‘проверять опытным путем’ и ‘случиться’ соответственно, однако в составе данных конструкций уже грамматикализованы и функционируют как служебные глаголы. Грамматикализация лексемы ‘проверять опытным путем’ в качестве показателя экспериенциальности представляется логичной, поскольку ее семантика имеет непосредственное отношение к сфере опыта. Возможность грамматикализации лексемы ‘случиться’ в качестве показателя экспериенциальности находит типологическое подтверждение в звуковых языках, см. [Вострикова 2010: 12].

¹²¹ См. о них раздел 5.1 настоящей главы.

6. Выводы

Результаты нашего исследования показывают, что в русском жестовом языке имеется широкий арсенал средств для кодирования значений линейной аспектуальности (указаний на подготовительную, начальную, срединную, конечную и результирующие стадии описываемой ситуации), а также близких к ним фазовых значений начала, продолжения и конца ситуации. Указанные значения преимущественно выражаются аналитически – при помощи служебных и полуслужебных жестов. Синтетические средства употребляются ограниченно, только при выражении значений начинательности и комплетива и только при некоторых глагольных жестах.

Подготовительная стадия ситуации обозначается при помощи специализированного аналитического показателя – редулицированного жеста БЫТЬ:PAST.

Для кодирования начинательного значения используется целый ряд средств: фазовые глаголы НАЧАТЬ и НАЧАТЬ¹, наступительный глагол СТОЯТЬ, модификации движения в структуре жеста, супплетивные формы, конструкция «Раньше было X, сейчас Y». Названные средства имеют разные ограничения на употребление, обусловленные акциональным классом предиката, описывающего ситуацию, единичностью/серийностью, агентивностью/неагентивностью ситуации, типом начала ситуации (контактным, неконтактным, эволютивным), а также лексической семантикой предиката. Наиболее регулярным показателем, обладающим при этом самой широкой дистрибуцией, является фазовый глагол НАЧАТЬ.

Аспектуальные значения, указывающие на срединную стадию ситуации, – дуратив, прогрессив, – не получают в русском жестовом языке специального выражения. При этом имеется ряд показателей, используемых для выражения значения фазы продолжения ситуации. Выбор между ними обусловлен статичностью/динамичностью описываемой ситуации, продолжением ситуации без перерыва/после перерыва. Основными и наиболее частотными

показателями континуатива являются два фазовых глагола: НЕ.ПЕРЕСТАВАТЬ и ПРОДОЛЖАТЬ, кодирующих продолжение динамической ситуации, причем в случае НЕ.ПЕРЕСТАВАТЬ выражается простой континуатив, а в случае ПРОДОЛЖАТЬ – рефактивный континуатив. Направленный глагол ОСТАВАТЬСЯ имеет более узкие функции: он кодирует продолжение стативной ситуации локализации, в нем одновременно выражается и значение континуатива, и условная или реальная локализация референта. В качестве дополнительных средств выражения континуатива выступают наречия ПО-ПРЕЖНЕМУ и ДО.СИХ.ПОР, причем ПО-ПРЕЖНЕМУ характеризует только стативные ситуации, тогда как ДО.СИХ.ПОР может употребляться и по отношению к динамическим ситуациям.

Значение комплетива регулярно кодируется аналитически, при помощи служебного жеста УЖЕ, а значение фазы конца ситуации, независимо от того, закончена ли ситуация в результате достижения естественного предела или в результате вмешательства извне, – при помощи фазового глагола ЗАКОНЧИТЬ. Кроме того, для обозначения конца ситуации используются жесты ПРЕКРАТИТЬ.НАВСЕГДА и ВЫПОЛНИТЬ, а также модификации движения. Данные показатели имеют ограничения на употребление, обусловленные в первую очередь лексической семантикой предиката, и характеризуются наличием в своей семантике дополнительных оттенков значений.

Результатив регулярно кодируется аналитически при помощи жеста БЫТЬ.ГОТОВЫМ, который, выступая в функции показателя аспектуального значения, демонстрирует признаки грамматикализации.

Значение перфекта, близкое к значению результатива, тоже регулярно выражается аналитически, при помощи служебного жеста УЖЕ. Однако в отрицательных высказываниях с перфектной семантикой вместо жеста УЖЕ используется показатель бытийного отрицания ОТСУТСТВОВАТЬ.

Для выражения экспериенциальности регулярно используются конструкции «ПОПРОБОВАТЬ БЫТЬ:PAST» и «СЛУЧИТЬСЯ БЫТЬ:PAST». Первые

компоненты данных конструкций демонстрируют признаки грамматикализации в функции показателей экспериенциальности, а функции самих конструкций достаточно отчетливо распределены и связаны с коммуникативным рангом участника описываемой ситуации. В случае, когда субъект опыта является субъектом ситуации, используется конструкция «ПОПРОБОВАТЬ БЫТЬ:PAST», а в случае, когда субъект опыта является объектом ситуации, используется конструкция «СЛУЧИТЬСЯ БЫТЬ:PAST».

Исследование также показало, что в русском жестовом языке дифференцируются различные значения антирезультатива: конатива, обозначаемого при помощи сочетания знаменательного жеста с редуцированным жестом НЕ.МОЧЬ; проксиматива, выражаемого при помощи показателя контрфактической модальности Б-Ы или, реже, при помощи жеста НЕМНОГО; партитивно-результативного значения, регулярно кодируемого при помощи специализированного аналитического показателя RES_{PART}.

Регулярного и последовательного противопоставления перфективных и имперфективных значений в русском жестовом языке нами не было обнаружено. Перфективная или имперфективная интерпретация предиката в большинстве случаев определяется его акциональной семантикой: предикаты со значением событий всегда получают перфективную интерпретацию, а предикаты со значением вневременных состояний – имперфективную. Имеется также группа предикатов, способных приобретать перфективное и имперфективное прочтение в зависимости от контекста.

При этом имеются свидетельства того, что жест УЖЕ в русском жестовом языке используется в некоторых случаях как показатель перфектива. Как и в звуковых языках, семантическая эволюция одного из показателей оказывает влияние на функционирование других показателей: показатель результата жест БЫТЬ.ГОТОВЫМ начинается появляться в перфектных контекстах; появляется новый показатель результата – жест СЛОВО.

В целом способы выражения линейной аспектуальности в русском жестовом языке обнаруживают большое типологическое сходство с одноименными способами в звуковых языках. Оно проявляется и в наличии фазовых глаголов для обозначения фаз начала, продолжения и конца ситуации, причем, как и в звуковых языках, некоторые из этих глаголов лабильны; и в наличии перфектного кластера – совмещении в рамках одного показателя значений перфекта и комплетива; и в лексических источниках ряда служебных показателей.

Способы выражения линейной аспектуальности в русском жестовом языке обнаруживают также сходство с одноименными способами в других жестовых языках, описанных в существующей лингвистической литературе. В частности, для других жестовых языков тоже отмечается использование нескольких служебных жестов, между которыми распределены значения комплетива, терминатива, перфекта, результатива, использование специальных показателей отрицания в высказываниях с семантикой перфекта. Однако русский жестовый язык демонстрирует и специфику в выражении линейной аспектуальности по сравнению с другими жестовыми языками. В частности, экспериенциальность в нем, при наличии показателя перфекта, кодируется отдельно, при помощи специализированных средств, тогда как в описаниях других жестовых языков (в том числе и родственного русскому американского жестового языка), данные значения совмещаются в рамках одного показателя.

ГЛАВА IV. КОЛИЧЕСТВЕННАЯ АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ

Данная глава посвящена исследованию средств выражения в русском жестовом языке значений, принадлежащих к семантической зоне количественной аспектуальности. В первой части главы рассматриваются подходы к типологии значений количественной аспектуальности в литературе, посвященной звуковым языкам, а также кратко характеризуются средства выражения этих значений в звуковых языках. Во второй части представлен обзор существующих исследований количественной аспектуальности в жестовых языках. В третьей части главы приводятся результаты нашего собственного исследования средств выражения рассматриваемых значений в русском жестовом языке.

1. Количественная аспектуальность в звуковых языках

Количественная аспектуальность как особая группа значений внутри аспектуальности выделяется в работах [Dik 1997; Мельчук 1998; Маслов 2004; Плунгян 2003]. В семантическую зону количественной аспектуальности в указанных работах включаются значения, описывающие внутреннюю временную структуру ситуации с точки зрения ее повторяемости; в основном – значения глагольной (предикатной) множественности. Некоторые исследователи (например, [Бондарко 1987b: 99–100; Супрун 1996: 163; Белошапкова 2005: 183]) считают правомерным включение в зону количественной аспектуальности и значение длительности ситуации – на основании того, что и оно тоже имеет непосредственное отношение к «количеству» ситуации. В [Белошапкова 2005: 183] длительность определяется как «количественная характеристика действия или состояния путем указания на меру его временной детерминации».

1.1. Множественность ситуаций и средства ее выражения

В числе основных типологических исследований множественности ситуаций в звуковых языках можно назвать работы В. Дресслера [Dressler 1968], Д. Кьюзика [Cusic 1981], В.С. Храковского [Храковский 1989], И.Б. Долининой [Долинина 1996], А.Б. Шлуинского [Шлуинский 2005а].

В основании большинства исследований, посвященных типологии значений множественности ситуаций и средствам их выражения, лежит разграничение внутрисобытийной (event-internal) и событийной (event-external) множественности ситуаций, которое впервые обосновывается в работе [Cusic 1981]: событийная множественность представляет собой повторяющиеся ситуации, а внутрисобытийная множественность – повторяющиеся микроситуации, составляющие целую ситуацию. Автор указанной работы выделяет три типа множественности ситуаций: внутрисобытийную (или мультипликативную), событийную (итеративную) и совмещение первых двух типов – мультипликативно-итеративную множественность [Cusic 1981: 60–61].

В классификации типов множественности ситуаций, принадлежащей В.С. Храковскому, критерий «повторение внутри ситуации/повторение ситуации» дополняется критерием «тождественный набор актантов/нетождественный набор актантов» [Храковский 1989: 34]. Сначала на основании критерия «повторение внутри ситуации/повторение ситуации» автор разграничивает собирательную и дискретную множественность. К собирательной множественности В.С. Храковский относит ситуации, совмещающие свойства единичной ситуации и повторяющихся ситуаций (свойства единичной ситуации при этом являются доминантными) [Храковский 1987: 133]. Дискретная множественность представляет собой итеративный тип множественности ситуаций, подразумевающий повторение ситуаций в разные периоды времени [Ук. соч.: 144]. Далее на основании критерия «тождественный набор актантов/нетождественный набор актантов»

собирабельная множественность делится на мультипликативную и дистрибутивную. Мультипликативная множественность представляет собой группу микроситуаций, имеющих тождественный набор актантов и составляющих целую ситуацию, осуществляющуюся за один период времени [Ук. соч.: 133]. Дистрибутивная множественность понимается как группа микроситуаций, составляющих целую ситуацию, осуществляющуюся за один период времени; при этом в каждой из микроситуаций задействован нетождественный набор актантов [Ук. соч.: 139].

В исследовании [Долинина 1996] также выделяются мультипликативный, итеративный и дистрибутивный типы множественности, однако в качестве первичного критерия принимается «тождественный набор актантов/нетождественный набор актантов»: сначала разграничиваются темпоральная и дистрибутивная множественность, потом темпоральная множественность делится на мультипликативную и итеративную.

В диссертации А.Б. Шлуинского, посвященной типологии предикатной множественности, к внутрисобытийному типу множественности отнесены мультипликативные значения, к событийному типу множественности — хабитуальные значения. Итеративные значения в данной работе трактуются как занимающие промежуточное положение между внутрисобытийным и событийным типом множественности, поскольку повторяющиеся ситуации, с точки зрения автора, объединены ограниченным периодом времени, что позволяет рассматривать их как единую ситуацию [Шлуинский 2005а: 76]. В числе типов предикатной множественности в исследовании А.Б. Шлуинского также рассматриваются рефактивные значения (значения, указывающие на однократное повторение ситуации) и генерические значения (значения, описывающие ситуацию, которая носит «вневременной» характер) [Ук. соч.].

1.1.1. Мультипликативная множественность ситуаций

Мультипликативный тип множественности ситуаций представляет собой множество повторяющихся микроситуаций с неизменным набором актантов, при этом данные повторения (микроситуации) объединены одним периодом времени (*почтальон стучит в дверь, из крана капает вода, птица махнет крыльями*). Для обозначения микроситуации, входящей в мультипликативное множество (*стукнуть, капнуть, махнуть*), используется термин **семельфактив** [Cusic 1981: 78; Храковский 1989: 23–25; Храковский 1998]¹²².

В лингвистической литературе выделяются также разновидности мультипликативного значения, причем в работах разных исследователей имеются расхождения как в подходах к классификации, так и в терминологических обозначениях видов мультипликатива. Так, Д. Кьюзик предлагает следующие критерии выделения разновидностей мультипликативного значения: количество усилий, приложенных к осуществлению ситуации; успешное/неуспешное завершение ситуации; уместность количества ситуации; количество места или времени, занимаемое ситуацией [Cusic 1981: 81]. Автором описываются такие разновидности мультипликативного значения как **диминутив** – недостаточное усилие для достижения результата (сьерра-пуэбланский науатль *kočisnoki* ‘хочет спать’, *kokočisnoki* ‘постоянно хочет подремать’), **тентатив** – ситуация выполняется с недостаточным энтузиазмом (квилеут *kwati'* ‘он попробовал’, *kwaya:ti* ‘он немного попробовал’), **конатив** – неудавшаяся попытка (сахо *barar* ‘лететь’, *barrar* ‘трепетать крыльями в попытке взлететь’), **инкассатив** – бесцельная активность (соке *wit* ‘идти’, *witwitnay* ‘идти бесцельно’), **интенсив** – ситуация содержит повторения с повышенным усилием (науатль *tlania* ‘спрашивать’, *tlatlania* ‘спрашивать настойчиво’), **аугментатив** – ситуация, в которую вовлечено большое количество субстанции (луисеньо *cori* ‘резать’, *corii*

¹²² В [Шлуинский 2005] поднимается вопрос о разграничении мультипликативных ситуаций и ситуаций, представляющих собой процессы, состоящие из квантов. По мнению автора, мультипликативной следует считать ситуацию, единичный квант которой получает языковое выражение (ср. рус. *моргать* и *моргнуть*, *месить* и **меснуть*) [Ук. соч.: 57].

‘нарезать много дерева’, *cosri* ‘нарезать очень много дерева’), **кумулятив** – ситуация, повторение микроситуаций в которой, ведет к результату (сьерра-пуэбланский науатль *čīwa* ‘делать’ *čīhčīwa* ‘построить’), **эксцессив** – ситуация, к исполнению которой прикладывается слишком много энергии (дирбал *balgan* ‘ударить’, *balbalgan* ‘ударить слишком сильно’), **дуратив-континуатив** – ситуация, увеличение повторений которой ведет к увеличению ее длительности (якутский *simwiyi* ‘моросит’, *simimwiyi* ‘продолжает моросить’) [Ук. соч.: 81–87].

Классификация разновидностей мультипликативного значения, предложенная в [Храковский 1989], базируется на двух критериях: длительность интервалов между микроситуациями и тождественность/нетождественность мультипликативных действий. На основании первого критерия различаются **сепетив** – указание на то, что интервал между повторяющимися микроситуациями меньше условной нормы (*Лампа сильно раскачивалась на ветру*), и **раритив** – указание на то, что интервал между повторяющимися микроситуациями больше условной нормы (*Папа простудился и покашливает*). На основании второго критерия выделяются такие разновидности мультипликатива как **альтернатив** – обозначение неоднонаправленного (разнонаправленного) движения (*Он ходил взад-вперед по комнате*), и **дубликатив** – противоположные действия в повторяющихся микроситуациях (*Фонарь то зажигается, то гаснет*) [Храковский 1989: 25–34].

В диссертации А.Б. Шлуинского в зону мультипликативных значений включаются **собственно мультипликатив**, **альтернатив**, **дубликатив** и **дисконтинуатив** (кратковременное повторение, которое интерпретируется как осуществление единой ситуации с перерывами, например, *Вася посматривает в окно*) [Шлуинский 2005а: 56–66].

В большинстве языков мультипликативное значение принадлежит к сфере акциональной семантики и не имеет грамматических и лексико-

грамматических способов выражения [Шлуинский 2005а: 58]. В исследованиях В.С. Храковского и В.Н. Яковлева выявляются специфические особенности фонетической и морфологической структуры глаголов, передающих мультипликативную семантику, и критерии выделения их в отдельный класс. В частности, В.Н. Яковлевым были предложены критерии выделения мультипликативов в русском языке – они включают в себя общность семантической специфики, особенности сочетаемости с наречиями, характеризующими способы действия, и соотнесенность с семельфактивными (одноактными) глаголами. Под общностью семантической специфики понимается особое устройство ситуации, состоящей из повторяющихся через временные интервалы микроситуаций [Яковлев 1975: 97–98]. Особенности сочетаемости мультипликативных глаголов с наречиями образа действия заключаются в том, что некоторые наречия образа действия (*дробно, мерно, ритмично, прерывисто*) могут сочетаться только с мультипликативными глаголами (*ритмично стучать, мерно качаться*) [Ук. соч.: 102]. Третий критерий – соотнесенность с семельфактивными глаголами (*стучать – стукнуть, сверкать – сверкнуть*) – не является обязательным для отнесения ситуации к классу мультипликативных. Например, в русском языке глаголы совершенного вида с суффиксом *–ну*, характерным для семельфактивных глаголов, могут быть образованы и от глаголов, не обладающих мультипликативным значением (*глядеть – глянуть, козырять – козырнуть*). Кроме того, не все мультипликативные глаголы в русском языке соотносятся с соответствующими семельфактивными глаголами (*жевать, куковать*) [Ук. соч.: 101]. В.С. Храковский объясняет отсутствие парных одноактных глаголов у некоторых мультипликативов нереализованностью семантически и формально детерминированного деривационного процесса [Храковский 1998: 383].

В некоторых языках имеются специальные средства для выражения мультипликативного значения: аффиксация (куниянты *gard* – ‘ударять’, *gard-bi*

‘избить’) [Шлуинский 2005а: 59], редупликация (сонгай *loti* ‘капля’, *loti-loti* ‘капать’) [Рожанский 2011: 174].

Семельфактивное значение – указание на единичную микроситуацию, входящую в мультипликативное множество, – тоже может получать разное выражение. В тех языках, в которых семельфактивное и мультипликативное значение выражается разными лексемами, производной формой может быть и семельфактив (рус. *кивнуть* от *кивать*), и мультипликатив (корякский *тынпо-тко-к* ‘колоть’ от *тынпо-к* ‘кольнуть/заколоть’ [Сафонова 2012: 155]). В тех языках, в которых мультипликативные глаголы не выделяются в отдельный класс, глагол приобретает либо семельфактивную, либо мультипликативную интерпретацию в зависимости от контекста (англ. *kick* ‘пинать/пнуть’) [Храковский 1989: 26].

1.1.2. Итеративная множественность ситуаций

Итеративная множественность ситуаций предполагает множество повторяющихся ситуаций с неизменным набором актантов, при этом каждой повторяющейся ситуации соответствует отдельный период времени (*Я хожу к стоматологу раз в год; По утрам я пью кофе*) [Dressler 1968; Храковский 1989: 23–25]. В лингвистической литературе имеются разные подходы к типологии итеративных значений.

В классификации Д. Кьюзика выделяются следующие разновидности итеративной множественности: **дупликатив** – ситуация, повторенная дважды (соке *min* ‘прийти’, *mingetu* ‘прийти второй раз’), **альтернатив** – ситуация, представляющая собой два действия, отменяющие друг друга (тубатулабал *loho'm* ‘войти’, *loho:m'loho:ma't* ‘войти и выйти’), **дисконутинуатив-дисперсив** – ситуация имеет место спорадически или рассеяна в пространстве (квилеут *se:ya* ‘он видит’, *sesi:ya* ‘он видит там и тут’) [Cusic 1981: 89–93].

В классификации В.С. Храковского виды итеративной множественности различаются в зависимости от интервала между периодами времени, в которые

совершаются повторяемые ситуации: **фреквентатив** предполагает, что длительность интервала между повторяющимися ситуациями меньше условной нормы (*Я часто хожу в кино*), **дисконтинуатив** предполагает, что длительность интервала между повторяющимися ситуациями превышает условную норму (*Иногда я гуляю в парке*) [Храковский 1989: 48–49].

В исследованиях, посвященных средствам выражения итеративной множественности ситуаций, выявляются несколько способов ее выражения. По данным исследования [Bybee et al. 1994], для выражения итератива характерно использование редупликации (мвера *lya* ‘есть’, *lyalyalya* ‘есть и есть, и есть’) и аффиксации [Ук. соч.: 161]. В [Шлуинский 2005а: 78–79] приводятся сведения о выражении итеративного значения при помощи аналитической конструкции (карачаево-балкарский *iŋna šorpa bišir-ip tur-du* ‘Бабушка снова и снова варила суп’). Итеративное значение часто совмещается в рамках одного показателя с континуативным значением (атчин *ko m’ok wiel* ‘Он продолжать идти’; *ko i-si le ni m’ok wits* ‘Кто продолжает бросать?’) [Bybee et al. 1994: 161] и со значением длительности (баскский *atona zoraegi-ten ari-tu zen* ‘Бабушка очень долго/снова и снова/целый месяц варила суп’) [Шлуинский 2005а: 80].

1.1.3. Хабитуалис

В ряде работ в качестве разновидности итеративного рассматривается **хабитуальное** значение (**хабитуалис**), в общем случае представляющее собой указание на то, что существует некоторый установившийся порядок осуществления ситуации (рус. *Обычно я хожу на работу пешком*; англ. *I used to live in London* ‘Раньше я жил в Лондоне’). Однако место хабитуалиса в категории аспектуальности является в лингвистической литературе предметом дискуссий: одни исследователи относят его к имперфективной зоне линейной аспектуальности, см., например, [Comrie 1976: 24–26]; другие рассматривают как стоящее вне оппозиции перфектив-имперфектив, но способное входить в семантику перфективной или имперфективной глагольной формы, см.,

например, [Dahl 1985: 95–98]. В исследовании [Bybee et al. 1994] отмечается родственность хабитуального и итеративного значений, проявляющаяся в том, что хабитуальное значение диахронически может развиваться у показателей, выражающих итеративную семантику [Ук. соч.: 159]. Б. Комри, однако, подчеркивает, что повторяемость не является обязательным признаком хабитуалиса в отличие от итератива. Например, в предложении *The temple of Diana used to stand at Ephesus* ‘Раньше в Эфесе находился храм Дианы’ не содержится информации, что данная ситуация повторялась, происходила несколько раз или прерывалась [Comrie 1976: 27]. В исследовании [Шлуинский 2005а] хабитуалис включается в семантическую зону предикатной множественности, при этом автор видит различие между итеративным и хабитуальным значением в ограниченности/неограниченности временным периодом: итератив представляет собой повторение ситуации, ограниченное рамками определенного временного периода, тогда как хабитуальное значение подразумевает неограниченную повторяемость [Ук. соч.: 83]. На этом основании хабитуальное значение относится исследователем к сфере событийной множественности, а итеративное значение занимает промежуточное положение между внутрисобытийной и событийной множественностью [Ук. соч.: 81]. В.А. Плунгян относит хабитуальное значение к итеративным, однако отмечает его особое положение среди последних, обусловленное тем, что хабитуальная интерпретация динамической ситуации превращает ее в статическую (т.е. в описание «свойства», а не «процесса»), а также тем, что хабитуалис часто реализуется в языках как самостоятельная граммема, не совмещенная с итеративом [Плунгян 2003: 295].

Лингвистами предлагается несколько оснований для классификации хабитуальных значений. Так, согласно Э. Далю, существует три типа хабитуальных значений, выделяющихся на основании времени ситуации: **хабитуалис в настоящем, хабитуалис в прошедшем и генерический**

хабитуалис (значение, указывающее на вневременные свойства субъекта) [Dahl 1985: 95–102].

В [Плунгян 2011: 398–399] разграничиваются **итеративный** и **генерический** хабитуалис: оба значения указывают на повторяющуюся ситуацию, которая становится характеристикой субъекта или периода времени, но если для значения итеративного хабитуалиса более значим семантический компонент «повторение ситуации» (*Я хожу в бассейн по вторникам*), то в случае генерического хабитуалиса на первый план выдвигается семантический компонент «свойство субъекта» (*Кошки мяукают*).

А.Б. Шлуинский делит хабитуальные значения на **собственно хабитуальные** и **хабитуальные значения индивидного уровня**, основываясь на разграничении вневременных и эпизодических предикатов, предложенном в [Carlson 1977] и [Булыгина 1982]. По данным А.Б. Шлуинского, предикаты со значением вневременных состояний, сочетаясь с хабитуальными показателями, получают интерпретацию, отличную от той, что получают предикаты, относящиеся ко всем остальным акциональным классам (коми-зырянский *нов-л-і* ‘Я таскал снова и снова’, *тöд-л-і* ‘Я знал’) [Шлуинский 2005а: 92]. Среди собственно хабитуальных значений А.Б. Шлуинский называет **стандартное хабитуальное** значение (регулярно повторяющаяся ситуация, например), значение **характеризации** (повторяющаяся ситуация, которая служит для характеристики ее участников, например), значение **раритива** (ситуация, повторяющаяся регулярно, но редко), значение **фреквентатива** (ситуация, повторяющаяся часто), значение **узтитатива** (повторяющаяся ситуация регулярно имеет место при определенных условиях) [Шлуинский 2005а: 83–89]. Среди хабитуальных значений индивидного уровня А.Б. Шлуинский выделяет стандартное значение **постоянного состояния** индивида, значение **свойства** (повторяющаяся ситуация характеризует индивида как имеющего некое свойство), значение **капацитива** (повторяющаяся ситуация, указывающая на способность) и значение **квалитатива** (индивид в силу

принадлежность к некоторому классу индивиду характеризуется тем, что регулярно участвует в некоторой ситуации) [Ук. соч.: 89 – 102].

Невозможность однозначно отнести хабитуальное значение к какой-либо зоне аспектуальности отчасти обусловлена разнообразием способов выражения этого значения в языках мира. В [Шлуинский 2005b] рассматриваются основные стратегии выражения хабитуального значения: имперфективная (хабитуальное значение совмещено с имперфективным в рамках одного показателя), перфективная (хабитуальное значение совмещается с перфективным в рамках одного показателя), хабитуально-стативная (хабитуальное значение совмещается с имперфективным для стативных предикатов), перфективно-хабитуально-стативная (хабитуальное значение совмещается с имперфективным в рамках одного показателя – для стативных предикатов, или с перфективным – для динамических предикатов), собственно хабитуальная (использование специализированного средства). Таким образом, квалификация хабитуального значения как принадлежащего к той или иной семантической зоне аспектуальности во многом зависит от специфики конкретного языка.

1.1.4. Дистрибутивная множественность ситуаций

Дистрибутивный тип множественности представляет собой множество ситуаций, совершающихся за один период времени и вместе представляющих одно событие. Внутреннюю сущность данной категории составляет не полностью тождественный набор актантов/сирконстантов, участвующих в каждой ситуации, т. е. однотипные действия, вместе составляющие одно событие, могут выполняться разными субъектами (*Дети попрыгали в воду*), затрагивать разные объекты (*Девушка перемерила все платья*) или происходить в разных точках пространства (*дно корабля прохудилось в нескольких местах*). Множество субъектов, объектов или точек пространства представляет собой совокупный актант/сирконстант [Храковский 1989: 34]. В. С. Храковский

указывает на то, что совокупным может быть любой актант/сирконстант ситуации, следовательно, можно выделить столько видов дистрибутивной множественности, сколько актантов/сирконстантов может быть, учитывая возможности комбинаторики различных совокупных актантов/сирконстантов одной ситуации [Ук. соч.].

В исследованиях [Dressler 1968; Храковский 1989] классификация дистрибутивов базируется прежде всего на дифференциации актантов/сирконстантов. Так, при **субъектном** дистрибутиве совокупным является актант-субъект (*Книги попадали с полки*), при **объектном** – актант-объект (*Мальчик побросал вещи на пол*), при **адресатном** – актант-адресат (*Учитель раздал контрольные ученикам*). **Дисперсив** обозначает самопроизвольные негативные процессы, осуществляющиеся в разных частях пространственно протяженных предметов или веществ в повторяющихся ситуациях (*Земля в разных местах потрескалась*), **амбулатив** – движение через ряд единичных пунктов в повторяющихся ситуациях (*Она обошла все магазины*). В указанных работах типы дистрибутивных значений также разграничиваются на основании направления движения актантов: **цислокатив** обозначает движение из разных пунктов в одну точку в повторяющихся ситуациях (*В сад с разных сторон слетелись вороны*), **диверсатив** – движение в разные пункты из некоторой центральной точки в повторяющихся ситуациях (*Птицы разлетелись в разные стороны*).

В основу классификации дистрибутивов может быть положен и временной параметр: микроситуации в рамках одного события могут происходить как синхронно (*Зрители вскочили со своих мест*), так и в разные моменты одного временного периода (*Зрители повскакивали со своих мест*) [Dressler 1968; Храковский 1989: 35–36; Долинина 1996: 241].

В исследовании [Долинина 1996] дополнительно отмечается возможность разграничения дистрибутивной множественности двух типов: дискретной и собирательной. При выражении дискретной дистрибутивной множественности

подчеркивается индивидуализированное действие каждого актанта (*Учителя поувольнялись*), тогда как при выражении собирательной дистрибутивной множественности подразумевается полная охваченность действием без исключения всех членов множественного актанта (*Все учителя уволились*) [Ук. соч.: 242].

В.С. Храковский считает правомерным включение в семантическую зону дистрибутивных значений так называемое **квазидистрибутивное** значение, представляющее целостный актант как состоящий из квазиотдельных частей (*Я весь перепачкался*) или целостную ситуацию как осуществляющуюся в несколько приемов [Храковский 1989: 40].

Дистрибутивные значения могут содержаться в семантике лексемы или выражаться с помощью лексических и лексико-грамматических средств. Глаголы, передающие дистрибутивную семантику, В.С. Храковский называет лексическими дистрибутивами (яп. *кубару* ‘раздавать’, франц. *distribuer* ‘распределять, раздавать’) [Храковский 1989: 36]. Грамматические (производные) дистрибутивы могут выражаться с помощью аффиксации (эвенк. *локо*– ‘повесить’, *локо-т*– ‘развешать’) [Ук. соч.: 36], редупликации (марийский *ver* ‘место’, *verən-verən* ‘местами’) [Рожанский 2011: 223].

1.2. Длительность ситуации и средства ее выражения

В лингвистической литературе разграничиваются два типа длительности ситуации: внутренняя, обусловленная аспектуальными признаками предиката, содержащимися в его лексической семантике (*ждать, сидеть*), и длительность, детерминированная извне, – в таком случае показатель длительности находится вне предиката (*Я ждал его до вечера*) [Бондарко 1987b: 101–102]. Способы выражения и выявления внутренней длительности (акциональный признак «наличие/отсутствие срединной стадии ситуации»), содержащейся в семантической структуре, предиката описываются в Главе II настоящего

исследования. В данной главе под длительностью мы далее будем понимать длительность, детерминированную извне.

Объективной длительностью обладает любая реальная ситуация, но в языке длительность ситуации фиксируется не всегда: в том случае, когда реальная длительность ситуации не имеет значения, ситуация может представляться безотносительно ее длительности (*Его исключили из университета*) [Бондарко 1987b: 105–106]. Специальное обозначение в языке могут получать разные степени длительности: высокая (*Тот день тянулся страшно долго*), средняя (*Какое-то время дед гнал за мной...*) и малая (*Известно, что целые рассуждения проходят иногда в наших головах мгновенно*). Поэтому под обозначением длительности понимается не только маркирование «положительной» длительности ситуации, превышающей некоторую условную норму, но и длительности ситуации ниже некоторой условной нормы (кратковременности). В [Bybee et al. 1994: 317] данные значения разграничиваются как чрезмерная длительность (*excessive duration*) и ограниченная длительность (*limited duration*). При этом, как отмечается в [Бондарко 1987b: 100], в языках специальное выражение гораздо чаще получает «положительная» длительность.

2. Количественная аспектуальность в существующих исследованиях жестовых языков

Способы передачи значений количественной аспектуальности анализируются в ряде работ, посвященных исследованию аспектуальности в жестовых языках [Klima, Bellugi 1979; Maroney 2004; Rathmann 2005; Reagan 2007], средств выражения в них предметной и событийной множественности [Pfau, Steinbach 2005b; Miljan 2003] и работах, связанных с изучением структурно-функциональных свойств редупликации [Bergman, Dahl 1994; Pfau, Steinbach 2005a; Birstell 2011]. Кроме того, отдельные показатели

некоторых из значений количественной аспектуальности кратко характеризуются в общих описаниях морфологии ряда жестовых языков.

Способы выражения множественности ситуаций наиболее подробно рассматривались на материале американского [Klima, Bellugi 1979; Vally, Lucas 2000; Maroney 2004; Reagan 2007], израильского [Meir, Sandler 2008], шведского [Bergman, Dahl 1994; Börstell 2011], индо-пакистанского [Zeshan 2000], эстонского [Miljan 2003], тайваньского [Tsay, Myers 2009] и австралийского [Jonston, Schembri 2007] жестовых языков. Наиболее исследованными являются способы выражения **итеративного** и **хабитуального** значений.

Во всех без исключения исследованиях, выполненных на материале разных жестовых языков, основным средством выражения итеративной (а в большинстве работ – и хабитуальной) семантики называется редупликация мануального жеста без изменения его локализации при повторах [Klima, Bellugi 1979; Bergman, Dahl 1994; Zeshan 2000; Maroney 2004; Reagan 2007; Meir, Sandler 2008; Jonston, Schembri 2007]. Кроме того, в некоторых жестовых языках отмечается использование дополнительных средств, уточняющих значения редуплицированных жестов: модификации движения, разной скорости исполнения повторов, разного количества повторов, немануальных маркеров.

Так, в работах, посвященных американскому жестовому языку, отмечается особый характер движения при редупликации, выполняющей итеративную функцию: редуплицированная форма жеста характеризуется особой интенсивностью каждого из повторяемых движений, после которого следует медленный возврат к месту начала исполнения жеста [Klima, Bellugi 1979: 262]. Т. Рейган уточняет характер движения при исполнении редуплицированного жеста: сначала рука движется по прямой линии, а, возвращаясь назад, делает аркообразное движение [Reagan 2007: 22]. По мнению Е. Маруни, характер движения при редупликации может меняться в

зависимости от фонологической структуры исходного жеста [Maroney 2004: 248].

Скорость исполнения повторов используется для различения значений редуплицированных форм в австралийском жестовом языке: медленная редупликация жеста соответствует итеративному значению, а быстрая редупликация – хабитуальному [Jonston, Schembri 2007: 152]. С. Фишер, автор первого исследования редупликации в жестовых языках, соотносит медленную редупликацию в американском жестовом языке с выражением хабитуального значения [Fischer 1973].

Количество повторов жеста при выражении итеративной семантики может быть разным в различных жестовых языках. В израильском жестовом языке итеративное значение выражается несколькими (обычно тремя) повторами жеста. Если жест в исходной форме содержит внутренний повтор, то он сохраняется и в форме итератива: «корневой повтор» сочетается с редупликацией. Например, жест LEARN ‘учиться’ в исходной форме содержит два повторяющихся сегмента, соответственно, в редуплицированном виде – четыре повторяющихся сегмента [Meir, Sandler 2008: 92]. В американском жестовом языке количество повторов непредсказуемо, если жест повторяется более одного раза [Maroney 2004: 247].

Во многих работах отмечается роль немануальных маркеров в выражении итеративной или хабитуальной семантики. Так, в американском жестовом языке при выражении итератива наблюдается наклон корпуса и головы вперед при каждом повторе жеста [Reagan 2007: 21]. В израильском жестовом языке в случае выражения итератива немануальные маркеры, являющиеся частью лексемы, тоже редуплицируются при редупликации мануального показателя [Meir, Sandler 2008: 93]. В шведском жестовом языке некоторые редуплицированные жесты сопровождаются немануальными маркерами или артикуляцией слов звукового (шведского) языка. Например, выпячивание губ

при редупликации дополнительно указывает на выражение хабитуального значения [Bergman, Dahl 1994: 405].

Средствам выражения **мультипликативной множественности** в литературе по жестовым языкам уделяется не так много внимания. В исследованиях, проведенных на материале шведского жестового языка, показано, что жесты, передающие мультипликативную семантику, содержат внутренний повтор [Bergman, Dahl 1994: 412; B rstell 2011: 5–8] и иконически отражают конкретные характеристики денотативной ситуации [B rstell 2011: 69]. Б. Бергман и Э. Даль сравнивают мультипликативные глагольные жесты с идеофонами – звукоподражательными и изобразительными словами, представляющими в некоторых звуковых языках отдельный класс слов с особыми фонологическими, грамматическими и семантическими свойствами [Bergman, Dahl 1994: 412].

К показателям **дистрибутивной множественности** ситуаций в работах, выполненных на материале разных жестовых языков, относят двуручную редупликацию с поочередным исполнением жеста правой и левой рукой при повторах [Klima, Bellugi 1979], движение по дуге [Klima, Bellugi 1979; Tsay, Myers 2009], редупликацию в сочетании со смещением локализации жеста по дуге при повторах [Klima, Bellugi 1979; Zeshan 2000, Miljan 2003; Tsay, Myers 2009], немануальные маркеры [Zeshan 2000].

Наиболее часто отмечается использование движения по дуге и редупликации в сочетании со смещением локализации жеста по дуге при повторах. Так, в исследованиях американского жестового языка движение по дуге рассматривается как средство выражения собирательного значения, а редупликация в сочетании со смещением локализации жеста по дуге – как средство выражения дистрибутивного значения [Klima, Bellugi 1979]. В тайваньском жестовом языке редупликация в сочетании со смещением локализации жеста по дуге используется, если дистрибутивные ситуации происходят отдельно для каждого актанта; если же ситуации происходят для

всех актантов одновременно, то используется движение по дуге без редупликации [Tsay, Myers 2009: 90]. В упомянутых исследованиях затрагивается и вопрос типа множественного актанта: в американском жестовом языке редупликация в сочетании со смещением локализации жеста по дуге используется для выражения объектной и субъектной множественности [Klima, Bellugi 1979], а в тайваньском жестовом языке – для выражения объектной множественности [Tsay, Myers 2009: 90].

В некоторых исследованиях учитывается количество повторов при редупликации в сочетании со смещением по дуге, используемых для передачи дистрибутивной семантики. Так, У. Зешан считает самой распространенной формой дистрибутива в индо-пакистанском жестовом языке три повтора жеста со смещением локализации жеста справа налево [Zeshan 2000: 66]. В указанной работе отмечаются также ограничения, связанные с фонологической структурой жеста: если в нем содержится контакт с корпусом говорящего, то в этом случае исполнение жеста в разных точках пространства заменяется контактом с разными точками на корпусе говорящего [Ук. соч.]. В работе М. Мильян, посвященной выражению множественности в эстонском жестовом языке, отмечается, что количество повторов при редупликации в сочетании со смещением по дуге не отражает количество повторяющихся действий в конкретной денотативной ситуации [Miljan 2003: 211].

В выражении дистрибутивной семантики могут участвовать и немануальные маркеры. Например, в индо-пакистанском жестовом языке жест *lie* ‘лгать’ в форме дистрибутива повторяется несколько раз без изменения локализации, выражая значение ‘лгать всем’, при этом корпус говорящего изменяет ориентацию то вправо, то влево, то прямо [Zeshan 2000: 66].

Выражение дистрибутивной семантики в жестовых языках возможно не только для глагольных, но и для именных жестов, а также для классификаторных конструкций. Существование именных дистрибутивных форм отмечается в эстонском и в индо-пакистанском жестовых языках

[Zeshan 2000], [Miljan 2003]. У. Зешан полагает, что форма дистрибутива в индо-пакистанском жестовом языке выражает обобщенный концепт «существования в разных местах» [Zeshan 2000: 66–67].

Средства выражения **длительности** ситуации, по нашим данным, специально не исследовались, они лишь упоминаются в ряде работ. Наиболее часто отмечается использование для выражения данного значения редупликации: этот способ обозначения длительности обнаруживается в американском жестовом языке [Klima, Bellugi 1979: 256–257; Rathmann 2005: 68], шведском жестовом языке [Bergman, Dahl 1994: 405], в австралийском жестовом языке [Johnston, Schembri 2007: 153], израильском жестовом языке [Meir, Sandler 2008: 92–93], тайваньском жестовом языке [Tsay, Myers 2009: 92]. Исследователи отмечают также важность скорости исполнения повторов: в австралийском жестовом языке для передачи семантики длительности используется быстрая редупликация [Johnston, Schembri 2007: 153], в американском, израильском, шведском – медленная редупликация [Klima, Bellugi 1979: 256–257; Bergman, Dahl 1994: 405; Meir, Sandler 2008: 92–93]. При этом в американском жестовом языке медленная редупликация сочетается со смещением жеста по эллиптической траектории [Klima, Bellugi 1979: 256–257], в тайваньском – со смещением по кругу [Tsay, Myers 2009: 92]. Кроме того, по данным [Meir, Sandler 2008: 92–93], в израильском жестовом языке жесты, имеющие внутренний повтор, утрачивают его при редупликации.

В работах, выполненных на материале американского [Rathmann 2005: 68] и тайваньского [Tsay, Myers 2009: 92] жестовых языков, упоминается также модификация скорости исполнения жеста (замедление движения) как средство выражения семантики длительности. Кроме того, в американском жестовом языке данное значение может выражаться с помощью временных наречий (например, TWO.TO.FOUR ‘от двух до четырех вечера’) и наречий образа действия [Rathmann 2005: 68].

Специальных исследований, посвященных средствам выражения количественной аспектуальности в русском жестовом языке, не проводилось. Вопросы передачи семантики множественности ситуаций лишь кратко затрагиваются в двух небольших статьях [Зайцева, Фрумкина 1981] и [Шамаро 2006] и в очерке [Grenoble 1992]. В них отмечается, что многократность и повторяемость ситуации передается с помощью повторов жеста (например, жест со значением ‘заказывать (многократно)’ исполняется с несколькими повторениями, а жест со значением ‘заказать’ исполняется однократно и резко) [Зайцева, Фрумкина 1981: 17; Grenoble 1992: 331]. Е.Ю. Шамаро дополнительно разграничивает два типа повторения жеста: внутреннее, содержащееся в исходной форме жеста, и внешнее, модифицирующее глагольную основу. Внутреннее повторение, по мнению автора, передает семантику процесса, тогда как внешнее повторение выражает ряд значений, относящихся к семантической зоне множественности ситуаций: мультипликативное, итеративное, хабитуальное [Шамаро 2006: 187].

3. Средства выражения количественной аспектуальности в русском жестовом языке

3.1. Средства выражения множественности ситуаций

3.1.1. Мультипликативная множественность ситуаций

В РЖЯ для выражения значений мультипликативной множественности ситуаций используются жесты-мультипликативы. Как было показано в разделе 2.2.2, жесты со значением дискретных процессов содержат внутренний («корневой») повтор¹²³. Для мультипликативных жестов, кодирующих ситуацию, состоящую из серии единичных одинаковых квантов, наличие этого фонологического признака является обязательным. В (266–268) глагольные

¹²³ Напомним, что внутренний повтор в глагольных жестах в РЖЯ является аналогом немотивированной редупликации в звуковых языках (подробнее о нем см. [Буркова, Филимонова 2014]).

жесты КАЧАТЬ.КОЛЯСКА, ЖЕВАТЬ, БЛЕСТЕТЬ содержат внутренние повторы, хотя само количество повторов не отражает количество движений в денотативной ситуации.

В [Храковский 1989: 27] отмечается, что особенностью средств выражения мультипликатива в звуковых языках является высокая степень их иконичности, мотивированности связи между формой и признаком объекта-денотата. Жесты-мультипликативы подтверждают выводы об изобразительной природе средств выражения мультипликативного значения в человеческих языках даже в большей степени, чем материал звуковых языков. Высокая степень изобразительности жестового языка позволяет мультипликативным жестам сохранить прямую связь с денотативной ситуацией: в них иконически, при помощи внутренних повторов, отражается членимость мультипликативной ситуации на микроситуации (кванты). Кроме того, в жестах-мультипликативах обычно иконически отображаются и признаки денотата, они мотивируют форму жеста. Практически все имеющиеся в нашем материале жесты-мультипликативы иконичны и изобразительны. Например, в (193) глагольный жест точно копирует движение, совершаемое при качании коляски. В (194) жест включает в себя немануальный компонент – информант изображает процесс жевания (рука в конфигурации -А¹²⁴ совершает круговые движения у рта). В примере (195) при исполнении жеста БЛЕСТЕТЬ несколько раз быстро меняется ориентация руки, изображая мерцание. На этом основании можно сделать вывод о том, что жесты-мультипликативы в РЖЯ сходны с идеофонами, – словами, форма которых тесно связана с сенсорными характеристиками денотативной ситуации. Отличие жестов-мультипликативов от идеофонов состоит в том, что внутренняя форма жестов, как правило, связана не с имитацией звука, а с имитацией формы и движений денотата.

(193) ДЕВУШКА КАЧАТЬ.КОЛЯСКА

¹²⁴ См. Приложение 6.

‘Девушка качала коляску’ (ap-s1).

(194) ВЗЯТЬ.ТЯНУТЬ.ОДЕЯЛО INDX ХЛЕБ ЖЕВАТЬ

‘[Он] взял одеяло и потянул, а там [лежит мальчик и] жуёт хлеб’ (n-s25).

(195) ОКНО INDX ЧИСТЫЙ БЛЕСТЕТЬ ПОВЕРХНОСТЬ ЧИСТЫЙ

‘Окно чистое, блестит’ (ap-s12).

Различные типы мультипликативной множественности ситуаций дифференцируются в РЖЯ тоже иконически – при помощи иконических модификаций жеста. Так, для выражения значения *rarитива* (указания на то, что отдельные кванты ситуации осуществляются с периодичностью ниже некоторой условной нормы) (196), повторы в жесте исполняются с несколько меньшей, по сравнению со словарной формой жеста, амплитудой и скоростью движения. Значение *сепетива* (указания на то, что отдельные кванты ситуации осуществляются с периодичностью выше некоторой условной нормы) передается с помощью увеличения скорости повторов (197).

(196) УЧИТЕЛЬ СТУЧАТЬ.УКАЗКОЙ(cm/sl)

‘Учитель сердито постукивал указкой’ (ap-s1).

(197) ВЕТЕР ЛАМПА.КАЧАТЬСЯ(cm/fst)

‘Сильный ветер, лампа сильно раскачивается’ (ap-s8).

Для выражения значения *альтернатива* (указания на разнонаправленное повторяющееся движение) используются классификаторные конструкции, в которых классификаторная конфигурация, иконически обозначающая отнесенность референта к определенному классу, выступает в сочетании с редупликацией и инверсией движения при повторах. Например, в случае, когда

речь идет о человеке, используется классификаторная конфигурация CLF:ЧЕЛОВЕК, представляющая собой иконическое изображение прямоходящего существа (указательный палец поднят вверх, остальные пальцы собраны в кулак) (198). В случае, когда необходимо конкретизировать тип движения, добавляется соответствующий жест, например, БЕЖАТЬ в (199).

(198) МАЛЬЧИК НЕРВНИЧАТЬ CLF:ЧЕЛОВЕК.ДВИГАТЬСЯ(cm/inv)
 ‘Мальчик нервно расхаживал туда-сюда [по комнате]’ (an-s1).

(199) ДЕВОЧКА БЕЖАТЬ CLF:ЧЕЛОВЕК.ДВИГАТЬСЯ(cm/inv)
 ‘Девочка бегала туда-сюда’ (an-s1).

Для выражения значения альтернатива могут использоваться и другие классификаторные конструкции, например, с конфигурацией CLF:МАШИНА (кисть руки в конфигурации «Ж»¹²⁵, иконически изображающая корпус легковой машины) (200). Однако в том же контексте для обозначения альтернатива может использоваться и классификаторная конструкция с конфигурацией CLF:ЧЕЛОВЕК, а субъект движения уточняется при помощи дополнительного лексического жеста, например, ВЕСТИ.МАШИНА в (201).

(200) ОСТАНОВКА Я СТОЯТЬ+(r/s) CLF:МАШИНА.ДВИГАТЬСЯ(cm/inv)
 ‘Я стоял, стоял на остановке, а передо мной машина ездила туда-сюда’ (an-s10).

(201) ВЕСТИ.МАШИНА CLF:ЧЕЛОВЕК.ДВИГАТЬСЯ(cm/inv) PRTCL
 ‘Машина ездит туда-сюда, что такое?’ (an-s3)

¹²⁵ См. Приложение 6.

Мультипликативное значение в звуковых языках тесно связано с *семельфактивным* – указанием на отдельную микроситуацию в серии ей подобных (*моргать–моргнуть*). Соотношение данных значений в звуковых языках различается: исходной (непроизводной) формой может быть как мультипликатив, так и семельфактив. В некоторых языках глаголы приобретают мультипликативное или семельфактивное значение в зависимости от контекста [Храковский 1989: 26]. В РЖЯ жесты, выражающие семельфактивное значение, отличаются от мультипликативных жестов отсутствием внутреннего повтора. При этом можно предположить, что в данном языке в паре «мультипликатив/семельфактив» исходной формой является именно мультипликативный жест, несмотря на то, что он содержит больше «фонетического» материала, чем жест, передающий семельфактивное значение. Во-первых, наличие внутреннего повтора у мультипликативного жеста обусловлено его отнесенностью к акциональному классу процессов, – в этом смысле он не отличается от других жестов со значением процессов. Во-вторых, семельфактивные жесты встречаются в РЖЯ очень редко по сравнению с мультипликативными жестами. Скорее всего, это обусловлено иконическим отображением ситуаций реальной действительности, в которой мультипликативные ситуации встречаются чаще, чем семельфактивные. Подавляющее большинство мультипликативных жестов не имеют парного жеста с семельфактивным значением, например, жест ЖЕВАТЬ. Отсутствие у жеста-мультипликатива пары с семельфактивным значением связано с отображением иконических характеристик ситуации: в реальной действительности ситуации типа ‘жевнуть’ встречаются редко и не преодолевают необходимого порога значимости для отдельного их обозначения. Таким образом, логично предположить, что в РЖЯ семельфактивный жест образуется от мультипликативного путем утраты внутреннего повтора. В примере (202) представлены формы мультипликатива и семельфактива одного и того же глагола: значение ‘моргать’ передается

жестом, в котором две руки в конфигурации -Л¹²⁶ находятся перед глазами говорящего; большой и средний палец два раза смыкаются, иконически изображая «моргание»; значение семельфактива ‘моргнуть’ выражается жестом с той же конфигурацией, локализацией и ориентацией, но без повтора движения. Следует отметить, что жест при этом сохраняет иконичность (изображение закрывающихся глаз). Важно также отметить, что при этом оба жеста имеют примерно одинаковую длительность исполнения – 0,68 сек. для жеста МОРГАТЬ, 0,56 сек. для жеста МОРГНУТЬ.

(202) ВРАЧ ПРОСИТЬ INDX МОРГАТЬ НЕТ / INDX МОРГНУТЬ

‘Врач попросил больного не моргать, но больной все равно моргнул’
(an-s1).

3.1.2. Итеративная множественность ситуаций

Семантика итеративной множественности ситуаций передается в РЖЯ при помощи простой мануальной редупликации (повтора жеста без изменения его параметров), лексических средств (жестов, представляющих собой функциональные аналоги наречий в звуковых языках) и специализированного аналитического показателя – служебного жеста БЫТЬ:PAST+(r/s). Как показывает проведенное исследование, выбор средства выражения итеративного значения преимущественно зависит от акционального класса предиката.

В случае, когда жест обозначает событие, для выражения итеративной семантики используется простая редупликация (203–206). Использование редупликации для выражения итеративных значений типологически распространено в языках мира. В [Bybee et al. 1994: 159] выражение итеративного значения рассматривается как одна из первых и ранних функций редупликации. Различные оттенки итеративной множественности – *фреквентатива* (указания на то, что интервалы между повторяющимися

¹²⁶ См. Приложение 6.

ситуациями меньше некоторой условной нормы), *дисконтинуатива* (указания на то, что интервалы между ситуациями больше некоторой условной нормы) – дифференцируются при помощи дополнительных лексических средств, указывающих на обстоятельства цикличности или интервала, с которым осуществляется ситуация: КАЖДЫЙ МЕСЯЦ (204), КАЖДАЯ НЕДЕЛЯ, ЧАСТО (205), ИНОГДА (206) и др.

(203) РАНЬШЕ БАБУШКА УЧИТЬ:1PS БЫТЬ:PAST ГОВОРИТЬ
Л-О-Г-О-П-Е-Д ПРИВЕСТИ+(r/s) БЫТЬ:PAST
‘Раньше бабушка учила меня говорить голосом, к логопеду водила’ (d-s9-a8).

(204) Я ДОМ:LOC УЧИТЬСЯ ЭКЗАМЕН ОТПРАВИТЬ+(r/s) КАЖДЫЙ
МЕСЯЦ КОНТРОЛЬНАЯ.РАБОТА ПИСАТЬ ОТПРАВИТЬ+(r/s)
‘Я заочно (букв.: дома) училась, каждый месяц отправляла контрольные работы’ (n-s4).

(205) МОЙ ОДНОКЛАССНИК+(r/s) ЧАСТО КИНОТЕАТР ПРИЙТИ+(r/s)
ВМЕСТЕ
‘Мы с одноклассниками часто ходим в кино’ (an-s1).

(206) ИНОГДА ВСТРЕТИТЬСЯ+(r/s) / ЛЮБИТЬ ОЧЕНЬ СВОЙ В-Н-У-Ч-К-А
‘[Мы с ней] иногда встречаемся, я очень люблю свою внучку’ (n-s4).

В имеющихся в нашем материале примерах преобладают редулицированные формы с однократным повтором – они составляют примерно две трети всех примеров с итеративом и подавляющую часть примеров с фреквентативом и дисконтинуативом. Два или, очень редко,

большее количество повторов, по-видимому, используется для акцентирования множественности ситуаций (207–209).

(207) ПОСТАВИТЬ.УКОЛ++(r/s) ДЕНЬ МНОГО
 ‘(Лежал я как-то в больнице целых три месяца.) Много дней мне ставили уколы’ (n-s25).

(208) РАБОТАТЬ С.УТРА.ДО.ВЕЧЕРА СЛЕДУЮЩИЙ РАБОТАТЬ
 ПРИЙТИ+++ (r/s) INDX
 ‘Работал с утра до вечера, потом шел на другую работу’ (n-s18).

(209) СЕРЬЕЗНЫЙ НУЖНО ЧЕЛОВЕК+(r/s) ВЕСЬ СОБРАТЬ
 УДАРИТЬ+++++(r/s)
 ‘Серьезно, нужно всех людей собрать и добиваться, добиваться [статуса жестового языка]’ (d-s9-a8).

В РЖЯ имеется также специализированный аналитический показатель итеративной множественности, образованный путем редупликации жеста БЫТЬ:PAST. В исходной форме жест БЫТЬ:PAST может выступать в функции бытийного глагола в форме прошедшего времени, в функции глагола-связки в составе именного сказуемого (при этом описываемая ситуация не может быть не локализована во времени) или в функции аналитического показателя прошедшего времени¹²⁷. В редуплицированной форме жест БЫТЬ:PAST выражает значения ‘бывает’, ‘бывало’. Показатель БЫТЬ:PAST+, по нашим данным, не имеет ограничений на акциональную семантику предиката: последний может обозначать как событие (208), так и состояние или процесс (212–215).

¹²⁷ Подробнее об этих функциях жеста БЫТЬ:PAST см. раздел 5.3.4 Главы III.

- (210) УЧИТЬСЯ ХОРОШИЙ ПЛОХОЙ **БЫТЬ:PAST+(r/s)** ЧЕТЫРЕ ТРИ
ПЯТЬ
'Училась то хорошо, то плохо, бывали четверки, тройки, пятерки' (n-s11).
- (211) ДА **БЫТЬ:PAST+(r/s)** / ИНОГДА ПРИЙТИ.В.ГОСТИ:LOC+(r/s)
ЗАБОТИТЬСЯ
'(– Ты ходишь в гости к бабушке?) – Да, бывает, иногда захоживаю
проведать' (an-s1).
- (212) Я **БЫТЬ:PAST+(r/s)** ДЕЛАТЬ УТРО INDX Я НУЖНО
РАБОТАТЬ
'Бывало, что мне по утрам нужно было работать' (n-s25).
- (213) ГОВОРИТЬ **БЫТЬ:PAST+(r/s)** ГЛАЗЕТЬ ОСМАТРИВАТЬ
'Слышащие (букв.: говорящие), бывает, глазают на нас' (n-s5).
- (214) ДЕТИ РЫДАТЬ МНОГО.РАЗ **БЫТЬ:PAST+(r/s)** INDX(r/s:cm/arc)
МНОГО
'Дети, бывает, рыдают (когда в первый раз приходят в детский сад)' (n-s25).
- (215) ХОРОШИЙ БЛАГОДАРИТЬ / **БЫТЬ:PAST+(r/s)** / ГОЛОВА.БОЛЕТЬ
БЫТЬ:PAST+(r/s)
'(– Как Ваше здоровье?) – Спасибо, хорошо, только голова, бывает, болит' (an-s1).

Если ситуация, обозначаемая жестом, относится к акциональным классам процессов или эпизодических состояний, итеративная множественность часто

также выражается только лексически¹²⁸ – при помощи жестов КАЖДЫЙ.ДЕНЬ, ИНОГДА, ЧАСТО и т.п. (216–218).

(216) INDX КАЖДЫЙ.ДЕНЬ ЧАС:ДВА ЗУБРИТЬ АНГЛИЙСКИЙ
‘Он каждый день по два часа занимается английским языком’ (an-s9).

(217) INDX(cm/arc) ИНОГДА ЕХАТЬ АМЕРИКА INDX
‘Они иногда ездят в Америку’ (n-s1).

(218) INDX БОЛЕТЬ ЧАСТО ПРИЧИНА / НУЖНО ЗАНИМАТЬСЯ.СПОРТОМ
‘Ты так часто болеешь, потому что не занимаешься спортом’ (an-s1).

3.1.3. Хабитуалис

Хабитуальное значение выражается в РЖЯ при помощи жеста ВСЕГДА, жеста МОЧЬ и редупликации. Наше исследование показывает, что выбор того или другого из указанных средств связан с выражением разных типов хабитуальности: с помощью жеста ВСЕГДА выражается генерическое хабитуальное значение, с помощью жеста ВСЕГДА в сочетании с редупликацией – итеративное хабитуальное значение, с помощью жеста МОЧЬ – значение капацитета.

3.1.3.1. Генерический хабитуалис

Генерическое хабитуальное значение представляет собой указание на вневременные свойства индивида [Dahl 1985: 99; Плунгян 2011: 398–399]. В русском жестовом языке оно передается при помощи жеста ВСЕГДА¹²⁹: средний палец, согнутый по отношению к ладони под углом 45 градусов (остальные

¹²⁸ Жесты, обозначающие процессы и эпизодические состояния, в принципе могут редуплицироваться, но получают при редупликации не значение итератива, а значение «положительной» длительности (см. также раздел 2.1.1.1. Главы II).

¹²⁹ У одного из информантов отмечается употребление жеста ХАРАКТЕР в той же функции. Интересно, что жест ХАРАКТЕР отличается от жеста ВСЕГДА только локализацией: он выполняется в области сердца.

пальцы расправлены), два раза касается щеки. Данный жест используется в значении ‘во всякое время, постоянно’ (219).

- (219) АНГЛИЙСКИЙ ПЕРЕПИСЫВАТЬСЯ РУССКИЙ НИКОГДА ПЕРЕПИСЫВАТЬСЯ
АНГЛИЙСКИЙ **ВСЕГДА**
‘Переписывалась с друзьями по-английски, по-русски – никогда, всегда
по-английски’ (n-s22).

В примерах (220–223) с помощью жеста **ВСЕГДА** передается генерическое хабитуальное значение: речь идет о свойствах, присущих индивиду на протяжении всей его жизни (220–221) или ее значительного периода (222) или свойствах, присущих целому классу индивидов (223). Нужно отметить, что большинство предикатов, сочетаясь с которыми жест **ВСЕГДА** выражает генерическое хабитуальное значение, принадлежат к акциональному классу устойчивых состояний (220–223).

- (220) ВСЕ НЕ.ЛЮБИТЬ INDX ЗЛОЙ **ВСЕГДА**
‘Его никто не любит, потому что он злой’ (a-s9).

- (221) ДЕВУШКА **ВСЕГДА** СЛАБЫЙ ПРАВДА
‘Девушки же слабые, правда?’ (d-s24-a23).

- (222) Я МАЛЕНЬКИЙ **ВСЕГДА** ЛЮБИТЬ СКАЗКА ЧИТАТЬ / ВЗРОСЛЫЙ
PRTCL ЗНАТЬ Н-Е ЧИТАТЬ НЕ
‘Маленькой я любила читать сказки, выросла, все [сказки] знаю, не читаю’ (an-s13).

- (223) НАПРИМЕР МАЛЕНЬКИЙ ВОЛОСЫ **ВСЕГДА** **СВЕТЛЫЙ** НАПРИМЕР
 ВЗРОСЛЫЙ ВОЛОСЫ ИЗМЕНИТЬ(sm/sl) ВОЛОСЫ ИЗМЕНИТЬ
 СЕЙЧАС ТЕМНЫЙ У-Ж-Е

‘Например, у маленьких волосы обычно светлые, а у взрослых волосы
 меняются, [цвет] волос изменился, сейчас темные уже’ (a-s13).

3.1.3.2. Итеративный хабитуалис

Итеративное хабитуальное значение представляет собой указание на ситуацию, повторение которой служит характеристикой индивида или определенного периода времени [Плунгян 2011: 398–399]. В русском жестовом языке для выражения данного значения, по нашим данным, используется жест ВСЕГДА (227–228) или сочетание жеста ВСЕГДА с простой мануальной редупликацией предикатного жеста (224–226). При этом редупликация используется только в том случае, когда ситуация, описываемая предикатом, принадлежит к акциональному классу событий (224–226). Если предикат принадлежит к акциональному классу процессов или эпизодических состояний, то итеративное хабитуальное значение выражается только жестом ВСЕГДА (227–228)¹³⁰.

- (224) ЧЕЛОВЕК // **ВСЕГДА** // КАЖДЫЙ НЕДЕЛЯ:ОДИН НЕДЕЛЯ:ДВА /
 ВРЕМЯ ПРИЙТИ ЗАБРАТЬ:1PS ДОМ:ЛОС **ЗАБРАТЬ:1PS+(r/s)**
 ‘Каждую неделю или две недели за мной приходили и забирали домой’
 (n-s23).

- (225) Я ВЕСЬ Я ОДНОКЛАССНИК МОЙ ВЕСЬ **ВСЕГДА** **ПРИЙТИ+(r/s)**
 КИНОТЕАТР
 ‘Мы со всеми одноклассниками обычно ходим в кино’ (an-s12).

¹³⁰ Как уже отмечалось выше, жесты, обозначающие процессы и эпизодические состояния, могут редуплицироваться, но получают при редупликации не значение множественности ситуаций, а значение «положительной» длительности ситуации (см. также раздел 2.1.1.1 Главы II).

- (226) МЫ / НОВЫЙГОД INDX Я ВСЕГДА КУПИТЬ+(r/s) МАНДАРИН //
- INDX ТАКОЙ.ЖЕ

‘К Новому году мы обычно покупаем мандарины. [А вы] тоже?’ (an-s12)

- (227) ОЧЕНЬ СКУЧНО ВСЕГДА ОБЪЯСНЯТЬ PRTCL

‘[Учитель] очень скучно объяснял [материал]’ (d-s9-a8).

- (228) Л-А-Й-К-А РЯДОМ СОБАКА INDX ВСЕГДА СПАТЬ ВМЕСТЕ СЕМЬЯ
- ДЕТИ ВМЕСТЕ

‘Лайка обычно спит вместе с семьей, с детьми’ (n-s20).

3.1.3.3. Капацитив

Капацитив представляет собой одно из частных значений хабитуалиса, характеризующее способность субъекта участвовать в ситуации [Шлуинский 2005а: 50; Плунгян 2011: 399]. Капацитив выражается в РЖЯ при помощи модального жеста МОЧЬ: рука из конфигурации -5 переходит в конфигурацию дактильной -ж¹³¹ на уровне носа, «на уровне нижней части лица справа налево производится быстрое хватательное движение» [Бородулина 2012а]. Жест МОЧЬ используется в РЖЯ для выражения внутренней и внешней недеонтической возможности [Ук. соч.]. Например, в (229) жест МОЧЬ кодирует внутреннюю возможность субъекта, а в (230) – возможность, обусловленную внешними обстоятельствами.

- (229) К-И-Р ПАХНУТЬ CLF:МНОЖЕСТВО ВЕСЬ М-У-Х-А ТАКОЙ.ЖЕ УБРАТЬ
- МОЧЬ / Я УДИВИТЬСЯ

‘[Оказывается], запах керосина тоже может убрать (т.е. отпугнуть) мух, я удивился’ (n-s25).

¹³¹ См. Приложение 6.

(230) ВНИМАТЕЛЬНЫЙ CLF:ЧЕЛОВЕК.СТОЯТЬ=CLF:ЧЕЛОВЕК.СТОЯТЬ
ГОВОРИТЬ ГУБЫ ЧИТАТЬ **МОЧЬ** ЗАНЯТИЕ

‘Внимательна [была на уроке], учитель стоял прямо передо мной, я могла читать по губам, занималась’ (n-s4).

Примеры с жестом МОЧЬ роли показателя капацитива встречаются в нашем материале только в лингвистических анкетах. Следует заметить, что заданные высказывания на русском языке не содержат слова «мочь», т.е. употребление жеста не мотивировано высказыванием на русском языке. Кроме того, один и тот же способ выражения капацитива используется разными информантами независимо друг от друга, ср. (231) и (232). С нашей точки зрения, использование показателя недеонтической внутренней возможности для выражения значения характеристики субъекта по его умению/способности является логичным, поскольку значение умения, приобретенного в результате хабитуальной повторяемости, и значение внутренней возможности семантически очень близки.

(231) INDX СЛЕСАРЬ ХОРОШИЙ КАЧЕСТВО INDX ЛЮБОЙ ЗАМОК
ОТКРЫТЬ.ДВЕРЬ **МОЧЬ** PRTCL

‘Хороший был слесарь – любые замки открывал’ (ap-s6).

(232) INDX ВАРИТЬ САМ ВКУСНЫЙ ВАРИТЬ БЫТЬ:PAST / САМ
ВКУСНЫЙ **МОЧЬ** СУП

‘Он сам вкусно готовил, сам готовил вкусные супы’ (ap-s12).

3.1.4. Дистрибутивная множественность ситуаций

Для выражения дистрибутивной множественности ситуаций в РЖЯ используются разные структурные типы редупликации¹³² и модификации параметров жеста. Указанные морфологические средства и их сочетания обнаруживают отчетливую функциональную дистрибуцию: выбор того или иного показателя зависит от типа совокупного актанта, одновременности/разновременности ситуаций внутри дистрибутивной ситуации, наличия/отсутствия индивидуализации каждого актанта.

3.1.4.1. Субъектный, объектный и адресатный дистрибутив

Основными средствами выражения дистрибутивной семантики являются двуручная редупликация (исходно одноручный жест выполняется двумя руками; при этом возможны также линейные повторы жеста каждой рукой) и простая мануальная редупликация (простой линейный повтор жеста), сочетающаяся со смещением жеста по дугообразной траектории при каждом повторе¹³³. При помощи указанных средств в РЖЯ формально разграничиваются значения *субъектного* дистрибутива и *объектного/адресатного* дистрибутива.

Значение **субъектного дистрибутива** выражается при помощи двуручной редупликации (233–237). Мануальные артикуляторы в данном случае имеют равноправный статус, каждая рука символизирует действие, совершаемое отдельным субъектом, входящим в совокупный актант. Количество линейных повторов жеста при выражении данного значения варьирует от 1 до 5, при этом корреляции между количеством повторов и количеством ситуаций в рамках денотативной дистрибутивной ситуации не обнаруживается.

¹³² Структурные типы и функции редупликации в РЖЯ кратко характеризуются в главе I настоящего исследования. Более подробное их описание см. [Буркова, Филимонова 2014].

¹³³ Следует заметить, что указанные морфологические средства имеют ограничения, связанные с фонологической структурой жеста, см. о них раздел 3.1.4.6 настоящей главы.

- (233) РАНЫШЕ БОЛЕТЬ ТУБЕРКУЛЕЗ ЧЕЛОВЕК УМЕРЕТЬ++++(r/dbl/alt)
МНОГО
'Раньше много людей умирало от туберкулеза' (an-s9).
- (234) УЛИЦА ПЕСОК СЫПАТЬ ПЕСОК П-Е-С-О-К // ЧЕЛОВЕК(r/dbl/sm)
УПАСТЬ+++ (r/dbl/alt) НЕТ
'Улицы посыпали песком. Теперь люди не падают' (an-s4).
- (235) ДЕТИ ДРУГ УЧИТЬ:1PS+++ (r/dbl/alt) / ДРАЗНИТЬ:1PS
МАХАТЬ.РУКАМИ СЛЫШАТЬ:НЕ ГОВОРИТЬ ДРАЗНИТЬ:1PS //
ВЕЖЛИВЫЙ МОЛЧАТЬ
'Дети, друзья [в интернате], обучали меня [жестовому языку], дразнили:
я не слышу, [а они] дразнили меня говорящей. Я вежливая была,
молчала' (n-s4).
- (236) СПРОСИТЬ:1PS++ (r/dbl/alt) / СЕВЕР CLF:САМОЛЕТ.ЛЕТЕТЬ ХОРОШИЙ
'[Люди] меня расспрашивают: «Как на Север слетали, хорошо?»' (n-s20).
- (237) КУРИТЬ ПИТЬ.АЛКОГОЛЬ ВЫПИТЬ+++++(r/dbl/alt)
'[Молодежь сейчас] курит, пьет алкоголь, все выпивают' (n-s18).

В случае, когда при выражении значения субъектного дистрибутива объектом или адресатом является сам говорящий, а жест допускает изменение ориентации, используется простая мануальная редупликация в сочетании со смещением локализации жеста при каждом повторе по дуге (238–239). При этом рука обращена ладонью или пальцами к говорящему и совершает движение по направлению к говорящему при каждом повторе.

- (238) СТУДЕНТ АУДИТОРИЯ / ВЕСЬ ПИСАТЬ
ОТПРАВИТЬ.ПИСЬМО:1PS+++ (mx:co/plm:r/s:cm/arc) БЫТЬ:PAST
 ‘Все студенты написали мне по письму’ (an-s1).

- (239) **СМОТРЕТЬ:1PS+ (mx:r/s:cm/arc)**
 ‘Все смотрят на нас [меня и моих друзей]’ (n-s5).

В случае, когда совокупным актантом является **объект/адресат/место**, значение дистрибутивной множественности ситуаций выражается при помощи простой мануальной редупликации, выступающей в сочетании со смещением локализации жеста при каждом повторе по дуге (240–247). Количество повторов варьирует от 1 до 4, однако в большинстве примеров редуплицированный жест содержит два повтора. Как и в случае субъектного дистрибутива, корреляции между количеством повторов жеста и количеством ситуаций в действительности не обнаруживается.

- (240) СМЕЯТЬСЯ ХОХОТАТЬ УЖЕ_{PRF} / PRTCL CLF:МНОЖЕСТВО.ДВИГАТЬСЯ
 ИСКАТЬ ГЛУХОЙ / ГОВОРИТЬ РАЗНЫЙ **ВСТРЕТИТЬ+++ (r/s:cm/arc)**
 ‘Посмеялись и пошли дальше, искали глухих, встречали разных слышащих (букв.: говорящих)’ (n-s16).

- (241) УЧИТЬСЯ КЛАСС INDX МАЛЬЧИК ДЕВОЧКА CLF:ЛЮДИ ВСЕ
ПОЦЕЛОВАТЬ++ (r/s:cm/arc) БЫТЬ:PAST
 ‘Ученик, мальчик перечеловал всех девочек в классе’ (an-s1).

- (242) М-Ы ЕЩЕ ЖИТЬ НЕ НОВЫЙ КВАРТИРА INDX НУЖНО
ЧИНИТЬ++ (r/s:cm/arc)
 ‘Мы еще не живем в новой квартире – там надо все ремонтировать’ (an-s4).

- (243) МОЙ ДРУГ МОСКВА INDX ЖИТЬ / ПРИЕХАТЬ
 ПРИЙТИ.В.ГОСТИ:1PS Я ПОКАЗАТЬ ГОРОД ВМЕСТЕ ГУЛЯТЬ
ПОКАЗАТЬ++(r/s:cm/arc) БЫТЬ:PAST
 ‘Мои друзья, они живут в Москве, они приехали, я показал им свой город [букв. показал разные места], вместе гуляли’ (ap-s1).
- (244) ДОМ ПРИЙТИ.В.ГОСТИ+(r/s:cm/arc) / НЕОБЫЧНЫЙ
 ‘Мы ходим по гостям в разные дома, [там у них] необычно’ (n-s20).
- (245) ТОЛЬКО ПЕРИМЕТР НЕМНОГО **КАПНУТЬ+++ (r/s:cm/arc)**
 ‘Только по периметру немного накапай (и мышей в погребе больше не будет)’ (n-s25).
- (246) ПИСАТЬ **ПОМОЧЬ+(r/s:cm/arc)** ГЛУХОЙ ПРИВЕСТИ+(r/s:cm/arc)
 МНОГО КТО ПОМОЧЬ НАЙТИ КВАРТИРА И КТО ПУТЕВКА
 ‘Писала [в разные инстанции], помогала глухим, водила их, много кому помогла получить квартиры и путевки’ (n-s4).
- (247) Я БЫТЬ:PAST Я ПРИДУМАТЬ ОДИН ХОРОШИЙ И-Д-Е-Я Я ПРИДУМАТЬ
 INDX Н-О КТО Я **ПОДЕЛИТЬ++++(r/s:cm/arc)** ОТСУТСТВОВАТЬ КТО
 НЕ.ЗНАТЬ
 ‘Я придумал одну хорошую идею, но с кем поделиться – не знаю’ (ap-s12).

В некоторых, в целом немногочисленных, примерах в нашем материале объектный/адресатный дистрибутив выражается при помощи двуручной редупликации. Она используется в том случае, когда необходимо отразить реальное расположение объектов в пространстве вокруг субъекта описываемой

ситуации. Например, в (248) двуручная редупликация иконически отражает то, что вещи, которые поочередно берет ребенок, находятся в пространстве вокруг него, в (249) – то, что девушка берет продукты обеими руками с полок, расположенных вокруг нее. Если же реальное расположение объектов/адресатов в пространстве является для высказывания несущественным, то для выражения объектного/адресатного дистрибутива используется простая редупликация со смещением локализации жеста по дуге при каждом повторе.

(248) ДЕТИ ТАКОЙ.ЖЕ ЛЮБОПЫТНЫЙ НАПРИМЕР КНИГА РЯД.КНИГ ЧТО
РАЗБИРАТЬ ИНТЕРЕСНЫЙ **ВЗЯТЬ+++*(r/dbl/alt)*** / БЕСПОРЯДОК УЖЕ_{PRF}
‘Дети же любопытные, например, книги стоят по порядку, [ребенок] все
похватал, разбросал, навел беспорядок’ (b-s13).

(249) ИДТИ.С.ТЕЛЕЖКОЙ INDX КОНСЕРВЫ ВЗЯТЬ **ВЗЯТЬ+++*(r/dbl/alt)*** /
ТЕЛЕЖКА ГОРА
‘[Девушка] идет с тележкой, консервы взяла, набрала [продуктов], в тележке гора’ (b-s12).

Важно подчеркнуть, что значения субъектного и объектного/адресатного дистрибутивов выражаются регулярно и имеют стандартные средства выражения. Один и тот же жест может подвергаться различным модификациям в зависимости от выражаемого значения. Например, в случае субъектного дистрибутива жест ЕСТЬ подвергается двуручной редупликации с поочередным движением рук (250), а в случае объектного дистрибутива – простой мануальной редупликации в сочетании со смещением его при повторе по дуге (251).

(250) ЖДАТЬ **ЕСТЬ+++*(r/dbl/alt)*** ДЕНЬ:ОДИН ДЕНЬ:ДВА БРОДИТЬ

‘Ждем [самолет], едим (мы многие), день, два бродим [по поселку]’ (n-s20).

- (251) INDX ТАРЕЛКА ЕСТЬ РАЗНЫЙ ТАРЕЛКА+++**(r/s:r/dbl/alt:cm/arc)** INDX
 ВЕСЬ ПОПРОБОВАТЬ INDX **ЕСТЬ++(r/s:cm/arc)**
 ‘[Были] разные тарелки, разные блюда, [комиссия] перепробовала все
[блюда]’ (an-s12).

В нашем материале имеются также примеры выражения субъектно-объектного дистрибутива, когда в высказывании одновременно содержится и семантика дистрибутивной множественности субъекта, и семантика дистрибутивной множественности объекта. Субъектно-объектный дистрибутив может выражаться по-разному. В (252) для выражения данного значения используется двуручная симультанная редупликация (исполнение исходно одноручного жеста двумя руками; руки при этом движутся одновременно) в сочетании с линейными повторами жеста и со смещением рук в разные стороны по дуге при каждом линейном повторе. Удвоение артикулятора (добавление второй руки) иконически указывает на множественность субъектов (различные инстанции в (252), обезьянки в (253), линейные повторы – на временную дистрибуцию ситуаций, а смещение жеста по дуге обозначает множественность объектов или адресатов (глухие в (252), местность, которую осматривают обезьянки в (253)).

- (252) ПРОСИТЬ ЧЕРЕЗ ПРОФСОЮЗ ПУТЕВКА НАЙТИ ПУТЕВКА
ДАТЬ:LOC+(r/s:cm/arc:r/dbl/sm)
 ‘Я всегда помогала [другим глухим], просила через профсоюз достать путевки, им давали’ (n-s4).

- (253) ПРОСТО СКУЧНЫЙ **СМОТРЕТЬ(cm/arc:r/dbl/sm)**

‘[Обезьянкам] скучно, смотрят по сторонам, осматриваются’ (m-s12).

Значение субъектно-объектного дистрибутива может быть также выражено при помощи средств, используемых для кодирования субъектного дистрибутива или объектного дистрибутива. Так, в (254–256) значение субъектно-объектного дистрибутива выражается двуручной редупликацией (при этом дистрибутивная множественность объекта ясна из контекста), а в (257) – простой редупликацией в сочетании со смещением жеста по дуге при каждом повторе (при этом дистрибутивная множественность субъекта ясна из контекста).

(254) ВМЕСТЕ ГЛУХОЙ // КУПИТЬ.БИЛЕТ КУПИТЬ ДОГОВОРИТЬСЯ
ВМЕСТЕ ОДЕЖДА ОПТОМ **КУПИТЬ+++ (r/dbl/alt)** КУЧА СТОП
INDX
‘Договорились с глухими, купили билеты и накупили кучу одежду
оптом и билеты’ (n-s20).

(255) ДРУГ CLF:МНОЖЕСТВО.ДВИГАТЬСЯ **СОРВАТЬ+++ (r/dbl/alt)**
ИСЧЕЗНУТЬ
‘Толпа друзей оборвала все [оставшиеся ягоды]’ (b-s4).

(256) СМОТРЕТЬ ПТИЦА CLF:МНОЖЕСТВО.ПРИЙТИ **КЛЮНУТЬ++ (r/dbl/alt)**
МУЖЧИНА РАЗДРАЖЕНИЕ РАЗГОНЯТЬ.ПТИЦЫ
‘Смотрит – налетели птицы, клюют [ягоды], мужчина рассердился,
разгоняет птиц’ (b-s4).

(257) **СЕЯТЬ++++ (r/s:cm/arc)** ЦВЕТОК // СЕМЬЯ **ПОЛИВАТЬ+ (r/s:cm/arc)**
УЖЕ_{PRF}
‘Семья сеяла семена цветов, поливала их водой’ (b-s13).

Описанное выше распределение функций и типов редупликации (двуручная для субъектного дистрибутива и простая со смещением локализации для объектного/адресатного дистрибутива), как нам представляется, не является случайным для языка с визуально-жестовой модальностью, характеризующегося высокой степенью иконичности, широко использующего пространство вокруг говорящего и обладающего возможностью использования двух независимых артикуляторов одновременно. По-видимому, оно связано с положением участников ситуации в жестовом пространстве. Объект/адресат находятся в реальных или виртуальных точках жестового пространства, вне говорящего, поэтому множественность объекта/адресата передается с помощью указания на множественность точек в пространстве вокруг говорящего. При этом роль субъекта берет на себя говорящий, независимо от того, является ли он реальным субъектом ситуации – поэтому множественность субъектов, участвующих в ситуации, передается с помощью удвоения мануальных артикуляторов (т.е. рук, принадлежащих говорящему).

3.1.4.2. Цислоскатив и диверсатив

Проведенное нами исследование показывает, что в РЖЯ регулярно, при помощи стандартных средств кодируются не только значения субъектного и объектного/адресатного дистрибутивов, но и такие разновидности дистрибутивной множественности ситуаций, как *цислоскатив* (указание на то, что единичные представители совокупного актанта-субъекта движутся из разных пунктов к некоторой центральной точке, см. [Храковский 1989: 39]) и *диверсатив* (указание на то, что единичные представители совокупного актанта-субъекта движутся из одного пункта в разные стороны [Ук. соч.]). Рассматриваемые значения регулярно выражаются при помощи двуручной редупликации в сочетании с зеркальной по отношению друг к другу

ориентацией рук и движением рук навстречу друг другу или друг от друга соответственно, ср. (258–259).

(258) ГРУППА ПРИЕХАТЬ+++++(r/dbl/alt:m:ctr) ДОЛГИЙ

СМОТРЕТЬ(sm/arc) ДРЕВНИЙ СТАТУЯ

‘Группа туристов, они съехались [в музей], и долго рассматривали древнюю статую’ (an-s13).

(259) РАЗГОВАРИВАТЬ:REC УЙТИ+++ (r/dbl/alt:m/sd)

‘Поговорили, разошлись’ (n-s19).

В приведенных выше примерах значения цислокатива и диверсатива передаются соответствующими формами знаменательных глаголов ПРИЕХАТЬ и ПРИЙТИ. Однако часто цислокатив и диверсатив выражаются при помощи классификаторной конструкции с конфигурацией CLF:МНОЖЕСТВО (две руки с расправленными пальцами (конфигурация -5), ладони направлены вниз).

В сочетании с разнообразными ориентациями и движениями данная конфигурация может иконически отображать различные перемещения в пространстве некоторого множества субъектов, например: ‘толпа беспорядочно движется на одном месте’ (круговые движения одной руки над другой); ‘стая птиц/насекомых летит’, ‘толпа людей бежит’ (параллельное движение рук по горизонтали / по диагонали вверх / по диагонали вниз); ‘две команды играют в футбол’ (руки направлены навстречу друг другу и движутся вперед-назад) и т.д.

При выражении значения цислокатива пальцы правой и левой рук направлены навстречу друг другу, кисти рук движутся навстречу друг другу, см. Рисунок 1. При выражении значения диверсатива кисти рук развернуты и движутся друг от друга, см. Рисунок 2. Таким образом, в данных жестах тоже

присутствует зеркальная ориентация рук и движение рук навстречу друг другу или друг от друга.

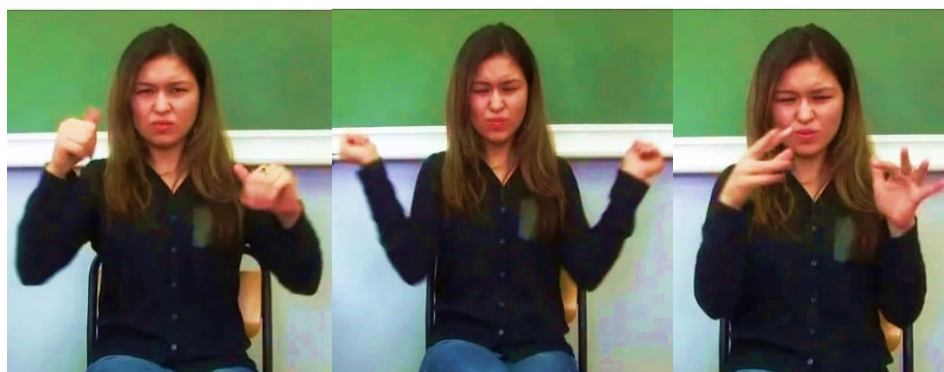

Рисунок 1. Классификаторный жест CLF:МНОЖЕСТВО(со/т:mx)

Рисунок 2. Классификаторный жест CLF:МНОЖЕСТВО(со/bh:mx)

Как правило, классификаторная конструкция с конфигурацией CLF:МНОЖЕСТВО выступает в сочетании со знаменательным жестом, конкретизирующим представителей множества: ФАШИСТ (262), МЫШЬ (263), М-У-Х-А (264), М-У-К-А (265), СТЕКЛО ВАЗА ‘осколок вазы’ (266). Знаменательный жест может отсутствовать, и тогда соответствующее значение определяется контекстом.

По всем имеющимся в нашем материале примерах жест CLF:МНОЖЕСТВО(т:ctr) обозначает совокупный актанта, состоящий из множества одушевленных субъектов: людей, животных, птиц, насекомых и т.п., ср. (260–264). Жест CLF:МНОЖЕСТВО(т/sd) допускает неодушевленный субъект, ср. (265–266). Ограничения на одушевленность для жеста CLF:МНОЖЕСТВО(т:ctr) и отсутствие таких ограничений для жеста CLF:МНОЖЕСТВО(т/sd) обусловлены, по-видимому, следующим. Движение некоторых представителей совокупного

множества из одной точки в разные может нецеленаправленным и, соответственно, допускает неагентивность, в то время как движение из разных точек в одну является целенаправленным и, соответственно, агентивным.

(260) IMP СПОРТ ФУТБОЛ CLF:МНОЖЕСТВО(m/ctr)

CLF:МНОЖЕСТВО.ДВИГАТЬСЯ

‘Давайте в футбол [поиграем], собирались и играли’ (n-s18).

(261) ЗАНЯТИЕ БИОЛОГИЯ ШКОЛА ОДИН СЕНТЯБРЬ

CLF:МНОЖЕСТВО(m/ctr) CLF:МНОЖЕСТВО.ДВИГАТЬСЯ(r/s:r/dbl/sm:cm/arc)

УЧИТЬСЯ INDX

‘Занятие по биологии в школе. Первое сентября. Ученики пришли [букв. сошлись], рассаживаются, учатся’ (n-s23).

(262) О-К-К-У-П-А-Ц-И-Я CLF:МНОЖЕСТВО(m/ctr) ФАШИСТ СХВАТИТЬ
МЕСТО

‘Фашисты пришли [букв. сошлись] и оккупировали местность’ (n-s23).

(263) МЫШЬ CLF:МНОЖЕСТВО(m/sd)

‘Мыши разбежались в разные стороны’ (an-s1).

(264) К-И-Р ПАХНУТЬ CLF:МНОЖЕСТВО(m/sd) ВЕСЬ М-У-Х-А

‘От запаха керосина все мухи разлетелись’ (n-s25).

(265) МАМА М-У-К-А ВЗЯТЬ CLF:МНОЖЕСТВО(m/sd)

‘Мама взяла [пакет с] мукой, [мука] рассыпалась’ (an-s1).

(266) СТЕКЛО ВАЗА CLF:МНОЖЕСТВО(m/sd)

‘Стеклянная ваза разбилась, осколки разлетелись’ (an-s10).

3.1.4.3. Сукцессивный и симультанный дистрибутив

В РЖЯ также возможно формальное разграничение типов дистрибутива по временному параметру: сукцессивного (дистрибутивные ситуации происходят разновременно) и симультанного (дистрибутивные ситуации происходят синхронно) дистрибутивов. Значение сукцессивного дистрибутива передается с помощью двуручной сукцессивной редупликации (жест выполняется правой и левой руками поочередно). Значение симультанного дистрибутива передается при помощи двуручной симультанной редупликации (жест выполняется обеими руками синхронно). Ср. примеры (267) и (268): в (267) использование двуручной сукцессивной редупликации указывает на то, что гости пришли в разное время, а использование в (268) двуручной симультанной редупликации – на то, что гости пришли все сразу, к одному часу. Ср. также высказывания (269–271), в каждом из которых выражаются оба типа дистрибутива.

(267) я ДЕНЬ.РОЖДЕНИЯ ОБЪЯВИТЬ ГОСТИ ВОСЕМНАДЦАТЬ НОЛЬ
НОЛЬ / INDX ПРОБКА INDX БЫТЬ.ЗАНЯТЫМ INDX ДЕЙСТВОВАТЬ
ГОСТИ.ПРИЙТИ:1PS+++**(mx:r/dbl/alt)**
‘Я позвал гостей на день рождения, к шести часам вечера, один [застрял]
в пробке, другой занят, третий еще чем-то занимается, [в результате]
пришли все по одному’ (an-s10).

(268) ЛОС:ПРИЙТИ.В.ГОСТИ:1PS**(r/dbl/sm)**
‘Гости к нам съехались’ (a-s1).

(269) КИНУТЬ++**(r/dbl/alt)** КИНУТЬ**(r/dbl/sm)** М-У-К-А ЧТО РАЗНЫЙ //

НАПРИМЕР С-О-Л-Ь МНОГО СЫПАТЬ МЕШАТЬ ПЯТНО+++++**(r/dbl/alt)**

‘Накидал [в кастрюлю] муку, соль, всякое разное, насыпал, перемешал, все в пятнах (букв. кидает по очереди то одно, то другое, кидает одновременно)’ (b-s13).

(270) я ДОЛГИЙ я УХАЖИВАТЬ ЦВЕТОК / **ЗАЦВЕСТИ(r/dbl/sm)** НАДЕЖДА
ЖДАТЬ ПОЗДНО **ЗАЦВЕСТИ++(r/dbl/alt)**

‘Я долго ухаживала за цветами, ждала, надеялась, что они зацветут (букв.: распустятся одновременно), и вот, наконец, они зацвели (букв. стали распускаться поочередно)’ (an-s14).

(271) ИДТИ.С.ТЕЛЕЖКОЙ СМОТРЕТЬ Ф-Р-У-К-Т-Ы О-В-О-Щ-И СОБРАТЬ
ПОЛОЖИТЬ++(r/dbl/alt) ПОЛОЖИТЬ(r/dbl/sm)

‘Идет с тележкой, смотрит – фрукты, овощи, собрала, складывает (букв. кладет двумя руками по очереди, кладет двумя руками одновременно)’ (b-s12).

3.1.4.4. Дискретный и собирательный дистрибутив

В [Долинина 1996] отмечается возможность разграничения в рамках дистрибутивной множественности ситуаций дискретной и собирательной множественности. Значение дискретного дистрибутива подразумевает индивидуализацию ситуаций, составляющих дистрибутивную ситуацию, тогда как в значении собирательного дистрибутива подчеркивается охваченность действием всех актантов без исключения [Ук. соч.: 241–242].

Данные значения разграничиваются при помощи формальных средств и в РЖЯ. Примеры, приведенные выше, относятся к дискретному типу дистрибутивной множественности ситуаций. Как можно было видеть, основным средством выражения в них выступает редупликация, «в чистом виде» или в сочетании с модификацией параметров жеста. Семантика же собирательной дистрибутивной множественности ситуаций выражается только

при помощи модификации одного из параметров жеста: он выполняется с движением в горизонтальной плоскости по дуге¹³⁴. Таким способом выражается дистрибутивное значение у имен, выступающих в предикативной функции и обозначающих состояния (272–274), и у глагольных жестов, обозначающих ситуации, где каждый актанта не индивидуализирован (275–278).

- (272) ПАЛАТКА МОЙ ГЛУХОЙ ВСЕ ПАЛАТКА(cm/arc)
БЫТЬ.ГОЛЫМ(cm/arc) ЛЕС INDX(r/dbl/alt) ПОПАСТЬ У:1PS
 СУМКА ИСЧЕЗНУТЬ К-А-К

‘Моя палатка среди палаток глухих, вокруг палаток ничего нет (букв. все голое), лес, как [ноутбук] исчез?’ (n-s17).

- (273) ЗИМА СКОЛЬКО УЖЕ НАЧАТЬ Я ПРОСНУТЬСЯ ПОТЯГИВАТЬСЯ
 МЕСТО(cm/arc) С-Н **БЕЛЫЙ(cm/arc)**

‘Зима наступила неожиданно – я проснулась, потягиваюсь [и вижу], что вся улица в снегу (букв. все пространство белое)’ (an-s14).

- (274) ЧТО INDX ЧТО ДЕЛАТЬ ВЕСЬ **ПЛОХОЙ(cm/arc)**

‘Что он ни делает, все плохо’ (an-s8).

- (275) Я СТРАХ **СМОТРЕТЬ(cm/arc)**

‘Я испуганно осматриваюсь’ (an-s13).

- (276) **РАССКАЗАТЬ(cm/arc)** НЕТ МОЛЧАТЬ // Я БЛАГОДАРИТЬ БЫТЬ:FUT

‘Никому не рассказывай, молчи, я буду благодарен’ (an-s1).

¹³⁴ Это движение описывается в литературе по жестовым языкам по-разному: как смещение руки в сторону, как движение по дуге [Miljan 2003: 211] или по кругу [Zeshan 2000: 66]. Как нам кажется, это движение всегда имеет дугообразную траекторию: локоть почти не смещается, представляя собой центр условной окружности, в то время как предплечье разворачивается вправо или влево.

- (277) ПОСТЕПЕННО МАЛЬЧИК INDX ДУМАТЬ ХОТЕТЬ ТАКОЙ.ЖЕ
МОЛОДОЙ МАЛЬЧИК ПРИЙТИ(cm/arc) ПОМОЧЬ(cm/arc) ВОЙТИ
СОБРАНИЕ РАЗРАСТАТЬСЯ
‘Со временем этот молодой человек захотел стать членом собрания
[свидетелей Иеговы], обходил с ними, помогал во всем, вошел в их
сообщество’ (n-s16).
- (278) CLF:МНОЖЕСТВО.ДВИГАТЬСЯ УБИТЬ(cm/arc) // УБИТЬ(cm/arc)
СПАСТИ МОЧЬ / КОМАНДИР ПРИКАЗАТЬ ОШИБИТЬСЯ
‘Всех убили! Солдат можно было спасти, но командир отдал неверный
приказ’ (an-s9).

3.1.4.5. Квазидистрибутив

О значении квазидистрибутива речь идет в том случае, когда: 1) целостный актант представлен как состоящий из квазиотдельных частей, которые выступают в роли нетождественных актантов, участвующих в микроситуациях, составляющих дистрибутивную ситуацию (рус. *Ребенок перепачкался*; алеут. *чиси*- ‘разломить’, *чиси-ла*- ‘раскрошить’); 2) целостная ситуация представлена как осуществляющаяся в несколько приемов (алеут. *чу*- ‘одеться в один прием’, *чу-ла*- ‘одеться в несколько приемов’) [Храковский 1989: 40].

Квазидистрибутивное значение в РЖЯ может выражаться так же, как и собственно дистрибутивные значения – при помощи двуручной сукцессивной редупликации (279–281). Если целостным актантом, представленным в виде квазиотдельных частей, является тело человека, то жест исполняется «на себе»: руки поочередно касаются корпуса говорящего (281).

- (279) ВСЕ МОКРЫЙ ПАЛАТКА СИДЕТЬ.МЕРЗНУТЬ INDX ВОДА
CLF:ЛУЖА+++ (r/dbl/alt) СТАКАН+ СТАКАН++ (r/dbl/alt) ВОДА
ПОЛНОСТЬЮ ДОЖДЬ.ИДТИ+++ (r/dbl/alt)

‘Все мокрое, [семья] сидит в палатке, вода, кругом лужи, стаканы расставили, дождь намочил палатку в нескольких местах’. (b-s12)

(280) СТЕНА КРАСИТЬ+++**(r/dbl/alt)** ВРЕМЯ.ПРОЙТИ /
ЛОПНУТЬ+++++**(r/dbl/alt)**

‘Стену покрасили, прошло время, и [краска на стене] потрескалась в разных местах’ (an-s6).

(281) МАЛЬЧИК ВИДЕТЬ PRTCL ГРЯЗНЫЙ ГРЯЗНЫЙ+++++**(r/dbl/alt)**

‘Мальчик весь измазался в грязи’ (an-s6).

Квазидистрибутивная семантика также может выражаться с помощью простой мануальной редупликации в сочетании со смещением локализации жеста: смещение локализации в (282) осуществляется по зигзагообразной траектории сверху вниз.

(282) IMP+++ Я СМОТРЕТЬ+++**(r/s:cm)**

‘Подойди поближе, чтобы я мог тебя рассмотреть’ (an-s8).

Квазидистрибутивная семантика также часто отражается в фонологической структуре жеста при помощи внутреннего повтора. Например, жест КИПЕТЬ выполняется поочередно двумя руками, иконически отражая всплывание пузырьков в кипящей воде; жесты ШАГАТЬ, КАТИТЬСЯ.НА.КОНЬКАХ, ИДТИ.НА.ЛЫЖАХ и т. п. выполняются поочередно двумя руками, имитирующими поочередно поднимающиеся и опускающиеся ступни ног, скользящие вперед коньки или лыжи; в жесте ОПЕРИРОВАТЬ руки в конфигурации дактильного -П поочередно совершают дугообразные движения, имитируя движения рук хирурга при зашивании раны; в жесте СТРИЧЬ руки в той же конфигурации -П поочередно движутся по бокам головы, имитируя движение ножниц

парикмахера. Внутренний повтор в этих жестах сходен с двуручной сукцессивной редупликацией, однако имеются и отличия. Актанты дистрибутивных ситуаций, обозначенных при помощи внутреннего повтора, представляют собой части некоторого целого (пузырьки в кипящей воде, шагающие ноги человека, руки хирурга или парикмахера и т. п.). У данных жестов, в отличие от «нормальных» дистрибутивных форм других жестов, отсутствует исходный нередуплицированный коррелят, поскольку в реальности актанты описываемой ситуации не существуют в отдельном виде. Поочередное движение рук в них является не морфемой, а фонологическим компонентом жеста, иконически отражающим онтологические характеристики реальной ситуации¹³⁵.

3.1.4.6. Фонологические ограничения на употребление показателей дистрибутивной множественности ситуаций

Существуют жесты, фонологические характеристики которых не позволяют им сочетаться с описанными выше морфологическими средствами, выражающими дистрибутивную семантику: редупликацией или изменением локализации жеста. Среди таких фонологических ограничений можно выделить наличие в структуре жеста контакта с корпусом тела говорящего, контакт рук между собой при исполнении двуручного жеста и наличие внутреннего повтора.

Так, жест ПОПРОБОВАТЬ содержит в своей структуре контакт с корпусом тела говорящего: большой палец один или два раза касается подбородка. Редупликация этого жеста возможна, однако изменить место его исполнения при повторах нельзя: он «привязан» к своей локализации. В этом случае глагольный жест только редуплицируется (283) или даже не редуплицируется (284), в последнем случае редупликация в сочетании с изменением локализации переходит на жест, обозначающий объект.

¹³⁵ Обсуждение статуса внутреннего повтора и принадлежность его к фонологической, а не морфологической структуре жеста см. 2.2.5 Главы II настоящего исследования.

(283) КОМИССИЯ ПРИЙТИ СМОТРЕТЬ(cm/arc) ВАРИТЬ++(r/s:cm/arc)

ОЧЕНЬ ВКУСНЫЙ / КОМИССИЯ ПРИЙТИ ГЛАЗЕТЬ

ПОПРОБОВАТЬ+++ INDX++++(r/s:cm/arc)

‘Комиссия пришла, осмотрела [блюда], которые наготовил [повар], очень вкусные, комиссия посмотрела, перепробовала [все блюда] (букв.: пробовал то, то, то, то)’ (an-s13).

(284) я НАПИТОК++(r/s:cm/arc) ВЕСЬ ПОПРОБОВАТЬ БЫТЬ:PAST

‘Я перепробовал все напитки’ (an-s12).

Двуручная редупликация возможна для одnorучных жестов и некоторых двуручных, способных редуцироваться до одnorучного жеста. Последние – это жесты, в которых одна из рук рука является активной, а вторая служит базой, местом артикуляции, при этом допускается неучастие пассивной руки в исполнении жеста. Например, жесты ОБМАНЫВАТЬ, ПРЫГНУТЬ, в словарной форме двуручные, в речи часто исполняются только активной рукой¹³⁶.

С другой стороны, среди двуручных жестов имеются такие, в которых обе руки являются неотъемлемым фонологическим компонентом жеста, без участия второй руки жест не будет понятен. Например, это жесты ПОМОЧЬ, СТОЯТЬ, БОЛЕТЬ, ДРУЖИТЬ. Такие жесты не допускают двуручную редупликацию.

Двуручная редупликация невозможна и для жестов с внутренним повтором, передающих квазидистрибутивную семантику, так как поочередное движение рук уже содержится в фонологической структуре этих жестов (например, ВАРИТЬ, КИПЕТЬ, ШАГАТЬ и др.).

¹³⁶ В нашем материале встречается и пример, содержащий исключение: например, жест УЧИТЬ (ведущая рука, совершая повторения, запястьем касается неподвижной вспомогательной руки) всегда выполняется двумя руками и при этом может сочетаться с двуручной сукцессивной редупликацией, если объектом ситуации является сам говорящий, см. (235).

3.1.4.7. Дистрибутивная множественность ситуаций и именная дистрибутивная множественность

Дистрибутивная множественность в звуковых языках может маркироваться не только у глаголов, но и у существительных: она указывает на существование предметов/явлений/лиц в разных точках пространства.

В [Буркова 2015b] показано, что именная дистрибутивная множественность регулярно выражается в РЖЯ при помощи морфологических средств: двуручной редупликации и редупликации со смещением локализации жеста при повторах по дуге. Двуручная редупликация преимущественно используется для одноручных жестов (285), простая редупликация со смещением локализации жеста – для двуручных жестов (286)¹³⁷.

(285) ПОВЕРХНОСТЬ **НОРА++(r/s:cm/arc)**

‘В стене норы’ (n-s25).

(286) INDX ДУМАТЬ.НАПРЯЖЕННО / НАВЕРНОЕ Я / ПАЛАТКА

СОСЕД++(r/s:cm/arc) ГОВОРИТЬ Я НАВЕРНОЕ

‘Я думал напряженно, наверное, кто-то из соседних палаток вокруг, слышащие [букв. говорящие] (украли мой ноутбук)’ (n-s17).

Иметь дистрибутивную форму может как обычный именной жест (285–286), так и классификаторный (287–289). Классификаторные конфигурации часто сочетаются с дистрибутивными показателями, такие сочетания иконически выражают существование и расположение объектов в пространстве. Например, в (289) ведущая рука движется по вспомогательной руке, изображая условное расположение колец, в (288) жест выполняется в

¹³⁷ Возможность выражения дистрибутивной именной множественности отмечается также для эстонского жестового языка [Miljan 2003: 210–211] и индопакистанского жестового языка [Zeshan 2000: 66–67, 106].

нейтральном жестовом пространстве, изображая расположение гроздьев ягод на ветке.

- (287) ШЛЯПА БЕЛЫЙ CLF:ПЯТНО++(r/dbl/alt) ЯРКИЙ КРАСНЫЙ
CLF:ПЯТНО++(r/dbl/alt)

‘[У ядовитого гриба] белая шляпка и ярко-красные пятна’ (an-s12).

- (288) CLF:МАЛЕНЬКИЙ.КРУГЛЫЙ.ПРЕДМЕТ+++ (r/dbl/alt) В-И-Ш-Н-Я
ЕСТЬ++(r/dbl/alt) СОБРАТЬ

‘[Дети] ягоды собирают, едят’ (b-s12).

- (289) РУКА CLF:КОЛЬЦО++(r/s:cm/arc) РУКА CLF:КОЛЬЦО+(r/s:cm/arc)

‘[У нее] вся рука в кольцах’ (an-s12).

Таким образом, двуручная сукцессивная редупликация и простая редупликация со смещением локализации жеста по дуге используется в РЖЯ для кодирования и именной, и глагольной множественности. В этом РЖЯ обнаруживает типологическое сходство со звуковыми языками, ср. наблюдения М. Митун о возможности обозначения именной и глагольной множественности в звуковых языках одинаковыми средствами в [Mithun 1988].

3.2. Средства выражения длительности ситуации

В существующей литературе, посвященной РЖЯ, показатели длительности практически не упоминаются. Наше исследование показывает, что в РЖЯ регулярно морфологически маркируется «положительная» длительность – указание на длительность ситуации, превышающую некоторую условную норму. «Отрицательная» длительность ситуации, судя по имеющимся данным, не получает специального обозначения.

Основным средством выражения длительности является немануальная редупликация, она практически всегда присутствует в высказываниях с семантикой «положительно» длительности. Немануальная редупликация представляет собой повторяющиеся наклоны головы и/или корпуса вперед и назад или вправо и влево¹³⁸. При кодировании длительности ситуации немануальная редупликация выступает в сочетании либо с простой мануальной редупликацией, либо с удержанием руки при исполнении жеста, либо с замедлением скорости исполнения жеста.

Ниже приводятся примеры, в которых немануальная редупликация выступает в сочетании с мануальной редупликацией, кодируя длительность слабых предельных процессов, дискретных и недискретных непредельных процессов (290–294) или эпизодического состояния (295–296).

_____ **htf+**

(290) Н-Г-Т-У учиться поступить / **УЧИТЬСЯ+**

‘Поступили учиться в НГТУ. Учатся, учатся’ (an-s1).

_____ **btf++**

(291) МАТЬ PRTCL СЕСТЬ ВМЕСТЕ СЫН СЕСТЬ **СЧИТАТЬ++**

‘Мать махнула рукой, ладно, села вместе с сыном, решает [задачу], решает’ (b-s13).

_____ **btf+**

(292) МАЛЬЧИК **ПЛАКАТЬ+**

‘Мальчик плачет и плачет’ (b-s12).

_____ **hbtf+++**

(293) СЕСТЬ.В.ТРАНСПОРТ++(r/dbl/alt) **ВЕСТИ.МАШИНУ+++**

‘Уселись в машину, едут, едут’ (n-s2).

¹³⁸ В одном примере встречаются повторяющиеся открывания рта при выражении значения «положительной» длительности (302).

_____ **hbtf+++**

- (294) РАБОТАТЬ+++ / ВЫБРАТЬ ПЕРЕРЫВ ЧАЙ МЕСТО МЫСЛЬ
 ОБЧИСТИТЬ К-А-К ДУМАТЬ К-А-К
 ‘Работает, работает, взял перерыв, [пьет] чай, и пришла ему в голову
 мысль обчистить это место’ (n-s17).

_____ **htf+**

- (295) Я МОСКВА НАХОДИТЬСЯ+ БЫТЬ:PAST ГОД:ДВА
 ‘В Москве я провел (букв.: находился и находился) целых два года’ (an-
 s13).

_____ **htf++**

- (296) Я С.УТРА.ДО.ВЕЧЕРА НОЧЬ С.УТРА.ДО.ВЕЧЕРА СИДЕТЬ++
 КОМПЬЮТЕР КОМПЬЮТЕР
 ‘Я всю ночь сидела за компьютером (букв.: сидела и сидела)’ (a-s13).

Следует отметить, что мануальная редупликация, выступающая в сочетании с немануальной при указании на длительность ситуации, имеет некоторые формальные отличия от мануальной редупликации, использующейся при кодировании других аспектуальных значений. Скорость исполнения повторов мануального жеста в формах с семантикой длительности заметно меньше в сравнении со скоростью исполнения повторов при выражении итеративного или мультипликативного значений. Средняя длительность рассматриваемых форм, содержащих однократный повтор, составляет 1.15 сек, тогда как, например, средняя длительность форм с семантикой итератив составляет 0,65 сек. При этом формы с семантикой «положительной» длительности, как правило, содержат два и больше повторов в отличие от форм

с хабитуальной семантикой и семантикой итератива, обычно содержащих однократный повтор.

Как было сказано выше, значение длительности может также выражаться сочетанием немануальной редупликации с удержанием руки. Длительность удержания жеста в имеющихся примерах достаточно велика – от 1.3 сек. до 5.5. сек. В большинстве имеющихся в нашем материале примеров предикат представляет собой статичный лексический жест (т.е. не содержащий в своей фонологической структуре движения) с семантикой эпизодического состояния (297–299). Использование немануальной редупликации и удержания жеста для указания на длительность процесса, по нашим данным, наблюдается в том случае, когда предикат представляет собой классификаторный жест (300). Однако примеры, подобные (300), немногочисленны.

___btf++

- (297) **ЖДАТЬ(hh)** / УЖЕ / НАВЕРНОЕ INDX НАПАСТЬ АРЕСТОВАТЬ // НАДЕТЬ.НАРУЧНИКИ АРЕСТОВАТЬ // ПОЙМАТЬ.НА.КРЮЧОК РАЗНЫЙ
 ‘[Он] ждет, ждет [думает:] «Все, наверное на них напали, арестовали, надели наручники или что-нибудь еще»’ (n-s17).

- (298) МУЖ ЖЕНА ПОЛЕ СМОТРЕТЬ ПОЛЕ Л-У-Г-У ОТДЫХАТЬ ПРИРОДА

_____htf+

ЕХАТЬ ОТДЫХАТЬ ЛЕЖАТЬ **ОТДЫХАТЬ(hh)**

‘Муж с женой поехали отдыхать на природу, в поле, лежат вдвоем, отдыхают, отдыхают’ (b-s4).

_____hlf++

- (299) ПАРЕНЬ **ДУМАТЬ(hh)** / ПРОСИТЬ / INDX IMP

‘Парень думал, думал, [потом] обратился к девушке. [Девушка ему говорит]: «Иди отсюда»’ (b-s13).

_____ **hbtf++**

- (300) CLF:САМОЛЕТ.ЛЕТЕТЬ(**hh**) / CLF:САМОЛЕТ.ПРИЗЕМЛИТЬСЯ УЖЕ_{PRF}
 ‘Самолет летит, летит. Наконец, приземлился’ (n-s25).

Значение длительности ситуации также может выражаться сочетанием немануальной редупликации с замедлением движения жеста (301–302). В имеющихся примерах предикат принадлежит к акциональному классу сильных предельных процессов и образован от именного жеста или от глагольного жеста со значением события при помощи замедления движения¹³⁹. При выражении значения «положительной» длительности наблюдается еще большее замедление движения. Длительность исполнения жеста со значением события РАСТАЯТЬ в среднем составляет 0,6 сек., тогда как длительность исполнения образованного от него жеста со значением процесса ТАЯТЬ в среднем составляет 0,9 сек. В (302) при выражении значения «положительной» длительности время исполнения жеста ТАЯТЬ составляет 1,1 сек. Жест СМЕРКАТЬСЯ, передающий значения ‘смеркается, вечереет, наступает вечер’ в среднем исполняется 0,7 сек., а в (301) при выражении значения положительной длительности время его исполнения составляет 1,5 сек.

_____ **htf++++**

- (301) МЫ CLF:ЧЕЛОВЕК:ДВА СПРЯТАТЬ СПОКОЙНЫЙ СМЕРКАТЬСЯ(**cm/sl**)
 ‘[Нас ищут по всей деревне]. А мы вдвоем [с сестрой] спрятались, [сидим] спокойно, постепенно смеркается, вечереет’ (n-s27).

_____ **mo+++**

- (302) INDX СНЕГ.ИДТИ ТАЯТЬ(**cm/sl**) СКОРО БЫТЬ:FUT С-Н-Е-Г ПУСТОЙ
 ‘Снег тает и тает, скоро снега [на улице] не будет’ (a-s13).

¹³⁹ Замедление движения в разделе 2.3.2 Главы II рассматривается как показатель процессуальности, позволяющий образовывать жесты со значением процессов от жестов со значения состояний и событий.

Таким образом, как можно увидеть, немануальная редупликация регулярно участвует в кодировании «положительной» длительности ситуации. Немануальная редупликация в сочетании с замедлением движения используется для кодирования длительности ситуаций, обозначаемых предикатами, принадлежащими к акциональному классу сильных предельных процессов. Немануальная редупликация в сочетании с мануальной редупликацией употребляется для обозначения длительности ситуаций, обозначаемых предикатами, относящимися к акциональным классам слабых предельных процессов, дискретных/недискретных непредельных процессов, состояний-процессов и эпизодических состояний. Немануальная редупликация в сочетании с удержанием руки используется для кодирования длительности ситуаций, обозначаемых предикатами, принадлежащими к акциональному классу эпизодических состояний. Однако сделать однозначный вывод об условиях выбора между немануальной редупликацией, выступающей в сочетании с простой мануальной редупликацией, и немануальной редупликацией, выступающей в сочетании с удержанием руки, при обозначении ситуаций, передаваемых предикатами со значением эпизодически состояний, пока не представляется возможным.

4. Выводы

Результаты проведенного нами исследования показывают, что семантическая зона количественной аспектуальности важна для РЖЯ: ее значения тонко дифференцируются и выражаются регулярно и стандартно при помощи различных морфологических и фоносемантических средств, выступающих самостоятельно или в сочетании друг с другом.

Значение мультипликатива иконически отображается в фонологической структуре жеста при помощи внутреннего повтора. Разновидности мультипликативной семантики дифференцируются при помощи иконических

модификаций жеста (уменьшения или увеличения скорости/амплитуды исполнения жеста при повторах, соотносящихся с длительностью интервала между микроситуациями) и редупликации классификаторных жестов в сочетании с инверсией движения при повторах. Сама фонологическая форма мультипликативных и семельфактивных жестов тоже, как правило, иконична: она мотивирована какими-либо внешними, доступными зрительному восприятию, признаками денотата. При этом семельфактивные жесты, в отличие от мультипликативных, немногочисленны. Это соотносится с тем, что и в реальной действительности онтологически семельфактивные ситуации встречаются гораздо реже мультипликативных.

Способ выражения итеративной множественности ситуаций зависит от акционального класса предиката. Предикаты с семантикой событий приобретают итеративное значение при помощи простой редупликации, иконически отражающей повторы ситуации в отдельные периоды времени. Предикаты со значением процессов и состояний приобретают итеративное значение при помощи служебного аналитического показателя — редуплицированного жеста БЫТЬ:PAST — или жестов, представляющих собой функциональные аналоги аспектуальных наречий в звуковых языках. Разные типы итеративной множественности ситуаций тоже дифференцируются при помощи жестов-функциональных аналогов аспектуальных наречий.

Для выражения хабитуалиса используются морфологические и лексические средства, при помощи которых формально разграничиваются три разновидности данного значения. Генерический хабитуалис выражается при помощи жеста ВСЕГДА. Итеративный хабитуалис кодируется при помощи жеста ВСЕГДА (если предикат принадлежит к акциональным классам процессов или эпизодических состояний) или жеста ВСЕГДА в сочетании с редупликацией предикатного жеста (если последний принадлежит к классу событий). Капацитив выражается при помощи модального жеста МОЧЬ. В лингвистической литературе по звуковым языкам отмечается близость

хабитуалиса к итеративным значениям (см., например, [Bybee et al. 1994: 59]) и к значениям длительности (см., например, [Comrie 1976: 27–28; Бондарко 1987b: 119]). Материал РЖЯ тоже демонстрирует эту двойственность семантики хабитуалиса – одним из средств его выражения выступает простая мануальная редупликация, используемая также при выражении итеративности и «положительной» длительности ситуации.

Дистрибутивная множественность ситуаций регулярно кодируется при помощи широкого круга морфологических и лексических средств: двуручной сукцессивной и симультанной редупликации; простой редупликации в сочетании со смещением локализации жеста при повторах; движения по дуге; изменения ориентации рук; движения рук по направлению друг к другу/друг от друга; классификаторных жестов CLF:МНОЖЕСТВО.СОЙТИСЬ и CLF:МНОЖЕСТВО.РАЗойТИСЬ. Выбор того или иного средства выражения зависит от типа совокупного актанта, одновременности/разновременности ситуаций внутри дистрибутивной ситуации, наличия/отсутствия индивидуализации каждого актанта.

Для некоторых звуковых языков отмечается использование одних и тех же или сходных средств для кодирования глагольной и именной дистрибутивной множественности (см., например, [Mithun 1988]). Данное явление характерно и для РЖЯ: средства, используемые в нем для кодирования дистрибутивной множественности ситуаций, пересекаются со средствами, используемыми для выражения именной дистрибутивной множественности.

Семантика квазидистрибутива передается в РЖЯ либо при помощи двуручной сукцессивной редупликации, либо отражается в фонологической структуре жеста при помощи внутреннего повтора с поочередным движением рук. В последнем случае проявляется пересечение периферийной зоны значений дистрибутивной множественности ситуаций с зоной мультипликативной множественности: для кодирования мультипликативных значений регулярно используется внутренний повтор. Такое пересечение не

случайно для языка, преимущественно использующего иконические средства кодирования разных типов множественности ситуаций: и мультипликатив, и квазидистрибутив описывают целостную ситуацию как состоящую из (квази)отдельных частей – микроситуаций.

Длительность ситуации в РЖЯ регулярно выражается при помощи немануальной редупликации, выступающей в сочетании либо с простой мануальной редупликацией, либо с удержанием руки при исполнении жеста, либо с изменением скорости движения жеста (замедлением движения жеста). Немануальная редупликация, как и мануальная, иконически отражает «количество» ситуации. При этом в РЖЯ регулярно выражается только значение «положительной» длительности – указание на продолжительность ситуации, превышающую условную норму. Значение «отрицательной» длительности в РЖЯ, по нашим данным, не получает регулярного выражения.

Как можно видеть, большинство показателей, используемых для кодирования рассматриваемых значений, характеризуются высокой степенью иконичности, что представляется логичным для языка, обладающего широкими возможностями визуального отображения описываемой ситуации. Так, характерной особенностью средств выражения «количества» ситуации в РЖЯ является широкое использование внутреннего повтора (который можно считать аналогом немотивированной редупликации в звуковых языках) и разных структурных типов мотивированной редупликации, обнаруживающих достаточно отчетливую функциональную дистрибуцию, см. Таблицу 10. Это обусловлено тем, что иконичность в РЖЯ свойственна не только редупликации в целом – как повтору, связанному с идеей меры и количества. Каждый тип редупликации обладает и собственной иконичностью. Так, внутренний повтор, являющийся неотъемлемой частью мультипликативного жеста, логично связать с повторением микроситуаций, каждая из которых представляет квант описываемой ситуации. Удвоение мануального артикулятора – главного «исполнителя» жеста – при двуручной редупликации логично связать с

множественностью субъектов дистрибутивной ситуации. Линейные повторы при простой или двуручной редупликации логично связать с распределением итеративных или дистрибутивных ситуаций во времени. Изменения локализации жеста при повторах логично связать с дистрибуцией актантов в пространстве.

Иконичными являются и другие средства: движение по дуге, используемое для выражения собирательности совокупного актанта дистрибутивной ситуации; классификаторные конструкции, кодирующие значения альтернатива, цислокатива и диверсатива; замедление движения, выражающее значение «положительной» длительности при некоторых жестах.

Для ряда жестов имеются ограничения на сочетаемость с некоторыми морфологическими показателями количественной аспектуальности, при этом данные ограничения не являются случайными – они закономерно обусловлены акциональной семантикой или фонологической структурой жеста.

Таблица 10. Средства выражения количественной аспектуальности
в русском жестовом языке

	Мульти- пликатив	Ите- ратив	Хаби- туалис	Дистри- бутив	Дли- тель- ность
внутренний повтор	+			+	
простая редупликация		+	+		+
двуручная сукцессивная редупликация				+	
двуручная симультанная редупликация				+	
простая редупликация в сочетании с изменением локализации жеста				+	
движение по дуге				+	
разнонаправленное движение при внутренних повторах	+				
уменьшение скорости исполнения жеста	+				+
увеличение скорости исполнения жеста	+				
изменение ориентации руки				+	
движение по направлению к говорящему				+	
удержание руки					+
немануальная редупликация					+
жест БЫТЬ:PAST+		+			
жест ВСЕГДА			+		
жест МОЧЬ			+		

классификаторный жест CLF:ЧЕЛОВЕК.ДВИГАТЬСЯ	+				
классификаторный жест CLF:МНОЖЕСТВО.СОЙТИСЬ				+	
классификаторный жест CLF:МНОЖЕСТВО.РАЗойТИСЬ				+	
жесты-функциональные аналоги наречий (ЧАСТО, РЕДКО и т.п.)		+			

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показывает, что функционально-семантическая категория аспектуальности в русском жестовом языке располагает достаточно обширным набором разноуровневых средств, позволяющих дифференцировать тонкие оттенки аспектуальной семантики.

Акциональная семантика предиката («внутренняя» аспектуальность) проявляется не только на морфосинтаксическом уровне, как это имеет место в звуковых языках, но и иконически – при помощи фоносемантических средств – отражается в фонологической структуре жеста.

На фонологическом уровне, при помощи наличия/отсутствия внутреннего повтора в структуре жеста, разграничиваются дискретные ситуации (дискретные процессы и некоторые состояния с признаками процессности) и недискретные ситуации (события, недискретные процессы и состояния).

На морфосинтаксическом уровне акциональная семантика проявляется, во-первых, в разных производных значениях предиката при его сочетании с показателем перфекта/комплетива жестом УЖЕ и при его редупликации, а во-вторых, в разных ограничениях на сочетаемость с фазовыми глаголами, жестом УЖЕ, показателем партитивно-результативного значения жестом RES_{PART} и возможностью/невозможностью редупликации.

Учитывая и фонологические, и морфосинтаксические характеристики предикатов, можно выделить в русском жестовом языке восемь акциональных классов: предикаты с семантикой событий, сильных (дискретных) предельных процессов, слабых (недискретных) предельных процессов, дискретных непредельных процессов, недискретных непредельных процессов, переходный класс (предикаты, содержащие признаки и состояния, и дискретного процесса), предикаты с семантикой эпизодических состояний и вневременных состояний.

Значения **собственно аспектуальности** («внешней» аспектуальности) передаются в русском жестовом языке при помощи разнообразных

морфологических и синтаксических средств. При этом наблюдается достаточно отчетливое противопоставление двух семантических зон: зоны линейной аспектуальности, куда входят значения, описывающие подготовительную, начальную, срединную, конечную и результирующую стадии ситуации, обозначенной предикатным жестом; и зоны количественной аспектуальности, куда входят значения, описывающие внутреннюю временную структуру ситуации, обозначенной предикатным жестом, с точки зрения ее количественных характеристик – повторяемости и длительности. Четкая дифференциация количественной и линейной аспектуальности проявляется в характере преобладающих средств выражения значений данных семантических зон

Значения **линейной аспектуальности** выражаются преимущественно аналитически – с помощью служебных жестов, полуслужебных жестов (фазовых глаголов) и лексических средств (функциональных аналогов наречий в звуковых языках); морфологические средства выражения используются ограниченно. Регулярное обозначение получают подготовительная стадия ситуации (значение проспектива), начальная стадия ситуации (при этом при помощи разных средств разграничиваются контактное, неконтактное и эволютивное типы начала ситуации, а также начало единичной ситуации и начало серии ситуаций), срединная стадия ситуации (фазовое значение континуатива), конечная стадия ситуации (значение комплетива и конечной фазы ситуации), результирующая стадия ситуации (значение результата и близкие к нему значения перфекта, антирезультатива, экперинциальности).

Регулярного и последовательного противопоставления перфективных и имперфективных значений в русском жестовом языке нами не было обнаружено; лишь в некоторых примерах в качестве показателя перфектива используется жест УЖЕ. Интерпретация большинства предикатов определяется их акциональной семантикой: предикаты состояний всегда обозначают имперфективные ситуации, жесты с семантикой процессов в зависимости от

контекста могут кодировать единичные дуративные ситуации, итеративные ситуации или перфективные ситуации, а предикаты со значением событий всегда имеют перфективное прочтение.

Значения **количественной аспектуальности** в русском жестовом языке передаются преимущественно с помощью иконических морфологических средств: разных структурных типов редупликации и иконических модификаций жеста. В выражении некоторых значений количественной аспектуальности используются также, хотя и в меньшей степени, фоносемантические средства. Лексические средства в кодировании данных значений участвуют ограниченно и, как правило, выполняют вспомогательную функцию.

Регулярное и стандартное выражение получают значения мультипликатива, семельфактива, итератива, хабитуалиса, разных типов дистрибутива, а также значение «положительной» длительности. Указанные значения не обладают, однако, свойством обязательности, представляя собой квазиграммемы – значения, наиболее близкие к грамматическим, регулярно выражаемые, но не противопоставленные другим значениям [Плунгян 2011: 66–67].

Использование преимущественно иконических средств для выражения количественной аспектуальности обусловлено, прежде всего, визуально-жестовой природой рассматриваемого языка. Количественные значения, как именные, так и глагольные, легко поддаются кодированию при помощи иконических средств. Необходимо, правда, заметить, что и в некоторых звуковых языках количественные значения выражаются иконически – при помощи редупликации. Однако русский жестовый язык в этом отношении имеет специфику – для него характерна устойчивая корреляция разных типов редупликации (а также иконических модификаций жеста) с выражаемыми ими значениями, в то время как в звуковых языках корреляции между типом редупликации и выражаемым им значением не наблюдается (см., например, [Рожанский 2011: 239]).

Исследование также показало, что функционально-семантическая категория аспектуальности в русском жестовом языке обнаруживает широкие **межкатегориальные связи**: она тесно контактирует с семантическими категориями количественности, темпоральности, модальности, отрицания, локативности.

Тесная связь категории аспектуальности с категорией количественности проявляется в том, что для выражения именной множественности используются те же морфологические средства, что и для выражения значений количественной аспектуальности: простая редупликация, простая редупликация в сочетании со смещением жеста по дуге при повторах, двуручная симультанная редупликация, двуручная сукцессивная редупликация.

Связь с семантической категорией темпоральности проявляется в использовании для выражения некоторых аспектуальных значений жестов БЫТЬ:PAST и БЫТЬ:FUT, основной функцией которых является указание на временную отнесенность ситуации. В редуплицированной форме они выступают в качестве служебных показателей итератива и проспектива соответственно. Жест БЫТЬ:PAST является также компонентом двух конструкций, «ПОПРОБОВАТЬ БЫТЬ:PAST» и «СЛУЧИТЬСЯ БЫТЬ:PAST», служащих для выражения экспериенциальности. В последних он кодирует смыслы, важные для высказываний с экспериенциальной семантикой: отнесенность описываемой ситуации к прошлому и 'имеет место'.

В выражении некоторых аспектуальных значений участвуют показатели, основной функцией которых является выражение модальной семантики. Это показатели недеонтической возможности МОЧЬ и НЕ.МОЧЬ, участвующие в выражении одной из разновидностей хабитуалиса (капацитива) и одной из разновидностей антирезультатива (конатива) соответственно. Кроме того, в выражении другого антирезультативного значения – проксиматива – регулярно употребляется показатель контрфактической модальности Б-Ы. В лингвистической литературе по звуковым языкам неоднократно отмечался

«пограничный статус» значений хабитуалиса и антирезультатива, наличие в их семантике модального компонента. Материал русского жестового языка тоже подтверждает эти наблюдения, не случайно в выражении данных значений участвуют модальные средства.

Категория аспектуальности в русском жестовом языке имеет пересечения с категорией отрицания. Так, жесты, основной функцией которых является выражение разных типов отрицания участвуют в выражении значений антирезультатива (жесты НЕ, НЕ.МОЧЬ) и перфекта (показатель бытийного отрицания жест ОТСУТСТВОВАТЬ, который выступает также в качестве аналога перфекта в отрицательных высказываниях с перфектной семантикой).

Аспектуальность в русском жестовом языке обнаруживает пересечения и с семантической зоной локативности: в нем имеется направленный жест ОСТАВАТЬСЯ, который одновременно кодирует и значение континуатива, и значение локализации.

Использование для выражения ряда аспектуальных значений показателей, основной функцией которых является кодирование значений другой семантической категории, представляется логичным, как правило, оно обусловлено периферийным, «промежуточным» статусом данных аспектуальных значений, совмещением в них нескольких семантических компонентов, принадлежащих разным категориям.

Несмотря на другой канал передачи и восприятия информации, способы выражения аспектуальности в русском жестовом языке обнаруживают большое типологическое сходство с одноименными способами в звуковых языках, особенно в сфере средств выражения линейной аспектуальности. Оно проявляется и в наличии фазовых глаголов для обозначения фаз начала, продолжения и конца ситуации, и в наличии перфектного кластера – совмещении в рамках одного показателя значений перфекта и комплетива, и в

сходстве лексических источников ряда служебных показателей¹⁴⁰, и в сходстве формальных и семантических механизмов процесса грамматикализации, и в использовании иконических средств для передачи количественной аспектуальности, и в сходстве иконических модификаций жеста с языковыми метафорами в звуковых языках¹⁴¹. Материал русского жестового языка подтверждает выводы исследователей других жестовых языков о том, что в жестовых языках действуют те же законы развития и функционирования языка, что и в звуковых языках.

Однако аспектуальная система русского жестового языка демонстрирует и ряд особенностей. Прежде всего, это иконическое отражение акциональной семантики в фонологической структуре жеста, в целом гораздо более активное использование фоносемантических средств, иконичность морфологических модификаций жеста, четкое разграничение семантических зон линейной и количественной аспектуальности, проявляющееся в характере преобладающих средств выражения соответствующих значений, тонкая дифференциация значений количественной аспектуальности, наличие таких структурных типов редупликации, которые отсутствуют в звуковых языках («одновременной» двуручной редупликации и немануальной редупликации), отчетливая функциональная дистрибуция разных структурных типов редупликации, использование немануальных средств. Все эти особенности обусловлены визуально-жестовой модальностью рассматриваемого языка, в частности,

¹⁴⁰ Например, лексическом источнике служебного показателя перфекта/ комплетива в русском жестовом языке является лексема, одно из значений которой – ‘закончено, всё’, источником показателя результата – лексема со значением ‘быть готовым’, источником одного из показателей экспериенциальности – лексема со значением ‘случиться’. Подобные лексические источники служебных показателей соответствующих значений отмечаются и для звуковых языков, см., например, [Bybee et al. 1994: 61; Heine, Kuteva 2004: 136; Вострикова 2010: 12].

¹⁴¹ Например, образование от некоторых жестов форм с начинательным значением при помощи такой модификации движения, когда из кулака выбрасываются или постепенно раскрываются пальцы, ориентированные кончиками вверх. Типичность связи показателей начинательности с движением вверх отмечается и для звуковых языков, см. [Майсак 2005: 374]. Или образование от некоторых жестов форм с семантикой комплетива при помощи такой модификации, когда в структуре жеста появляется траекторное движение, иконически охватывающее объект действия. Ср. [Bybee et al. 1994: 57], где в качестве одного из типологических распространенных источников показателей комплетива называется лексема со значением ‘поместить в’.

возможностью использования нескольких разных артикуляторов одновременно и важной ролью трехмерного пространства в передаче информации.

При этом русский жестовый язык обнаруживает большое сходство в передаче аспектуальной семантики с другими жестовыми языками. Так, и в других жестовых языках акциональная семантика может выражаться при помощи формальных средств, во многих языках значения комплетива, результатива, перфекта (а также некоторые другие) распределены между несколькими служебными жестами, во многих языках отсутствует четкая оппозиции перфектива и имперфектива, многие языки характеризуются большим набором средств выражения количественной аспектуальности, имеющих четкую функциональную дистрибуцию. Таким образом, полученные в ходе настоящего исследования данные подтверждают наблюдения исследователей о том, что жестовые языки гораздо больше похожи между собой, чем звуковые.

Между тем, в результате нашего исследования был выявлен ряд языковых явлений и фактов, пока не обнаруженных в других жестовых языках: наличие специализированных показателей для передачи экспериенциального значения, аналитическое выражение при помощи различных средств разных типов хабиуталиса и разных типов антирезультатива. Возможно, это объясняется тем, что указанные аспектуальные значения и средства их выражения в других жестовых языках пока подробно не исследовались. Значительное различие обнаруживается также в формальном отражении акциональной семантики в структуре жеста в русском и американском жестовых языках. В американском жестовом языке основное разграничение на фонологическом уровне проводится между предельными и непредельными предикатами, тогда как в русском жестовом языке – между предикатами, обозначающими дискретные и недискретные ситуации. Несмотря на это, материал русского жестового языка подтверждает гипотезу Р. Уилбур, что механизмы восприятия и нервная система, предназначенные для сегментации ситуаций реального мира лежат и в

основе лингвистической обработки структуры ситуаций в жестовых языках [Malaia, Wilbur 2012: 134].

Настоящая работа является первым системным исследованием способов выражения аспектуальной семантики в русском жестовом языке. Для более точного и детального описания устройства аспектуальной системы русского жестового языка требуются дальнейшие исследования. Нам представляются наиболее перспективными следующие направления исследований:

- исследование механизмов грамматикализации и семантической эволюции показателей линейной аспектуальности;
- сопоставление аспектуальных систем русского жестового и русского звукового языка;
- сопоставление аспектуальных систем русского жестового языка и аспектуальных систем других жестовых языков;
- исследование иконической морфологии в русском жестовом языке и поиск аналогичных явлений в звуковых языках;
- исследование функций фоносемантики в жестовых языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акинина 2008 – *Акинина Ю.* Классификаторный предикат ДАТЬ в русском жестовом языке. Курсовая работа. – М.: МГУ, 2008.
2. Апресян 1966 – *Апресян Ю.Д.* Идеи и методы современной структурной лингвистики (краткий очерк). – М., 1966. – 301 с.
3. Аркадьев 2007 – *Аркадьев П.М.* Заметки к типологии префектива // Ареальное и генетическое в структуре славянских языков. Материалы круглого стола. – М., 2007. – С. 17–30.
4. Аркадьев 2009 – *Аркадьев П.М.* Теория акциональности и литовский глагол // Балто-славянские исследования. Вып. XVIII. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 72–94.
5. Базоев, Паленный 2002 – *Базоев В.З., Паленный В.А.* Человек из мира тишины. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2002. – 815 с.
6. Базоев и др. 2009 – *Базоев В.З., Гаврилова Е.Н., Егорова И.А., Ежова В.В., Давиденко Т.П., Чаушьян Н.А.* Словарь русского жестового языка. – М.: Флинта, 2009. – 525 с.
7. Беликов 1983 – *Беликов В.И.* Жестовые системы коммуникации // Семиотика и информатика. – Вып. 20. – М., 1983.
8. Белошапкова 2005 – *Белошапкова Т.В.* Категория аспектуальности с точки зрения когнитивной лингвистики // Интеграция образования. – Саранск, 2005. – № 4. – С. 180–186.
9. Блумфилд Л. Язык. – М.: Прогресс, 1968. – 608 с.
10. Богуславский 1998 – *Богуславский И.М.* Сфера действия начинательности и актуальное членение: втягивание ремы // Семиотика и информатика. – Вып. 36. – М.: Языки рус. культуры, 1998.

11. Бондарко 1987а – *Бондарко А.В.* Содержание и типы аспектуальных отношений // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: «Наука», 1987. – С. 40–45.
12. Бондарко 1987б – *Бондарко А.В.* Длительность // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: «Наука», 1987б. – С. 98–123.
13. Бородулина 2012а – *Бородулина Д. А.* Средства выражения возможности и необходимости в русском жестовом языке глухих // Вестник ТГПУ. – Томск, 2012. – №1. – С. 92–95.
14. Бородулина 2012б – *Бородулина Д.А.* Средства выражения императива в русском жестовом языке // Русский жестовый язык: Первая лингвистическая конференция. – М.: Буки Веди, 2012. – С. 14–49.
15. Боскис 2004 – *Боскис Р.М.* Глухие и слабослышащие дети. – М.: Советский спорт, 2004. – 304 с.
16. Булыгина 1982 – *Булыгина Т.В.* К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – С. 7–85.
17. Буркова 2012 – *Буркова С.И.* Условные конструкции в русском жестовом языке // Русский жестовый язык: Первая лингвистическая конференция. – М.: Буки Веди, 2012. – С. 50–81.
18. Буркова, Варинова 2012 – *Буркова С.И., Варинова О.А.* К вопросу о территориальном и социальном варьировании русского жестового языка // Русский жестовый язык: Первая лингвистическая конференция. – М.: Буки Веди, 2012. – С. 127–143.
19. Буркова, Филимонова 2014 – *Буркова С.И., Филимонова Е.В.* Редупликация в русском жестовом языке // Русский язык в научном освещении. – М., 2014. – № 28 (2). – С. 202–258.
20. Буркова, Филимонова 2014 – *Буркова С.И., Филимонова Е.В.* Средства выражения экспериенциального значения в русском жестовом языке // Вестник

Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – Новосибирск, 2014. – Т. 13. – № 2. – С. 77–83.

21. Буркова 2015a – *Буркова С.И.* Онлайн-корпус русского жестового языка // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2015». – СПб.: С.-Петербургский университет, 2015b. – С. 137–145.

22. Буркова 2015b – *Буркова С.И.* Способы выражения именной множественности в русском жестовом языке // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2015. – № 2. – С. 174–184.

23. БЭС 1998 – Языкознание. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

24. Викторова 2007 – *Викторова С.* Вопросительные местоимения в русском жестовом языке. Курсовая работа. – М.: МГУ, 2007.

25. Виноградов 2013 – *Виноградов И.А.* Семантические грамматические категории глагола в языках майя: сравнительный и типологический анализ: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.20. – М., 2013. – 403 с.

26. Воскресенский 2002 – *Воскресенский А.Л.* Непризнанный язык (Язык жестов глухих и компьютерная лингвистика) // Труды Международного семинара «Диалог-2002». – Т. 2. – Протвино, 2002. – С. 100–106.

27. Вострикова 2010 – *Вострикова Н.В.* Типология средств выражения экспериентивного значения: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.20. – М., 2010. – 24 с.

28. Выготский 1983 – *Выготский Л.С.* Принципы социального воспитания глухонемых детей // Собр. соч. – М.: Педагогика, 1983. – Т.5. 369 с.

29. Гейльман 1975–1979 – *Гейльман И.Ф.* Специфические средства общения глухих. Дактилология и мимика. Ч. 1–4 [Словарь]. – Л.: ЛВЦ ВОГ, 1975–1979.

30. Гусев 2012 – *Гусев В.Ю.* Аспект в нганасанском языке // *Acta linguistica petropolitana*: труды Института лингвистических исследований. Т. 8:

Исследования по теории грамматики. Ч. 2. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. – СПб: Наука, 2012. – С. 311–360.

31. Давиденко, Комарова 2005 – *Давиденко Т.П., Комарова А.А.* Словарь лексики русского жестового языка: Видеоматериалы. – М.: ООО «Жест», 2005.

32. Давиденко, Комарова 2006 – *Давиденко Т.П., Комарова А.А.* Краткий очерк по лингвистике РЖЯ // Современные аспекты жестового языка. – М, 2006. – С. 146–161.

33. Даль 2009 – *Даль Э.* Возникновение и сохранение языковой сложности: пер. с англ. – М.: Издательство ЛКИ, 2009. – 560 с.

34. Димскис 2002 – *Димскис Л.С.* Изучаем жестовый язык: учебное пособие. – М.: Академия, 2002. – 128 с.

35. Долинина 1996 – *Долинина И.Б.* Содержательные аспекты глагольной множественности. // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. – СПб.: Наука, 1996. – С. 232–244.

36. Есипова 2012 – *Есипова М.В.* Синтаксические особенности формирования вопросительных предложений в жестовых языках // Русский жестовый язык: Первая лингвистическая конференция. – М.: Буки Веди, 2012. – С. 98–113.

37. Есипова 2013 – *Есипова М.В.* Происхождение и функционирование жестового имени в лингвокультуре глухих России // Moscow University Young Researchers Journal: Languages, Cultures and Area Studies. – М., 2013.

38. Зайцева 1969а – *Зайцева Г.Л.* Выражение пространственных отношений в мимико-жестикуляторной речи глухих: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – М., 1969.

39. Зайцева 1969b – *Зайцева Г.Л.* Особенности жестового языка глухих при выражении пространственных отношений // Дефектология. – 1969. – № 4. – С. 15–20.

40. Зайцева 1974 – *Зайцева Г.Л.* К вопросу о синтаксисе жестового языка глухих // Дефектология. – 1974. – № 3. – С. 7–13.

41. Зайцева 1978 – *Зайцева Г.Л.* Понимание и воспроизведение глухими учащимися вечерних школ содержания текста, переданного жестовой речью // Дефектология. – 1978. – № 5.
42. Зайцева 1983 – *Зайцева Г.Л.* Лингвистические основы жестового перевода. Рукопись. – 1983.
43. Зайцева 1987а – *Зайцева Г.Л.* Инфлексия как средство смыслообразования в разговорном жестовом языке глухих // Экспериментальные методы в психолингвистике. – М., 1987.
44. Зайцева 1987б – *Зайцева Г.Л.* Методы изучения системы жестового общения глухих // Дефектология. – №1. – М.: Школа-Пресс, 1987.
45. Зайцева 2000 – *Зайцева Г.Л.* Жестовая речь. Дактилология: Учебник для студентов высших учебных заведений. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. – 192 с.
46. Зайцева, Фрумкина 1981 – *Зайцева Г.Л., Фрумкина Р.М.* Психолингвистические аспекты изучения жестового языка // Дефектология. – М.: Школа-Пресс, 1981. – №1. – С. 14–21.
47. Зайцева 1999 – *Зайцева Г.Л.* Современные научные подходы к образованию детей с недостатками слуха: основные идеи и перспективы // Дефектология. – 1999. – № 5. – С. 52–70.
48. Зайцева, Давиденко 2006 – *Зайцева Г.Л., Давиденко Т.П.* Отрицание в лингвистической структуре РЖЯ // Жест и слово: научные и методические статьи. – М., 2006. – С. 62–72.
49. Зайцева 2006 – *Зайцева Г.Л.* Жест и слово: научные и методические статьи. – М., 2006. – 631 с.
50. Зализняк, Шмелев 2000 – *Зализняк А.А., Шмелев А.Д.* Введение в русскую аспектологию. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 226 с.
51. Зализняк, Шмелев 2002 – *Зализняк А.А., Шмелев А.Д.* Семантика начала с аспектологической точки зрения // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. – М., 2002. – С. 211–224.

52. Исаченко 1960 – *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. – Т. 2. – Братислава, 1960. – 577 с.
53. Йокинен 2006 – *Йокинен М.* Слух не нужен? Современные аспекты жестового языка. – М., 2006. – С. 47–48.
54. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. – М.: Наука, 1988. – 309 с.
55. Кебец 2010 – *Кебец П.* Маркеры перехода хода в дискурсе русского жестового языка // Материалы Седьмой Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. – СПб.: «Наука», 2010. – С. 75–80.
56. Кебец 2011 – *Кебец П.* Вопросительность в русском жестовом языке. Курсовая работа 3 курса. – М.: МГУ, 2011.
57. Кибрик 2008 – *Кибрик А.А.* О важности лингвистического изучения русского жестового языка // Лингвистические права глухих. – М.: ОООИ ВОГ, 2008. – С. 122–129.
58. Кибрик, Плунгян 2002 – *Кибрик А.А., Плунгян В.А.* Функционализм // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления. 2-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 276–339.
59. Кибрик, Прозорова 2006 – *Кибрик А.А., Прозорова Е.В.* Сопоставление процесса референции в звучащих и жестовых языках // Современные аспекты жестового языка. – М., 2006. – С. 162–179.
60. Кибрик, Прозорова 2007 – *Кибрик А.А., Прозорова Е. В.* Референциальный выбор в русском жестовом языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2007». – М.: Изд-во РГГУ, 2007.
61. Киммельман 2007а – *Киммельман В.И.* Исторические изменения жестов в русском жестовом языке // Тезисы Конференции по Типологии и Грамматике. – СПб., 2007.
62. Киммельман 2007b – *Киммельман В.И.* Нерегулярные отрицания в русском жестовом языке // Структуры и интерпретации: Работы молодых

исследователей по теоретической и прикладной лингвистике. – М., 2007b. – С. 89-103.

63. Киммельман 2010 – *Киммельман В.* Базовый порядок слов в русском жестовом языке. Дипломная работа. – М.: МГУ, 2010.

64. Князев 2007 – *Князев Ю.П.* Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 704 с.

65. Лайонз 2003 – *Лайонз Дж.* Лингвистическая семантика. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 400 с.

66. Ландер 2002 – Ландер Ю.А. Перфект и обстоятельства конкретного времени // Языки мира. Типология. Уралистика. (Памяти Т. Ждановой). – М.: Индрик, 2003. – С. 300–312.

67. Летучий 2006 – *Летучий А.Б.* Типология лабильных глаголов: семантические и морфосинтаксические аспекты: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.20. – М.: РГГУ, 2006. – 233 с.

68. Львовская 2006 – *Львовская А.* Анализ видовой и временной системы глагола русского жестового языка (РЖЯ) на основании работы О. Dahl «Tense and Aspect Systems». Курсовая работа. – М., 2006.

69. Майсак 2005 – *Майсак Т.А.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. – М.: Языки славянских культур, 2005. – 480 с.

70. Маслов 1948 – *Маслов Ю.С.* Вид и лексическое значение глагола в русском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – Т. 7. – М., 1948. – № 4. – С. 303–316.

71. Маслов 1962 – *Маслов Ю.С.* Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании // Вопросы глагольного вида. – М.: Издательство иностранной литературы, 1962. – С. 7–34.

72. Маслов 1983 – *Маслов Ю.С.* Результатив, перфект и глагольный вид // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). – Л., 1983. – С. 41–53.
73. Маслов 2004 – *Маслов Ю.С.* Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 804 с.
74. Мельчук 1998 – *Мельчук И.А.* Курс общей морфологии. – Т. II. – М.; Вена: Языки русской культуры, Венский славистический альманах, 1998. – 543 с.
75. Мельчук 2000 – *Мельчук И.А.* Курс общей морфологии. – Т. III. – М.; Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 2000. – 370 с.
76. Мельчук 2001 – *Мельчук И.А.* Курс общей морфологии. – Т. IV. – М.; Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 2001. – 584 с.
77. Миколайчик 2002 – *Миколайчик В.И.* Функционально-семантические категории аспектуальности и темпоральности: на материале языка дари: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.02.19. – М., 2002. – 484 с.
78. Минлос 2004 – *Минлос Ф.Р.* Редупликация и парные слова в восточнославянских языках: Дисс. канд. филол. н. – М.: Институт славяноведения РАН, 2004. – 183 с.
79. Мустайоки 1999 – *Мустайоки А.* Аспектуальность в теории функционального синтаксиса // Die grammatischen Korrelationen (Grazer linguistische Slawistentage). – Graz, 1999. – С. 229–244.
80. Неद्याлков 1987 – *Неद्याлков В. П.* Начинательность и средства ее выражения в языках разных типов // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л., 1987. – С. 180–195.

81. Неद्याлков, Яхонтов 1983 – *Неद्याлков В.П., Яхонтов С.Е.* Типология результативных конструкций // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). – Л., 1983. – С. 5–40.
82. Падучева 1996 – *Падучева Е.В.* Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
83. Падучева 2001 – *Падучева Е.В.* Фазовые глаголы и семантика начинательности // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – Т. 60. – 2001. – № 4. – С. 29–39.
84. Падучева 2004 – *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 608 с.
85. Падучева 2009 – *Падучева Е.В.* Лексическая аспектуальность и классификация предикатов по Маслову-Вендлеру // Вопросы языкознания. – М., 2009. – № 6. – С. 3–21.
86. Панов 2012 – *Панов В.А.* Аспектуальные функции латинских превербов: проблемы описания // Acta linguistica petropolitana: труды Института лингвистических исследований. Т. 8: Исследования по теории грамматики. Ч. 2. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. – СПб: Наука, 2012. – С. 707–734.
87. Плунгян 1989 – *Плунгян В.А.* К определению результата (универсальна ли связь результата и предельности?) // Вопросы языкознания. – М., 1989. – № 6. – С. 55–63.
88. Плунгян 1998 – *Плунгян В.А.* Перфектив, комплетив, пунктив // Типология вида: проблемы, поиски, решения. – М., 1998. – С. 370–381.
89. Плунгян 2001 – *Плунгян В.А.* Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. – М., 2001. – С. 50–88.
90. Плунгян 2003 – *Плунгян В.А.* Общая морфология. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.

91. Плунгян 2009 – *Плунгян В.А.* К вопросу об акциональной классификации предикатов: акционально связанные ситуации // L. Scholze & B. Wiemer (Hrsg.). Von Zuständen, Dynamik and Veränderung bei Pygmäen und Giganten. Festschrift für Walter Breu zu seinem 60. Geburtstag. Bochum: Brockmeyer, 2009. – С. 57–74.
92. Плунгян 2011 – *Плунгян В.А.* Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира: учебное пособие. – М.: РГГУ, 2011. – 669 с.
93. Плунгян 2012 – *Плунгян В.А.* Предисловие // Acta linguistica petropolitana: труды Института лингвистических исследований. Т. 8: Исследования по теории грамматики. Ч. 2. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. – СПб: Наука, 2012. – С. 7–40.
94. Пономарева 2008 – *Пономарева В.* Числительные в русском жестовом языке. Курсовая работа. – М.: МГУ, 2008.
95. Прозорова 2004 – *Прозорова Е.В.* Морфологическая сложность глагола в РЖЯ. Курсовая работа. – М.: МГУ, 2004.
96. Прозорова 2006 – *Прозорова Е.В.* Является ли российский жестовый язык полисинтетическим? // Третья конференция по типологии и грамматике. Материалы. – СПб., 2006. С. 128–132.
97. Прозорова 2007 – *Прозорова Е.В.* Российский жестовый язык как предмет лингвистического исследования // Вопросы языкознания. – М., 2007. – № 1. – С. 44–61.
98. Прозорова 2008 – *Прозорова Е.В.* Транскрипция как средство анализа пауз в русском жестовом дискурсе // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». – М.: ИПИ РАН, 2008. – С. 511–518.
99. Прозорова 2009 – *Прозорова Е.В.* Маркеры локальной структуры дискурса в русском жестовом языке: дисс. к. филол. наук. – М., 2009. – 284 с.
100. Рожанский 2011 – *Рожанский Ф. И.* Редупликация: Опыт типологического исследования. М.: Знак, 2011

101. Сафонова 2012 – *Сафонова Д.П.* Способы реализации категории множественности ситуации в корпусе корякских фольклорных сказок // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. – № 6 (17). – С. 154–159.
102. Семушина 2012 – *Семушина Н.И.* Билингвизм глухих и языковая самоидентификация личности // Русский жестовый язык: Первая лингвистическая конференция. – М.: Буки Веди, 2012. – С. 114–122.
103. ССРЛЯ 1962 – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. (под ред. В. И. Чернышёва). – Т. 13. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1962.
104. Стойнова 2012 – *Стойнова Н.М.* Рефактив и смежные глагольные значения // *Acta linguistica petropolitana: труды Института лингвистических исследований.* Т. 8: Исследования по теории грамматики. Ч. 2. Вып. 6: Типология аспектуальных систем и категорий. – СПб: Наука, 2012. – С. 867–949.
105. Супрун 1996 – *Супрун А.Е.* Общая характеристика семантики количественности // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. – СПб.: Наука, 1996. – С 162–169.
106. Сурдосервер – Интернет-словарь русского жестового языка «Сурдосервер»: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://surdoserver.ru/>
107. Татевосов 2005 – *Татевосов С.Г.* Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания. – 2005. – № 1. – С. 108–141.
108. Татевосов 2010 – *Татевосов С.Г.* Акциональность в лексике и грамматике: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.20. – М., 2010. – 43 с.
109. Татевосов 2014 – *Татевосов С.Г.* От имени к глаголу и обратно: заметки типолога об акциональной композиции // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований.* Т. 10. Ч. 3: *Studia typologica octogenario Victori Khrakovskij Samuelis filio dedicata.* – СПб.: Наука, 2014. – С. 657–691.

110. ТФГ 1987 – Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – 352 с.

111. ТФГ 1996 – Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. – СПб.: Наука, 1996. – 264 с.

112. Урманчиева 2008 – Урманчиева А.Ю. «Сад расходящихся тропок»: дискурсивные и пропозициональные значения на семантической карте // Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. — М.: Гнозис, 2008. – С. 87–127.

113. Филимонова 2013 – *Филимонова Е.В.* Изучение аспектуальности в русском жестовом языке: лингвистические перспективы и практическая значимость // Социальные коммуникации и эволюция обществ: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. – Новосибирск, 2013. – С. 385–388.

114. Флери 1835 – *Флери В.И.* Глухонемые, рассматриваемые в отношении к способам образования, самым свойственным их природе. – СПб., 1835.

115. Фрадкина 2001 – *Фрадкина Р.* Говорящие руки: Тематический словарь жестового языка глухих России. – М.: «Сопричастность» ВОИ, 2001. – 402 с.

116. Храковский 1987 – *Храковский В.С.* Семантика фазовости и средства ее выражения // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – С. 153–180.

117. Храковский 1989 – *Храковский В.С.* Семантические типы множественности ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций. – Л.: Наука, 1989. – С. 5–53.

118. Храковский 1998 – *Храковский В.С.* Мультипликативы и семельфактивы (проблема видовой пары) // Лики языка. – М.: Наследие, 1998. – С. 385–387.

119. Ципенко 2008 – *Ципенко А.* Генитивная конструкция в русском жестовом языке. Курсовая работа. – М.: МГУ, 2008.

120. Шамаро 2006 – *Шамаро Е.Ю.* Некоторые факты видовременной системы РЖЯ // Современные аспекты жестового языка (сост. А. А. Комарова). – М., 2006. – С. 180–191.

121. Шелякин 1972 – *Шелякин М.А.* Приставочные способы глагольного действия и категория вида в современном русском языке (к теории функционально-семантической категории аспектуальности): автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – Л., 1972. – 27 с.

122. Шелякин 1983 – *Шелякин М.А.* Категория вида и способы действия: (Теоретические основы). – Таллинн: Валгус, 1983. – 216 с.

123. Шелякин 1990 – *Шелякин М.А.* Модально-аспектуальные связи // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. – Л.: Наука, 1990. – С. 110–122.

124. Шлуинский 2003 – *Шлуинский А.Б.* Аспектуальный класс и аспектуальные значения: независимость и взаимодействие // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействия. Материалы международной научной конференции. – СПб: Наука, 2003. – С. 165–168.

125. Шлуинский 2005а – *Шлуинский А.Б.* Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения: дисс. к. филол. наук. – М., 2005. – 372 с.

126. Шлуинский 2005b – *Шлуинский А.Б.* Хабитуалис и «собственно вид»: к типологии глагольных систем // Четвертая типологическая школа. Материалы лекций и семинаров. – М: РГГУ, 2005. – С. 356-360.

127. Шляхова 2003 – *Шляхова С.С.* Тень смысла в звуке. Введение в русскую фоносемантику. – Пермь, 2003. – 216 с.

128. Яковлев 1975 – *Яковлев В.Н.* Многоактность как способ глагольного действия // Филологические науки. – 1975. – № 3. – С. 97–105.

129. Anderson 1982 – *Anderson L.* Universals of aspect and parts of speech: parallels between signed and spoken languages // Tense-aspect: between semantics and pragmatics. Amsterdam: John Benjamins, 1982. P. 91–114.
130. Aronoff et al. 2003 – *Aronoff M., Meir I., Padden C., Sandler W.* Classifiers Constructions and Morphology in Two Sign Languages // Perspectives on Classifier Constructions in Sign Languages. Mahwah, NJ: LEA, 2003. P. 53–84.
131. Aronoff et al. 2005 – *Aronoff M., Meir I., Sandler W.* The Paradox of Sign Language Morphology // *Language*. 2005. Vol. 81(2). P. 301–344.
132. Battinson 1978 – *Battinson R.* Lexical Borrowing in American Sign Language. Silver Spring: Linstok Press, 1978. 240 p.
133. Bergman 1983 – *Bergman B.* Verbs and Adjectives: Some Morphological Processes in Swedish Sign Language // Kyle J., Woll B. (eds.) *Language in Sign: An International Perspective on Sign Language*. London: Croom Helm Ltd., 1983. P. 3–9.
134. Bergman, Dahl 1994 – *Bergman B., Dahl Ö.* Ideophones in Sign Language? The place of Reduplication in the Tense-Aspect system of Swedish Sign Language // Bache C., Basboll H., Lindberg C. E. (eds.). *Tense, Aspect and Action. Empirical and Theoretical Contributions to Language Typology*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1994. P. 397–422.
135. Bertinetto et al. 1995a – *Bertinetto P.M., Bianchi V., Higginbotham J., Squartini M.* Temporal reference, aspect and actionality. Vol. I: Semantic and syntactic perspectives. Torino: Rosenberg & Sellier, 1995.
136. Bertinetto et al. 1995b – *Bertinetto P.M., Bianchi V., Higginbotham J., Squartini M.* Temporal reference, aspect and actionality. Vol. II: Typological perspectives. Torino: Rosenberg & Sellier, 1995.
137. Bickford 2005 – *Bickford J.A.* The Signed Languages of Eastern Europe. SIL International. 2005.

138. Binnick 2006 – *Binnick R.* Aspect and aspectuality // B. Aarts and A. McMahon (eds.) *The Handbook of English Linguistics*. Malden, MA and Oxford: Blackwell Publishers, 2006. P. 244–268.
139. Blanck, Hofmann, Jeziorski, König, Langer, Rathmann 2010 – *Blanck D., Hofmann I., Jeziorski O., König S., Langer G., Rathmann C.* Uses of the DGS Corpus from a Deaf Community Perspective. Poster presented at the 4th SLCN-Workshop (Exploitation). Berlin, 2010.
140. Bornstein, Saulnier 1984 – *Bornstein H., Saulnier K.* *The Signed English Starter*. Washington, DC: Kendall Green Publications, 1984. 230 p.
141. Börstell 2011 – *Börstell C.* Revisiting Reduplication. Toward a description of reduplication in predicative signs in Swedish Sign Language: Student thesis. Stockholm, 2011. 82 p.
142. Brennan 1992 – *Brennan M.* *The Visual World of BSL: An Introduction* // *Dictionary of British Sign Language/English*. London: Faber & Faber, 1992. P. 1–133.
143. Brentari 1996 – *Brentari D.* Trilled Movement: Phonetic realization and formal representation. *Lingua*. 1996. Vol. 98. P. 43–71.
144. Brentari 1998 – *Brentari D.* *A Prosodic Model of Sign Language Phonology*. Cambridge: MIT Press, 1998. 376 p.
145. Brentari 2002 – *Brentari D.* Modality differences in sign language phonology and morphophonemics // Meier R., Cormier K., Quinto-Pozos D. (eds.) *Modality and Structure in Signed and Spoken Languages*. Cambridge: Cambridge university press, 2002. P. 35–64.
146. Broselow, McCarthy 1984 – *Broselow E., McCarthy J.* A Theory of Internal Reduplication // *The Linguistic Review*. 1984. № 3. P. 25–88.
147. Brunelli 2006 – *Brunelli M.* *The grammar of Italian Sign Language, with a study about it's restrictive relative clauses*. Master's Thesis. Venezia, 2006. 88 p.

148. Bybee, Dahl 1989 – *Bybee J., Dahl Ö.* The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // *Studies in language*. 1989. Vol. 13 (1). P. 51–103.
149. Bybee et al. 1994 – *Bybee J., Perkins R., Pagliuca W.* The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 398 p.
150. Campr, Hruz, Trojanova 2008 – *Campr P., Hruz M., Trojanova J.* Collection and Preprocessing of Czech Sign Language Corpus for Sign Language Recognition // *Proceedings of the International Conference on Language Resources and Evaluation*. Marrakech, 2008.
151. Carlson 1977 – *Carlson G.N.* Reference to Kinds in English: Ph.D. thesis. Amherst: University of Massachusetts, 1977.
152. Cogill-Koez 2000 – *Cogill-Koez D.* A model of signed language ‘classifier predicates’ as templated visual representations // *Sign Language Linguistics*. 2000. Vol. 3. P. 209–236.
153. Comrie 1976 – *Comrie B.* Aspect: An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 142 p.
154. Comrie 1985 – *Comrie B.* Tense. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 131 p.
155. Coseriu 1980 – *Coseriu E.* Aspects verbal ou aspectos verbaux? Quelques questions de theorie et de methode // *La notion d’aspect*. Paris, 1980. P. 13–25.
156. Coseriu 1996 – *Coseriu E.* El Sistema romanico de las categorias verbales // *El Sistema verbal romanico*. Mexico, 1996 P. 95–125.
157. Crasborn, van der Kooij, Broeder, Brugman 2004 – *Crasborn O., van der Kooij E., Broeder D., Brugman H.* Sharing sign language corpora online: proposals for transcription and metadata categories // *Proceedings of the LREC 2004 Satellite Workshop on Representation and processing of sign languages*. 2004. P. 20–23.
158. Cusic 1981 – *Cusic D.* Verbal Plurality and Aspect. Ph.D. Dissertation. Stanford: Stanford University, 1981.

159. Dahl 2010 – *Dahl E.* Time, Tense and Aspect in Early Vedic Grammar: Exploring the Inflectional Semantics in the Rigveda // Brill Studies in Indo-European Language and Linguistics. Leiden: Brill, 2010. 475 p.
160. Dahl 1985 – *Dahl Ö.* Tense and Aspect Systems. Oxford: Blackwell, 1985. 213 p.
161. De Swart 1998 – *De Swart H.* Aspectual Shift as Type Coercion // Natural Language and Linguistic Theory. 1998. Vol. 16 (2). P. 347–385.
162. De Swart, Verkuyl 1999 – *De Swart H., Verkuyl H.* Tense and aspect in sentence and discourse: lecture notes of the 11th European summer school in logic, language, and information. Utrecht: Utrecht Institute of Linguistics OTS, 1999.
163. Dik 1985 – *Dik S.* Copula auxiliation: how and why? // Historical development of auxiliaries. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1985. P. 56–84.
164. Dik 1994 – *Dik S.* Verbal Semantics in Functional Grammar // Bache S., Basboll H., Lindberg C.-E. (eds.) Tense, Aspect and Action: Empirical and Theoretical Contributions to Language Typology. Berlin: Mouton de Gruyter, 1994. P. 23–42.
165. Dik 1997 – *Dik S.* The Theory of Functional Grammar: the structure of the clause. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997. 529 p.
166. Dowty 1979 – *Dowty D.R.* Word meaning and Montague Grammar: The semantics of verbs and times in Generative Semantics and Montague's PTQ // Studies in Linguistics and Philosophy. Dordrecht: Kluwer. 1979.
167. Dressler 1968 – *Dressler W.* Studien zur verbalen Pluralität. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1968.
168. Dudis 2011 – *Dudis P.* Response: Some Observations on Form-Meaning Correspondences in Two Types of Verbs in ASL // Mathur G., Napoli D. (eds.) Deaf Around the World: the Impact of Language. New York: Oxford university press, 2011. P. 83–95.
169. Duffy 2007 – *Duffy Q.* The ASL Perfect formed by preverbal FINISH. Master's Thesis. Boston, 2007. 43 p.

170. Dukic, Milkovic, Wilbur 2010 – *Dukic L., Milkovic M., Wilbur R.* Evidence of telicity marking by nonmanuals in HZJ. Poster // Theoretical issues in sign language research 10. 2010.

171. Efthimiou, Fotinea 2008 – *Efthimiou E., Fotinea S.* Annotation and Maintenance of the Greek Sign Language Corpus // Proceedings of the 3rd Workshop on the Representation and Processing of Sign Languages: Construction and Exploitation of Sign Language Corpora workshops series, 2008.

172. Fischer 1973 – *Fischer S.* Two Processes of Reduplication in American Sign Language // *Foundations of Language*. 1973. Vol. 9. P. 469–480.

173. Givon 1995 – *Givon T.* Functionalism and grammar. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 1995.

174. Golston, Thurgood 1999 – *Golston C., Thurgood E.* Reduplication as Echo: Evidence from Bontok and Chumash // *Perspectives in Linguistics: Papers in honor of P. J. Mistry*. – New Dehli: Indian Institute of Language Studies, 1999. – P. 81–105.

175. Grenoble 1992 – *Grenoble L.* An Overview of Russian Sign Language // *Sign Language Studies*. Maryland: Linstok Press, 1992. Vol. 21 (77). P. 321–338.

176. Grose 2003 – *Grose D.* A Nonmanual Perfect Marker in ASL: the Head Nod. Master's Thesis. Purdue University, 2003.

177. Haspelmath, Sims 2010 – *Haspelmath M., Sims A.* Understanding morphology. London: Hodder Education, 2010. 366 p.

178. Heine 1994 – *Heine B.* On the Genesis of Aspect in African Languages: The Proximative // *Proceedings of the Twentieth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society: Special Session on Historical Issues in African Linguistics*. Berkley: Berkley Linguistic society, 1994. P. 35–46.

179. Heine, Kuteva 2004 – *Heine B., Kuteva T.* World Lexicon of Grammaticalization. New York: Cambridge University Press, 2004. 387 p.

180. Hendriks 2008 – *Hendriks B.* Jordanian Sign Language: Aspects of grammar from a cross-linguistic perspective. PhD Thesis. Amsterdam, 2008. 257 p.

181. Hockett 1995 – *Hockett C.F.* Peiping Morphophonemics // Reading in Linguistics I & II. – Chicago: University of Chicago Press, 1995. – P. 130–143.
182. Hohenberger 2008 – *Hohenberger A.* The word in sign language: empirical evidence and theorethical controversies // *Linguistics*. 2008. Vol. 46 (2). P. 249–308.
183. Hopper 1988 – *Hopper P.* Emergent Grammar and the A Priori Grammar Postulate // Tannen D. (ed.) *Linguistics in Context: Connecting Observation and Understanding*. Norwood, NJ: Ablex, 1988. P. 117–134. 320 p.
184. Humphries, Padden, O'Rourke 1994 – *Humphries T., Padden C., O'Rourke T.J.* A Basic Course in American Sign Language. Silver Spring, MD: T.J. Publishers, 1994. 288 p.
185. Jantunen, Takkinen 2010 – *Jantunen T., Takkinen R.* Syllable Structure in Sign Language Phonology // Brentari D. (ed.). *Sign Languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 312–331.
186. Jespersen 1924 – *Jespersen O.* The Philosophy of Grammar. London: George Allen & Unwin Ltd., 1924.
187. Johnston, Schembri 2006 – *Johnston T., Schembri A.* Issues in the creation of a digital archive of a signed language // Sustainable data from digital fieldwork. Sydney: University of Sydney Press, 2006. P. 7–16.
188. Jones 1978 – *Jones P.* On the interface of ASL phonology and morphology // *Communication and cognition*. 1978. № 11. P. 69–78.
189. Johnson 1981 – *Johnson M.* A unified temporal theory of tense and aspect // *Syntax and Semantics*. 1981. № 14. P. 145– 171.
190. Johnston, Schembri 2007 – *Johnston T., Schembri A.* Australian Sign Language (Auslan). An introduction to Sign Language Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 323 p.
191. Kimmelman 2009 – *Kimmelman V.* Parts of speech in Russian Sign Language: The role of iconicity and economy // *Sign Language & Linguistics*. 2009. Vol. 12 (2). P. 161–186.

192. Kimmelman 2011 – *Kimmelman V.* Word order in Russian Sign Language // *Sign Language Studies*. 2011. Vol. 12 (3). P. 412–445.
193. Kimmelman 2013 – *Kimmelman V.* Doubling in RSL and NGT: a pragmatic account // M. Balbach, L. Benz, S. Genzel, M. Grubic, A. Renans, S. Schalowski, M. Stegenwallner, A. Zeldes (eds.) *Interdisciplinary Studies on Information Structure*. Potsdam, 2013. Vol. 17. P. 99–118.
194. Kimmelman 2014 – *Kimmelman V.* Information Structure in Russian Sign Language and Sign Language of the Netherlands. Amsterdam, 2014. 267 p.
195. Klein 1994 – *Klein W.* Time in language. London: Routledge, 1994. 260 p.
196. Klima, Bellugi 1979 – *Klima E., Bellugi U.* The signs of language. Cambridge, MA; London: Harvard University Press, 1979. 417 p.
197. Koschmieder 1929 – *Koschmieder E.* Zeitbezug und Sprache. Ein Beitrag zur Aspekt- und Tempusfrage. Leipzig|Berlin: Teubner, 1929.
198. Krifka 1998 – *Krifka M.* The origins of telicity // *Events and Grammar*. Dordrecht: Kluwer, 1998. P. 197–235.
199. Kuryłowicz 1960 – *Kuryłowicz J.* Esquisses linguistiques. Wrocław–Kraków, Polska Akademia Nauk, 1960.
200. Kuteva 2009 – *Kuteva T.* Grammatical categories and linguistic theory: elaborateness in grammar // *Proceedings of the 2nd International Conference «Language Documentation and Linguistic Theory»*. London, 2009. P. 13–28.
201. Ladd 2007 – *Ladd P.* Signs of change: sign language and televisual media in the UK // M. Cormack, N. Hourigan (eds.) *Minority Language Media: Concepts, critiques and case studies*. Clevedon: Multilingual Matters, 2007. P. 229–247.
202. Leech 1971 – *Leech G.N.* Meaning and the English verb. London: Longman, 1971.
203. LeMaster 2003 – *LeMaster B.* School language and shifts in Irish deaf identity // *Many Ways to Be Deaf: International Variation in Deaf Communities*. Washington, DC: Gallaudet University Press, 2003. P. 153–172.

204. Liddel 2003 – *Liddel S.K.* Grammar, Gesture and Meaning. New York: Cambridge University Press, 2003. 384 p.
205. Liddel, Johnson 1989 – *Liddel S.K., Johnson R.* American Sign Language: the phonological base // *Sign Language Studies*. 1989. Vol. 64 P. 197–277.
206. Lindstedt 2002 – *Lindstedt L.* The perfect – temporal, aspectual, evidential // *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 2002. P. 365–384.
207. Malaia, Wilbur 2010 – *Malaia E., Wilbur R.* Representation of verbal event structure in sign languages // *Proceedings of the Interdisciplinary workshop on verbs: The Identification and representation of verb features*. Pisa, 2010. P. 165-170.
208. Malaia, Wilbur 2012 – *Malaia E., Wilbur R.* Telicity expression in the visual modality // V. Demonte, L. McNally (eds.) *Telicity, Change and State: A Cross-Categorical View of Event Structure*. Oxford University Press, 2012. Vol. 39. P. 122–138.
209. Manninen 2001 – *Manninen S.* A Minimalist Analysis of Stage Level and Individual Level Predicates // S. Manninen, C. Paradis (eds.) *The Department Of English in Lund: Working Papers in Linguistics*. 2001. Vol. 1.
210. Marantz 1982 – *Marantz A.* Re Reduplication // *Linguistic Inquiry*. 1982. Vol. 13 (3). P. 435–482.
211. Maroney 2004 – *Maroney E.* Aspect in ASL: A Typological-Functional Analysis // *Proceedings of the BLS 30 Conference*. Berkeley: University of California, 2004. P. 244–255.
212. McCarthy 1981 – *McCarthy J.* A prosodic theory of nonconcatenative morphology // *Linguistic Inquiry*. 1981. Vol. 12 (3). P. 373–418.
213. McCawley 1971 – *McCawley J.* Tense and Time Reference in English // C. Fillmore and D.T. Langendoen (eds.) *Studies in Linguistic Semantics*. Holt, Rinehart and Winston, New York 1971. P. 97–114.
214. Meier 2002 – *Meier R.* Why different, why the same? Explaining effects and non-effects of modality upon linguistic structure in sign and speech // R. Meier, K.

Cormier, D. Quinto-Pozos (eds.) Modality and structure in signed and spoken languages. Cambridge: Cambridge university press, 2002. P. 1–25.

215. Meir 1999 – *Meir I.* A perfect marker in Israeli Sign Language // Sign Language & Linguistics. 1999. Vol. 2 (1). P. 41–60.

216. Meir, Sandler 2008 – *Meir I., Sandler W.* A Language in Space: The Story of Israel Sign Language. New York: Lawrence Erlbaum Associates, 2008. 332 p.

217. Meir 2012 – *Meir I.* Word Classes and Word Formation // Pfau R., Steinbach M., Woll B. (eds.) Sign Language: An International Handbook. Berlin: Mouton de Gruyter, 2012. P. 77–111.

218. Miljan 2003 – *Miljan M.* Number in Estonian Sign Language // Trames: Journal of the Humanities and Social Sciences. Tallinn, 2003. Vol. 7 (3). P. 203–223.

219. Mithun 1988 – *Mithun M.* Lexical Categories and the Evolution of Number Marking // M. Hammond, M. Noonan (eds.) Theoretical Morphology: Approaches in Modern Linguistics. New York: Academic Press, 1988. C. 211– 234.

220. Moravcsik 1978 – *Moravcsik E.A.* Reduplicative Constructions // Greenberg J. (ed.). Universals of Human Language. – Vol. 3: Word Structure. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1978. – P. 297–334.

221. Nyst 2007 – *Nyst V.* A Descriptive Analysis of Adamorobe Sign Language (Ghana). Ph.D. thesis. Utrecht, 2007. 244 p.

222. Palfreymen 2013 – *Palfreymen N.* Form, function and grammaticalisation of completive markers in the sign language varieties of Solo and Makassar // Bowden J. (ed.) Tense, aspect, modality and evidentiality in languages of Indonesia. NUSA. 2013. Vol. 55. P. 153–172.

223. Pereira 2010 – *Pereira A.* Including Spanish sign language in subtitles for the deaf and hard of hearing // Matalama A., Orero P. (eds.) Listening to subtitles: subtitles for the deaf and hard of hearing. Wien: Peter Lang 2010. P. 103–114.

224. Perlmutter 1992 – *Perlmutter D.* Sonority and Syllable Structure in American Sign Language // Linguistic Inquiry. 1992. Vol. 23. P. 407–442.

225. Pfau, Quer 2010 – *Pfau R., Quer J.* Nonmanuals: their grammatical and prosodic role // *Sign languages*. New York: Cambridge University Press, 2010. P. 381–402.
226. Pfau, Steinbach 2003 – *Pfau R., Steinbach M.* Optimal reciprocals in German Sign Language // *Sign Language & Linguistics*. 2003. Volume 6 (1). P. 3–42.
227. Pfau, Steinbach 2005a – *Pfau R., Steinbach M.* Backward and Sideward Reduplication in German Sign Language // Hurch B. (ed.) *Studies on Reduplication (Empirical Approaches to Language Typology)*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005. P. 569–594.
228. Pfau, Steinbach 2005b – *Pfau R., Steinbach M.* Plural formation in German Sign Language: Constraints and strategies // *Linguistische Berichte*. Hamburg: Buske, 2005. P. 114–144.
229. Prillwitz et al. 1989 – *Prillwitz S., Leven R., Zienert H., Hanke T., Henning J.* HamNoSys. Version 2.0; Hamburg Notation System for sign languages: An introductory guide // *International Studies on Sign Language and Communication of the Deaf*. Vol. 5. Hamburg: Signum Press, 1989.
230. Rathmann 2005 – *Rathmann C.* Event Structure in American Sign Language. Ph.D. thesis. Austin: The University of Texas, 2005. 279 p.
231. Reagan 2007 – *Reagan T.* The times of our signs: aspect and aspectual markers in American Sign Language // *Southern African Linguistics and Applied Language Studies*. 2007. Volume 25 (1). P. 17–26.
232. Reichenbach 1947 – *Reichenbach H.* Elements of symbolic logic. London: Macmillan, 1947.
233. Rothstein 2004 – *Rothstein S.* Structuring events: a study in the Semantics of Lexical Aspect. Malden: Blackwell Publishing, 2004. 206 p.
234. Sandler 1989 – *Sandler W.* Phonological representation of the sign: linearity and non-linearity in American Sign Language. Dordrecht: Foris Publications, 1989. 222 p.

235. Sandler, Lillo-Martin 2006 – *Sandler W., Lillo-Martin D.* Sign Language and Linguistic Universals. New York: Cambridge University Press, 2006. 547 p.
236. Sasse 2001 – *Sasse H.–J.* Recent activity in the Theory of Aspect: accomplishments, achievements or just non-progressive states? // *Linguistic Typology*. 2001. Vol. 6 (2). P. 199–271.
237. Schalber K., Grose D. The Semantics, Syntax and Phonology of Adverbial Nonmanuals in Austrian and American Sign Language // R.M. De Quadros (ed.) *Sign languages: spinning and unravelling the past, present and future. Theoretical issues in Sign language research*. 2006. Vol. 9. P. 552–565.
238. Schalber 2004 – *Schalber K.* Phonological Visibility of Event Structure in Austrian Sign Language: A Comparison of ASL and ÖGS. Master's thesis. West Lafayette: Purdue University, 2004.
239. Schick 1990 – *Schick B.* Classifier predicates in American Sign Language // *International journal of sign linguistics*. 1990. Vol. 1 (1). P. 15–40.
240. Schuit 2007 – *Schuit J.* The typological classification of sign language morphology. Master's Thesis. Amsterdam, 2007. 71 p.
241. Smith 1997 – *Smith C.S.* The Parameter of Aspect. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1997 349 p.
242. Sparing-Chávez 2003 – *Sparing-Chávez M.* I want to but I can't: the frustrative in Amahuaca. Summer Institute of Linguistics Electronic Working Papers. 2003. 13 p.
243. Sreadthesign – Международный видеословарь национальных жестовых языков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sreadthesign.com>
244. Stavans 1996 – *Stavans A.* One, Two or More: The Expression of Number in Israeli Sign Language // Edmondson W., Wilbur R. (eds.) *International Review of Sign Linguistics*. Mahwah, NJ: LEA, 1996. Vol. 1. P. 95–114.
245. Steinbach 2012 – *Steinbach M.* Plurality // Pfau R., Steinbach M., Woll B. (eds.) *Sign Language: An International Handbook*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2012. P. 112–135.

246. Stokoe 1960 – *Stokoe W.* Sign Language Structure: An Outline of the Visual Communication Systems of the American Deaf. New York: University of Buffalo, 1960. 78 p.
247. Supalla 1986 – *Supalla T.* The classifier system n American Sign Language // Craig C. (ed.) Noun classes and categorization: Typological Studies in Language. Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1986. P. 182–214.
248. Sutton 1999 – *Sutton V.* Lessons in SignWriting: textbook and workbook. La Jolla: Deaf action committee for sign writing, 1999.
249. Sutton-Spence et al. 2005 – *Sutton-Spence R., Ladd P., Rudd G.* Analysing sign language poetry. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. 263 p.
250. Sutton-Spence, Woll 1999 – *Sutton-Spence R., Woll B.* The Linguistics of British Sign Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 299 p.
251. Tang 2009 – *Tang G.* Acquiring FINISH in Hong Kong Sign Language // Tay J., Tsay J. Taiwan Sign Language and Beyond. Chia-Yi, Taiwan: The Taiwan Institute for the Humanities, National Chung Cheng University, 2009. P. 21–47.
252. Tsay, Myers 2009 – *Tsay J., Myers J.* The morphology and phonology of Taiwan Sign Language // Tay J., Tsay J. Taiwan Sign Language and Beyond. Chia-Yi, Taiwan: The Taiwan Institute for the Humanities, National Chung Cheng University, 2009. P. 83–130.
253. Vally, Lucas 2000 – *Vally C., Lucas C.* Linguistics of American Sign Language: An Introduction (3-d edition). Washington, DC, 2000. 493 c.
254. van der Hulst, Channon 2010 – *van der Hulst H., Channon R.* Notation systems // Brentari D. (ed.) Sign languages. New York: Cambridge University Press, 2010. C. 151–172.
255. Van Valin 1993 – *Valin R.D.* A synopsis of Role and Reference Grammar //R.D. Van Valin Jr. (ed.) Advances in Role and Reference Grammar. Amsterdam, 1993. P. 1–164.
256. Vendler 1957 – *Vendler Z.* Verbs and Times // The Philosophical Review. 1957. Vol. 66 (2). P. 143–160.

257. Verkuyl 1989 – *Verkuyl H.J.* Aspectual classes and aspectual composition // *Linguistics and philosophy*. Dordrecht: Kluwer, 1989. Vol. 12 (1). P. 39–94.
258. Vletsi, Stravrakaki 2008 – *Vletsi E., Stravrakaki S.* Tense and aspect in Greek Sign Language // *Proceedings of the 8th International Conference on Greek Linguistics*. University of Ioannina, 2008. P. 589–600.
259. Wallingford 2008 – *Wallingford S.* The Pluralisation of nouns in New Zealand Sign Language // *Wallace D. (ed.) Wellington Working Papers in Linguistics*. Wellington: School of Linguistics and Applied Language Studies, 2008. Vol. 20. P. 1–24.
260. Wilbur 1987 – *Wilbur R.* American Sign Language: linguistics and applied dimensions. Boston: Little, Brown and Company, 1987.
261. Wilbur 2003 – *Wilbur R.* Representation of telicity in ASL. Paper presented at the Chicago Linguistic Society. Chicago, 2003. P. 354–368.
262. Wilbur 2005 – *Wilbur R.* A reanalysis of reduplication in American Sign Language // *Hurch B. (ed.) Studies on Reduplication*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005. P. 595–623.
263. Wilbur 2008 – *Wilbur R.* Complex predicates involving events, time and aspect: is this why sign languages look so similar? // *Quer J. (ed.), Signs of the Time. Selected Papers from TISLR 2004*. Hamburg: Signum Press, 2008. P. 217–250.
264. Wilbur 2009 – *Wilbur R.* Productive reduplication in a Fundamentally Monosyllabic Language // *Language Sciences*. 2009. Vol. 31 (2–3). P. 325–342.
265. Wilbur 2010 – *Wilbur R.* The semantics-phonology interface // *Brentari D. (ed.) Sign languages*. New York: Cambridge University Press, 2010. P. 355–380.
266. Wilbur, Wood 2000 – *Wilbur R., Wood S.* When is a modality effect not a modality effect? Aspectual marking in signed and spoken languages. Paper presented at the Texas Linguistics Society Conference. Austin: The University of Texas, 2000.
267. Zeshan 2000 – *Zeshan U.* Sign Language in Indo-Pakistan: A Description of a Signed Language. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 2000. 178 p.

268. Zeshan 2003 – *Zeshan U.* Aspects of Türk İ's,aret Dili (Turkish Sign Language) // *Sign Language & Linguistics*. 2003. Vol. 6 (1). P. 43–75.

269. Zeshan 2005 – *Zeshan U.* Sign Languages // Haspelmath M., Dryer M., Gil D., Comrie B. (eds.). *The World Atlas of Language Structures*. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – P. 558–559.

270. Ziegeler 2006 – *Ziegeler D.* Interfaces with English Aspect. Diachronic and empirical studies // *Studies in Language Companion*. Vol. 82. Amsterdam: John Benjamins, 2006.

271. Zucchi 1998 – *Zucchi S.* Aspect Shift // Rothstein S. (ed.) *Events and Grammar*. Dordrecht: Kluwer, 1998. P. 349–370.

272. Zucchi 2003 – *Zucchi S.* The semantics of FATTO: a case of grammaticalization.. Paper presented at the 14th Amsterdam Colloquim. Amsterdam, 2003.

273. Zwitserlood, Nijhof 1999 – *Zwitserlood I., Nijhof S.* Pluralization in Sign Language of the Netherlands (NGT) // Don J., Sanders T. (eds.) *OTS Yearbook 1998–1999*. Utrecht: UiL OTS, 1999. P. 58–78.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Список языков и используемые сокращения

Жестовые языки: **РЖЯ (RSL)** – русский жестовый язык; **ASL** – американский жестовый язык; **ISL** – израильский жестовый язык; **BSL** – британский жестовый язык; **SSL** – шведский жестовый язык; **GSL** – греческий жестовый язык; **ESL** – эстонский жестовый язык; **Auslan** – австралийский жестовый язык; **AdaSL** – жестовый язык Адаморобе (Гана); **HKSL** – гонконгский жестовый язык; **IPSL** – индо-пакистанский жестовый язык; **GDS** – германский жестовый язык; **ÖGS** – австрийский жестовый язык; **LIS** – итальянский жестовый язык; **TID** – турецкий жестовый язык; **TSL** – тайваньский жестовый язык; **LIU** – иорданский жестовый язык; **HZJ** – хорватский жестовый язык; **CZJ** – чешский жестовый язык; **SLSM** – жестовый язык Соло и Массакара (Индонезия).

Звуковые языки: **алеут.** – алеутский язык (алеутская ветвь эскимосско-алеутской семьи); **англ.** – английский язык (германская ветвь индоевропейской семьи); **атчин** (океанийская группа австронезийской семьи); **балкарский** (тюркская ветвь алтайской семьи); **баскский** (изолят); **груз.** – грузинский (картвельская семья ностратической макросемьи); **дирбал** (семья папа-ньюнга языков Австралии); **камму** (австроазиатская семья языков Южной Азии); **карачаево-балкарский** (тюркская ветвь алтайской семьи); **квилеут** (чимакумская семья языков Северной Америки); **коми-зырянский** (финно-угорская ветвь уральской семьи); **корякский** (чукотско-камчатская семья палеоазиатских языков); **куниянти** (пунупская семья языков Австралии); **луисеньо** (такийская ветвь юто-ацтекской семьи языков Северной Америки); **марийский** (финно-угорская ветвь уральской семьи); **мвера** (бантоидная ветвь бенуэ-конголезской семьи нигеро-конголезской макросемьи); **науатль** (ацтекская группа языков юто-ацтекской языковой семьи); **сахо** (кушитская

семья афразийской семьи); **соке** (семья михе-соке языков северной Америки); **сонгай** (группа сонгай-зарма, нило-сахарская макросемья); **рус.** – русский язык (славянская группа индоевропейской семьи); **сьерра-пуэбланский науатль** (юто-ацтекская семья языков Северной Америки); **тубатулабал** (юто-ацтекская семья языков Северной Америки); **франц.** – французский язык (романская группа индоевропейской семьи); **хауса** (чадская ветвь афразийской семьи); **чешский** (славянская группа индоевропейской семьи); **чумашский** (изолят в языках Северной Америки); **эвен.** – эвенкийский (тунгусо-маньчжурская группа алтайской семьи); **якутский** (тюркская ветвь алтайской семьи); **яп.** – японский (изолят).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Список стимульных материалов

Мультфильм «Престо» (студия Pixar, 2008).

Мультфильм «Обезьянки, вперед!» (Союзмультфильм, 1993).

Бидstrup Х. Рисунки (в 4-х томах). М.: Искусство, 1969. Комиксы «Солнечный удар», «Вишня», «Шляпа», «Веселое рождество», «Фотограф-любитель», «Садовые радости», «Победитель», «Домашнее задание», «Сказка», «Старательный помощник», «Вежливость», «Чудеса дрессировки», «Семейная жизнь», «Приметы весны», «Пора спать», «Недоступная», «Самообслуживание», «Кемпинг», «Спасение утопающих», «Детский праздник».

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Пример лингвистической анкеты

- 1) Папа простудился и теперь кашляет.
- 2) Девушка качает коляску.
- 3) Врач попросит больного не моргать, но больной все равно моргнул.
- 4) Мужчина громко кашлянул.
- 5) Мальчик ходил взад-вперед по комнате.
- 6) Девочка бегала туда-сюда.
- 7) Свет в окне то зажигался, то гас.
- 8) Дедушка постоянно надевал очки, чтобы лучше разглядеть, что происходит на сцене.
- 9) Больной все еще покашливает.
- 10) Учитель сердито постукивал по столу указкой.
- 11) Лампа сильно раскачивалась на ветру.
- 12) То и дело сверкала молния.
- 13) Мальчик покашлял неделю и перестал.
- 14) Ребенок плакал недолго, мама его успокоила.
- 15) Брат кашлял всю зиму.
- 16) Ребенок кричал, пока не заснул.
- 17) Наши овцы передохли за неделю.
- 18) Дети добежали до берега и попрыгали в реку.
- 19) Грузовик резко затормозил, и ящики попадали на дорогу.
- 20) Мальчик побросал книги на кровать.
- 21) Мама развесила белье на улице.
- 22) Учитель раздал книги ученикам.
- 23) Почтальон разнес посылки получателям.
- 24) Гости разъехались по домам.
- 25) Мыши разбежались по углам.

- 26) Мама рассыпала муку.
- 27) Ученые съехались на конференцию.
- 28) Ученики собрались на школьной площадке.
- 29) Птицы слетелись на одно дерево.
- 30) Краска на стене потрескалась.
- 31) Дно лодки прохудилось в нескольких местах.
- 32) Девушка обошла все в магазины в поисках сумки.
- 33) Папа проехал через несколько деревень на пути в соседний город.
- 34) Мальчик измазался в грязи.
- 35) Мама порезала мясо.
- 36) Спортсмен бежит по утрам.
- 37) Обычно папа ходит на работу пешком.
- 38) Бабушка встает рано.
- 39) По пятницам мама бывает в центре города.
- 40) Раньше я ходил в школу через лес, а теперь родители возят меня на машине.
- 41) Если остается хлеб, мама делает из него сухари.
- 42) Из остатков ткани я обычно шью сумки.
- 43) Этот молодой человек курит.
- 44) Его все любят, потому что он добрый.
- 45) Моя сестра одевается со вкусом.
- 46) Хороший был слесарь, любые замки открывал.
- 47) Я иногда смотрю телевизор.
- 48) Брат иногда заходил к бабушке.
- 49) Сестра часто болеет.
- 50) Мальчик постоянно разбивает коленки.
- 51) Мама долила чаю в мой стакан.
- 52) Не хватает салфеток. Надо докупить.
- 53) Девочка срисовала картинку из книжки.

- 54) Ученик списал домашнее задание у соседа.
- 55) Фильм мне очень понравился. Я пересмотрел его на следующий же день.
- 56) Мама перемыла тарелку, потому что она была плохо вымыта.
- 57) Мальчик снова закрыл дверь (которую до того открыл).
- 58) Девушка мне улыбнулась. Я улыбнулся в ответ.
- 59) Я все еще живу в городе.
- 60) Несмотря на суматоху вокруг, бабушка продолжала варить суп.
- 61) Уже стемнело, а девочка до сих пор гуляет с собакой.
- 62) Земля вращается вокруг солнца.
- 63) Все знают, что рыбы плавают, собаки лают, птицы летают.
- 64) Зимой вода в реке замерзает.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Условные обозначения текстовых источников и информантов:

Обозначения текстовых источников: **an** – анкета, **d** – диалог, **m** – пересказ мультфильма, **n** – спонтанный нарратив.

Обозначения информантов: **s** – говорящий, **a** – адресат; **1** – мужчина 1994 г.р., слышащий из семьи глухих, регионы длительного проживания – Горноалтайск, Новосибирск; **2** – мужчина 1958 г.р., слепоглухой из семьи глухих, регионы длительного проживания – Новосибирск; **3** – женщина 1985 г.р., слышащая из семьи глухих, регионы длительного проживания – Новосибирск; **4** – женщина 1953 г.р., глухая из семьи слышащих. регионы длительного проживания – Новосибирск; **5** – мужчина 1992 г.р., глухой из семьи слышащих, регионы длительного проживания – Красноярск, Новосибирск; **6** – мужчина 1982 г.р., слышащий из семьи слышащих, регионы длительного проживания – Новосибирск; **7** – женщина 1990 г.р., глухая из семьи слышащих, регионы длительного проживания – Улан-Удэ, Новосибирск; **8** – женщина 1980 г.р., слабослышащая из семьи глухих, регионы длительного проживания – Новосибирск, Санкт-Петербург; **9** – мужчина 1983 г.р., глухой из семьи глухих, регионы длительного проживания – Новосибирск; **10** – женщина 1980 г.р., слышащая из семьи глухих, регионы длительного проживания – Новосибирск; **11** – женщина 1993 г.р., слабослышащая из семьи слышащих, регионы длительного проживания – Абакан, Новосибирск; **12** – женщина 1992 г.р., слабослышащая из семьи глухих, регионы длительного проживания – Якутск, Новосибирск; **13** – женщина 1994 г.р., слабослышащая из семьи слышащих, регионы длительного проживания – Новокузнецк, Новосибирск; **14** – женщина 1989 г.р., слабослышащая из семьи слышащих, регионы длительного проживания – Новосибирск; **15** – женщина 1988 г.р., глухая из семьи глухих, регионы длительного проживания – Новосибирск; **16** – женщина 1983 г.р., слабослышащая из семьи слышащих, регионы длительного

проживания – Семипалатинск, Павлодар, Новосибирск; **17** – мужчина 1981 г.р., глухой из семьи глухих, регионы длительного проживания – Семипалатинск, Павлодар, Новосибирск; **18** – мужчина 1979 г.р., глухой из семьи глухих, регионы длительного проживания – Семипалатинск, Павлодар, Новосибирск; **19** – мужчина 1972 г.р., слабослышащий из семьи слышащих, регионы длительного проживания – Семипалатинск, Павлодар, Новосибирск; **20** – мужчина 1974 г.р., глухой из семьи слышащих, регионы длительного проживания – Якутия, Санкт-Петербург, Новосибирск; **21** – женщина 1988 г.р., глухая из семьи слышащих, регионы длительного проживания – Барнаул, Новосибирск; **22** – женщина 1994 г.р., глухая из семьи слышащих, регионы длительного проживания – Красноярск, Новосибирск; **23** – мужчина 1975 г.р., глухой из семьи слышащих, регионы длительного проживания – Екатеринбург, Новосибирск; **24** – женщина 1991 г.р., глухая из семьи слышащих, регионы длительного проживания – Павлодар, Новосибирск; **25** – мужчина 1949 г.р., глухой из семьи слышащих, регионы длительного проживания – Новосибирск; **26** – мужчина 1963 г.р., глухой из семьи слышащих, регионы длительного проживания – Горноалтайск, Новосибирск; **27** – женщина 1979 г.р., глухая из семьи слышащих, регионы длительного проживания – Горноалтайск, Санкт-Петербург.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Условные обозначения в глоссах

arc – движение по дуге; **bh** – ориентация руки тыльной стороной к говорящему; **btf** – наклоны тела вперед и назад; **CLF** – классификаторный жест; **cm** – изменение движения; **co** – изменение ориентации жеста; **ctr** – движение к центру; **FUT** – будущее время; **hbtf** – наклоны головы и тела вперед и назад; **hh** – удержание руки; **hlr** – наклоны головы вправо и влево; **htf** – наклоны головы вперед и назад; **IMP** – императив; **INDX** – указательный жест; **inhh** – удержание начальной конфигурации жеста; **inv** – инверсивное движение; **LOC** – объект/адресат/место; **m** – движение; **mo** – открывание рта; **mx** – движение по направлению к говорящему; **ORD** – порядковое числительное; **PAST** – прошедшее время; **plm** – ориентация руки ладонью к говорящему; **POSS** – притяжательное местоимение; **PRES** – настоящее время; **PRTCL** – частица; **PRVN** – превентив; **r/dbl/alt** – двуручная сукцессивная редупликация; **r/dbl/sm** – двуручная симультанная редупликация; **r/s** – простая редупликация без изменения локализации; **REC** – реципрок; **sd** – движение от центра в стороны; **sl** – замедление движения; **1ps** – первое лицо; **/** – пауза; **//** – длинная пауза; **+** – повторение жеста при редупликации; **+** – повторение жеста при редупликации с усечением копии; **^** – словосложение; **:** – несегментное выражение нескольких значений в рамках одной формы; **=** – одновременное исполнение жестов разными мануальными артикуляторами.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Дактильный алфавит

						
А	Б	В	Г	Д	Е	Ё
						
Ж	З	И	Й	К	Л	М
						
Н	О	П	Р	С	Т	У
						
Ф	Х	Ц	Ч	Ш	Щ	Ъ
						
Ы	Ь	Э	Ю	Я		

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

Список предикатных жестов, которые исследовались на предмет отражения акциональной семантики в их фонологической структуре и в их морфосинтаксических свойствах и ограничениях

Арестовать	Гулять	Использовать	Не.понимать
Бежать	Дать.совет	Испортиться	Не.хватать
Беспокоиться	Действовать	Исчезнуть	Нервничать
Блестеть	Делать	Капать	Нравиться
Болеть	Дождь.идти	Капризничать	Обнять
Болтать	Дождь.идти	Кашлять	Обогнать
Бояться	Дразнить	Кипеть	Обожать
Бродить	Дрожать	Клеветать	Обсуждать
Бросить	Думать	Копать	Общаться
Брызгать.духами	Думать.напряженно	Копить	Объяснять
Быть.голодным	Дышать	Кормить	Оказаться
Быть.занятым	Есть	Кормить	Остаться
Варить	Жарить	Красить	Отдыхать
Верить	Ждать	Кричать	Открыть.дверь
Веселиться	Жевать	Купить.билет	Отправить
Вести.машина	Жить	Куриль	Пахнуть
Взять	Заботиться	Лежать	Петь
Волноваться	Забыть	Летать	Печь
Выгнать	Заменить	Лопнуть	Писать
Вязать	Заниматься	Любить	Писать.смс
Гладить	Заниматься.спорт	Меняться	Плавать
Глазеть	Защищать	Мечтать	Плакать
Говорить	Злиться	Мешать	Планировать
Говорить.на.жестов	Знать	Молчать	Плыть
ом языке	Зубрить	Мучиться	Повторять
Говорить.наедине	Играть	Надеть	Поздравить
Гореть	Издеваться	Найти	Положить
Готовиться	Изменить	Наказывать	Пообещать
Грозить	Измерять	Находиться	Постичь
Грубить	Искать	Не.знать	Прибыть

Привести	Светлеть	Стареть	Укусить
Придумать	Сеять	Стесняться	Усердно.работать
Прийти.в.гости	Сидеть	Стоить	Уснуть
Приставать	Сильно.удивиться	Стоять	Успокоиться
Проверять	Случиться	Строить	Ухаживать
Пропустить	Слушать	Стучать	Участвовать
Просить	Смеркаться	Считать	Учить
Проснуться	Смеяться	Танцевать	Учиться
Работать	Смотреть	Таять	Хвалить
Радоваться	Снег.идти	Телефон.звонить	Хотеть
Рассказывать	Снимать.камерой	Темнеть	Хохотать
Расстрелять	Собрать	Терпеть	Читать
Расти	Сомневаться	Торговать	Чувствовать
Рискнуть	Спасти	Тренироваться	Шагать
Рисовать	Спать	Уважать	Шить
Ругать	Спорить	Удивиться	
Ругаться	Сравнивать	Уйти	
Рыдать	Стараться	Украсть	